Неповторимая

Людмила Гурченко

Я – Актриса!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Никогда не забывайте о том, что я – актриса», – любила повторять Людмила Гурченко. Ее творческая судьба сложилась драматично, и все же она была и остается одной из самых ярких русских актрис второй половины XX века. Таких, как она, ни в советском, ни в российском кино больше не было. Да и вряд ли будет. Чтобы стать Людмилой Гурченко, мало родиться талантливой, надо еще пройти оккупацию, преодолеть испытание «медными трубами», пережить страшные годы забвения. Она создала себя сама, раз за разом восставая из пепла, словно феникс. Актриса, которую невозможно забыть.

- Софья Бенуа
  -
  - От автора
  - Глава 1. Город рождения звезды. «Если бы Харьков был столицей»
  - Глава 2. Мать – из дворян, отец – из батраков
  - Глава 3. Марк Гурченко: «Артист выйшов на сцену, и люди усе завлыбалися, притулилися…»
  - Глава 4. Людмила Гурченко: «Я к корням, к своему папе…»
  - Глава 5. Прекрасные песни, светлый праздник Первомая, лучшее в жизни время – «до войны»
  - Глава 6. Оккупация и голод, как движущая сила выживания
  - Глава 7. Люся-Лючия грезит славой Марики Рёкк
  - Глава 8. Харьков при «вторых немцах»: «душегубки», облавы, казни…
  - Глава 9. Юная звезда госпитальных палат с улицы Клочковской
  - Глава 10. За что прима обиделась на Харьков и харьковчан
  - Глава 11. ВГИК. «Я не затем пришла сюда, чтобы молчать!»
  - Глава 12. Как судьбоносная встреча с «Иваном Грозным» сделала Люсю знаменитой
  - Глава 13. «Есть ли жизнь на Марсе?», или Как снимали культовый фильм «Карнавальная ночь»
  - Глава 14. Студентка Люся Гурченко – «эталон девушки СССР» в стиле new look
  - Глава 15. Василий Ордынский: «тайный» брак с

«чернявым орлом»
- Глава 16. Борис Андроникашвили: изысканная внешность с набором неординарных качеств
- Глава 17. Покой для Гурченко бывает только один – кладбищенский…
- Глава 18. Маша. «Дочь кинозвезды – это тоже роль, которую надо талантливо исполнить»
- Глава 19. Игорь Кваша. Мастер эпизода из театра «Современник»
- Глава 20. Александр Фадеев. Роковой выстрел на почве ревности
- Глава 21. Иосиф Кобзон. От любви до ненависти – один шаг?!
- Глава 22. Константин Купервейс. «Я же мужик! А она спит с собакой»
- Глава 23. Сергей Сенин. 20 лет со звездой в режиме terra incognita

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

Софья Бенуа
Людмила Гурченко. Я – Актриса!

© Бенуа С., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

Это книга об удивительной женщине, чьи обаяние и сила ее человеческого таланта просто безграничны. Она всегда приковывала внимание, с первых своих шагов в кино, с первых кадров, с первых фраз, сказанных зрителям или тележурналистам. Мы многое знаем о той знаменитой поре, когда имя актрисы Людмилы Гурченко было знакомо практически каждому. Но мало знаем о той ее жизни, когда маленькая хрупкая девочка постепенно превращалась в знаменитую актрису, словно яркая бабочка, вылезая из сжимающего ее кокона зажатости, проблем и нищеты. И эти два контрастных периода наложены на матрицу одной жизни, в которой не было бы места безграничной любви народа к ней – без первого, изначального, определяющего личность, периода становления.

Воспоминаниями о своем детстве, юности и актерской карьере блистательная Гурченко поделилась, написав книги «Мое взрослое детство», «Аплодисменты» и «Люся, стоп!» А то, что осталось за их страницами, по крупицам можно собрать в воспоминаниях коллег, друзей, современников, в интервью и передачах с ее участием.

Пока же присмотримся к официальной версии биографии всенародно любимой актрисы, напомнив основные вехи ее долгого и яркого творческого пути.

Людмила Марковна Гурченко (12 ноября 1935 года, Харьков – 30 марта 2011 года, Москва) – советская и российская актриса театра и кино, эстрадная певица. Лауреат Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых (1976). Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1994). Народная артистка СССР (1983).

Наиболее известна по картинам: «Карнавальная ночь» (1956), «Девушка с гитарой» (1958), «Старые стены» (1973), «Соломенная шляпка» (1974), «Двадцать дней без войны» (1976), «Пять вечеров» (1979), «Любимая женщина механика Гаврилова» (1981), «Вокзал для двоих» (1982), «Любовь и голуби» (1984), «Моя морячка» (1990), «Старые клячи» (2000).

Глава 1. Город рождения звезды. «Если бы Харьков был столицей»

Людочка Гурченко родилась во времена СССР, в городе Харьков в ноябре 1935 года. Сам город имеет удивительную историю, он даже успел побывать в роли первой столицы новосозданного государства Украина (которого, как мы знаем из истории, никогда не существовало до возникновения партии большевиков и становления советской власти). В Харькове с 1919 по 1934 гг., в расчете на постоянный столичный статус в УССР, осуществлялись грандиозные стройки, кипела активная общественная и культурная жизнь; масштабные архитектурные проекты тех давних лет и сегодня способствуют тому, что этот мегаполис по величине и размаху крепко держится на втором месте в стране.

«Самая лучшая жизнь – это когда живёшь и надеешься». (Людмила Гурченко)

Годом появления Харькова считается 1654 год, – с этой датой связано первое упоминание о крепости. Небольшое поселение между реками Харьков и Лопань организовали казаки, построив здесь острог, а позже – деревянную крепость с шестью башнями. По одной из легенд, основателем считается некий мифический казак Харько. Казаки подчинялись московскому воеводе. Известно, что в крепость как-то пожаловал Петр I – оказав тем

самым поселению великую честь. В разгар войны со шведами Петр со свитой объезжал южные границы русской страны – искал город, чтобы принять тяжелый бой. Правитель обратил внимание на одну из многих крепостей, у стен которой можно было бы встречать шведов. Остановившись в Харькове, дал указ укрепить валы и рвы вокруг крепости.

17 января 1804 года был подписан указ российским императором Александром I об открытии Харьковского университета, что дало возможность городу расти и образовываться.

К началу 1870-х в городе проживало 2000 человек. В это время начинается строительство административных зданий и собора. В марте 1868 года харьковский мэр получил телеграмму из Петербурга, где сообщалось, что дорога из Москвы в Крым может пройти через Харьков. Уже 22 мая 1869 года Харьков встретил первый поезд с севера, а через месяц началось регулярное движение. Новость о дороге с фотографией прибывающего на станцию поезда облетела все газеты и журналы бескрайней империи. Пройдет еще 10 лет – и железная дорога разветвится по необъятной стране на 20000 верст. К началу XX века Харьков был крупным железнодорожным узлом. Благодаря железной дороге в городе стали бурно развиваться промышленность и торговля, да и население города росло, как на дрожжах.

«Советская власть без лишней мишуры и подарочных ленточек скромно, но со вкусом преподнесла городу статус столицы. Мог ли о таком мечтать Харьков? За 15 столичных лет город преобразился до неузнаваемости. Безграничное финансирование архитектурных проектов, образования научных институтов, учебных и административных центров позволили Харькову расти, количество его жителей перевалило за полмиллиона. Самое главное: в городе стали строить здание для правительства – величайший памятник конструктивизма – Госпром на самой большой площади в Европе. Планировались и другие проекты. В 1930 году власти объявили международный конкурс на проект театра массового и музыкального действия, который должен был стать визитной карточкой Харькова и Советской Украины. Под крышей одного большого здания на три гектара должны были поместиться все творческие коллективы города. Изменился и дух города, ведь до 1934 года здесь был центр, на гастроли приезжали иностранные коллективы, вся наука была здесь. Даже первый дом для писателей, знаменитый особняк «Слово», построили в Харькове. В городе сосредотачивались консульства и посольства, на улицах

постоянно звучала иностранная речь. Все это исчезло в один момент. Столицу перенесли в Киев, проекты заморозили. Но у Харькова остался другой статус – он стал первой столицей и под этой маркой пошел дальше»[1].

В первые годы строительства столицы в городе появились Харьковский Дом государственной промышленности (Госпром), в проектировании которого участвовали 22 государственных треста, Промышленный банк, Внешторг и Госторг Украинской ССР. После постройки, с 1928 по 1934 год, в здании размещался Совет Народных Комиссаров Украины. Госпром по тем временам – самое высокое здание на территории СССР, здесь впервые применялись технологии монолитного железобетонного строительства. Позже по такой технологии будут отстроены знаменитые сталинские высотки в Москве.

Во время немецкой оккупации 1941-1943 гг. на первом этаже была устроена конюшня, на других этажах в начале оккупации жили обезьяны, сбежавшие из расположенного рядом со зданием зоопарка. Перед отступлением в августе 1943-го, проводя так называемую «очистку» Харькова, немцы заминировали Госпром, как и многие другие здания города, но взрыв был предотвращен (утверждают, что неизвестный патриот во время этой опасной операции погиб). Здание было восстановлено в 1944-1947 годах. В 1955-м на крыше установлена одна из первых в СССР телевизионных вышек высотой 45 м.

В первые годы становления советской власти отстраивали, достраивали, укрупняли – чтобы перед всем миром гордиться – знаменитый флагман тяжелого машиностроения всесоюзных масштабов ХТЗ (Харьковский тракторный завод).

Знаменитое здание Госпрома; Харьков. Фото 30-х годов XX века.

В городе появились военный университет, крытое здание центрального рынка, ДК «Пищевик». На просторной площади Советской Украины строители светлого будущего отстроили громоздкое здание Дворца Труда. На площади Розы Люксембург возвели многоэтажный Центральный универмаг. На улице Сумской поставили памятник Тарасу Шевченко. Обустроили великолепный парк Горького (по традиции, именем советского классика литературы называли парки только в столичных городах).

И ведь не зря мы хоть и вскользь, но пристально рассматриваем город, где родилась наша героиня. Ведь она провела здесь свое детство, видела все эти здания, сооружения, парки и памятники. А в годы лихолетья, наступившие с началом Великой Отечественной, вынуждена была проявлять незаурядные детские таланты, чтобы выжить – здесь, на этих улицах, в помещениях громоздких советских зданий, – там, где ей доводилось проводить импровизированные концерты, старательно проговаривая слова на чужом немецком языке…

А. Пасюта и Д. Коротков в статье «Если бы Харьков был столицей»[2] в украинской газете «Сегодня» сообщают:

«Война нанесла еще один сокрушительный удар по самолюбию города, который не оправился после потери столичного статуса. Харьков не смог удержать врага – немцы оккупировали город дважды. <…>

Думаю, жители всех крупных городов Украины иногда, не слишком всерьез, но сожалели по поводу того, что их город – не столица страны. Не в политическом, а чисто в практическом смысле, ведь столица – это более высокий уровень жизни, рабочие места и лучшие вузы. Но если для дончан или львовян это рассуждения чисто гипотетические, то для харьковчан они наиболее приближены к реальности, потому что ни Донецк, ни Львов столицей никогда не были. А Харьков был.

Как уроженец Харьковской области, я помню эти рассуждения с детства. Опять-таки в советские времена это были больше рассуждения на уровне желудка, ибо Киев относился к первой категории снабжения, а Харьков – ко второй. Тем не менее ни одному харьковчанину не нужно было объяснять, почему их город называется «первой столицей» – ведь именно в нем была провозглашена Украинская Советская Социалистическая Республика, правопреемником которой позже стала независимая Украина.

Статус Первой столицы стал одной из составляющих харьковской гордости – наравне с площадью Дзержинского (сейчас – Свободы, второй по величине площадью в мире после китайской Тяньаньмэнь), родившимися в Харькове Клавдией Шульженко и Людмилой Гурченко, посвятившим Харькову три повести Эдуардом Лимоновым и ставшим знаменитым в Харькове рокером Чижом.

Но осенью 2004-го Харьков (и не только он) с особым чувством вспомнил о своем утерянном статусе. Когда встал вопрос о Юго-Восточной автономии, никто, даже «донецкие», не поставили под сомнение то, что ее столицей может быть только Харьков. Как и в 1919-м, когда «красный» Харьков противостоял «жовто-блакитному» Киеву. Именно за свою пролетарскую сознательность и несклонность к национализму Харьков стал тогда первой столицей. И будь он столицей в переломные 1991-й и 2004-й, история могла бы пойти совсем другим путем». Когда журналисты писали эти строки, они даже в страшном сне не могли предположить, что впереди их страну ждет еще один, более кровавый «майдан»-2014 года, разделивший страну на два непримиримых лагеря. И снова желание придать Харькову статус столицы найдет отклик в миллионах сердец юго-востока Украины…

И лишь как ремарку к теме приведем слова одного из собеседников форума об истории Харькова и о том, почему городу не сужено было оставаться в столичном статусе.

«На «радость» злопыхателям и тем, кто не знает историю. Киев-столица УССР задумывался как продолжение лучших традиций Донбасса, который был более высокоразвитым в начале XX века, имел больший потенциал и обладал передовыми технологиями.

Привожу (под катом) стенограмма пленума ЦК КП(б)У о решении переноса столицы из Харькова в Киев – это был реальный продуманный шаг, для укрепления и развития Украины, а не порабощения, как то пытаются выставить некоторые историки из квази-организаций типа националистических «институтов памяти». Перенос столицы был необходим для развития региона Правобережья, который был территорией сельскохозяйственного значения. Иными словами – превращение Правобережья из села в город с высокоразвитой культурой, а не «свидомый хуторок» с мещанско-буржуазным укладом, коим была эта территория в 1920-1930 годы»[3].

Не зря, когда в 1934 году было принято решение о переносе столицы УССР в Киев, «мать городов русских» – провинциальный Киев с его узкими улочками, не имеющий даже просторной

площади для массовых мероприятий – еще несколько лет после того события называли «Донбассом украинской культуры».

Глава 2. Мать – из дворян, отец – из батраков

Симпатичная егоза Людочка появилась в Харькове в семье Марка Гавриловича Гурченко (1898-1973) и Елены Александровны Симоновой-Гурченко (1917-1999). По некоторым источникам, отец будущей примадонны советского кино – урождённый Гурченков, но был записан в Харькове паспортисткой в документах как Гурченко – не только в рамках агрессивно проводимой в советской стране политики насаждения украинизации, но и из-за его смоленского акцента, в котором последнее «в» было почти не слышно.

Родители будущей звезды советского экрана – Марк Гаврилович и Елена Александровна. Фото 1934 г.

Елена Александровна Симонова, мама Людмилы Гурченко, происходила из смешанной пролетарско-дворянской семьи. Ее отец был из батраков и якобы активно поддерживал Октябрьскую революцию, а мать происходила из репрессированных дворян. Как сообщает нам народная энциклопедия Википедия, дедушка по матери Александр Прокофьевич Симонов – из древнего русского рода, из которого происходили преподобные Кирилл, Стефан,

Феодор и покровитель учащейся молодёжи Сергий Радонежские, в продолжение семейной традиции был директором гимназии в Москве. Но с новым режимом после 1917 не сотрудничал, уехал в своё родовое имение Бородулино на Смоленщине. 11 ноября 1928 г. он был арестован Смоленским ОГПУ и приговорён особым совещанием при Коллегии ОГПУ 1 февраля 1929 г., обвинение: 58 п. 10, в то время приговор: 3 года высылки. Реабилитирован 21 июля 1989 г.

Бабушка Людмилы Марковны также была столбовой дворянкой. И, судя по дальнейшим событиям, произошедшим в ее судьбе – весьма волевой и целеустремленной женщиной, обладавшей силой воли и сильным характером. Она была матерью восьмерых детей, домохозяйкой, управляющей имением в Смоленской губернии и собственным домом в Москве (отобраны после революции). Но после того, как ей стало доподлинно известно об измене супруга (высланный в Сибирь советской властью муж ей изменил), – она отказалась его простить и уехала в Харьков. Её дочь здесь и встретила Марка Гавриловича – потомственного русского крестьянина Смоленщины, все предки которого веками жили в одной и той же деревне. Со дня рождения до начала Великой Отечественной войны Люся Гурченко жила вместе с родителями в Харькове в однокомнатной полуподвальной квартире в Мордвиновском переулке.

Вот что пишет автор-составитель Е. Мишаненкова в небольшой книжке, посвященной биографии отечественной кинозвезды, о предках Людмилы Марковны:

«Людмила Гурченко любила говорить, немножко бравируя таким контрастом, что ее мать происходила из дворян, а отец – из батраков. Необычная пара. И действительно – чем больше читаешь рассказы актрисы о ее родителях, тем лучше понимаешь, что трудно представить себе двух более разных людей. Но несмотря на все различия… а может быть, и как раз благодаря им, они прожили вместе много лет и воспитали совершенно необыкновенную дочь.

Конечно, можно сколько угодно говорить о врожденных качествах, судьбе, предопределении, но все же человека формирует его ближайшее окружение и в первую очередь семья. И Людмила Гурченко сама не раз повторяла и в своих биографических книгах, и в многочисленных интервью, что ее – такую, какая она есть – создала ее семья. Именно от родителей, и в первую очередь от отца, она получила свою искрящую жизнерадостность, умение всегда оказываться в центре внимания, ну и конечно же – огромную любовь к музыке.

Хотя, вообще-то, и ее дед с материнской стороны прекрасно

пел и считал, что музыкальность внучка получила как раз от него. В свое время он очень сожалел, что дочь не унаследовала его музыкальные таланты, но говорил, что это неудивительно, такие способности передаются через поколение. Таки получилось – спустя много лет Людмила Гурченко точно так же сокрушалась, что ее собственная дочь не испытывает никакой тяги к музыке.

Впрочем, Александра Прокофьевича Симонова – своего деда по материнской линии – она видела всего раз в жизни. Он был человеком очень интеллигентным, происходил из хорошей семьи и до революции был директором одной из московских гимназий. Революцию он не принял, тем более что и жена его, Татьяна Ивановна, настоящая столбовая дворянка, была настроена крайне непреклонно… Что поделать, тогда они и правда верили, что нужно только потерпеть, переждать, и все вернется на круги своя.

Ничего, конечно же, не вернулось, им пришлось смириться с новой властью и попытаться забыть о прошлом, но вот новая власть о них не забыла – в середине 20-х Александра Прокофьевича арестовали и выслали в Сибирь, а все его имущество конфисковали. Правда, семью не тронули, поэтому он надеялся, что сможет устроиться на новом месте, и тогда они переедут к нему.

Но жизнь повернулась иначе. В ссылке Александр Прокофьевич завел роман с другой женщиной. И хотя, как это чаще всего и бывает, он вскоре опомнился и пытался помириться с женой, та не пожелала его прощать. К тому времени их шестеро сыновей – Владимир, Сергей, Юрий, Борис, Александр и Константин – уже были достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно работать и учиться, в помощи отца они не нуждались. Ну а две дочери – Елена и Лидия еще оставались на попечении матери».

Многим в те ужасные годы – в первые десятилетия советской власти, когда шла ломка старого и с трудом насаждалось все новое – пришлось выживать своими силами. Но, как и многие, Татьяна Ивановна Симонова не опустила руки, а переехала с дочерями из Москвы в Харьков, где ее сын Сергей работал инженером на железной дороге. В этом незнакомом месте, на окраине города, волевая женщина сняла небольшую комнату и вскоре устроилась уборщицей на Харьковский велосипедный завод. Так выживали дворяне, подряжаясь на самую тяжелую работу, опровергая странный пролетарский лозунг о белоручках и тунеядцах, сидящих на шее трудового народа. Можно было бы также припомнить, в каких чудовищных условиях пришлось выживать первой советской приме экрана Любовь Орловой, в чьих

венах также текла «голубая» дворянская кровь.

Людмила Гурченко в детстве.

Биографы утверждают, что как это ни странно и грустно, но для девочек Елены и Лидии, поселившихся в спартанских условиях и вынужденных какое-то время существовать на крохотную зарплату матери, не многое изменилось. Их жизнь так и осталась простой и по казарменному незатейливо-строгой. А все потому, что, как вспоминала мама Людмилы Гурченко, «в их доме всегда царили строгость, порядок и экономия. Даже в те времена, когда отца еще не арестовали. Детей воспитывали сурово – мать они называли на «вы», питались очень просто, одевались тоже в самую простую одежду, за любую провинность их строго наказывали. а между тем все у них было – и деликатесы, и наряды. Просто такие в семье были правила, что все лучшее приберегалось на «потом», «на вырост», ну и, конечно, на праздники, во время которых детям позволялось и нарядиться, и вкусно поесть, и, возможно, даже нарушить какие-то правила»[4].

Но жизнь текла своим чередом, девушки подрастали в условиях становления советской власти, и им, как и всему

обществу, доводилось подстраиваться под обстоятельства и новую реальность… А затем, как и водится у молодых, любовь взяла верх, – так в монотонную жизнь юной Елены Симоновой ворвался Марк, вопреки воли ее матери ставший ей желанным супругом. Молодые люди тихо, по-будничному, расписались в загсе и стали жить в квартирке у новоиспеченного мужа. А когда разгневанная Татьяна Ивановна Симонова прислала сыновей, чтоб те вернули свою непутевую сестру домой, Марк мужественно сражался, раздавая тумаки и проливая кровь. После чего окончательно заслужил себе право стать членом этой странной семьи. И даже суровая Татьяна Ивановна примирилась, констатировав о зяте:

– Это не какой-нибудь подлечуга и провокатор. Жаль, не дал ему господь образования, но человек он удивительно доброкачественный и красивый.

Возможно, свою роль в примирении сыграл его твердый характер, или его жизнелюбие и четкое желание нести ответственность за любимую женщину. Как бы там ни было, но бабушка стала с удовольствием навещать дочь с зятем и вскоре появившуюся на свет внучку Людочку Гурченко.

Став взрослой, Людмила Марковна однажды припомнит забавный эпизод, связанный с ее суровой бабушкой:

– «Раньше – целовали сраку генеральше» – единственная вульгарность, которую позволила себе однажды моя дворянская бабушка, Татьяна Ивановна Симонова. Она сидела перед самоваром. В чеховской прическе. С блюдцем в руках. Пила чай с солью. Это было в голод. Она произнесла это слово с «достоинством», как и все, что говорила и делала. Все с достоинством. И вдруг такое слово! «Ого! Даже мой папа такого слова не говорил!» Я точно помню, что об этом тогда подумала. И запомнила это ее выражение и теперь часто его повторяю.

А еще Людмила Марковна вспоминала:

– Бабушка, мамина мама, была религиозной. С утра до вечера молилась Боженьке и меня учила молитвам.

Без сомнений, многие качества строгой дворянки, не простившей измену мужу, от которого родила восемь детей, передались ее внучке. Людмила Марковна признавалась, что расставалась с мужьями по причине их измен, хотя по натуре она настоящий однолюб. И словцо могла бросить крепкое, не скабрезное, а – в лоб, правдивое, честное, и оттого обидное тому, кто имел неосторожность причинить ей боль, пытаясь завуалировать свой неблаговидный поступок под «обстоятельства»…

Глава 3. Марк Гурченко: «Артист выйшов на сцену, и люди усе завлыбалися, притулилися…»

Людмила Марковна, когда вспоминала об отце, всегда старалась передать его неповторимый говор, полный местечковых, сочных украинизмов, появившихся в его речи в годы проживания на территории Украины. Не только в теле– и радиоинтервью, но и на страницах своих книг артистичная дочь передавала странные словечки из простонародного лексикона отца:

– Я теперь иногда думаю, а правильно ли мне с раннего детства внушал мой папа: «Усё людя-ам, людя-ам, ничегенька себе»? «Артист выйшов на сцену, вдарив у зал. И люди усе завлыбалися, заплакали, притулилися ближий друг до друга и разомлявилися. Не, дочурка, главное ето люди. Усе людя-ам».

В другой раз она вспоминала:

– Такой же снег шел в родном Харькове под Новый год. Впереди папа с баяном, и рядом мы с мамой. Идем на праздник. Идем нести «радысть усем людя-ам». «Ето ж люди, дочурка, они нас з Лёлюю ждуть».

Несмотря на такую любовь к просторечью, Марк Гаврилович Гурченко владел чистым русским языком и при случае даже употреблял характерный московский говор. Это часто сбивало с толку его собеседников. Ведь далеко не все знали, что он родился в Смоленской области, в русской глубинке. А пройдя столько испытаний, постоянно пребывая среди простого народа, и сам хотел оставаться самым простым и малозаметным. Возможно, именно так, совершенно неосознанно, он просто мимикрировал под советскую – новую народную власть? Как знать… Вот ведь и его любимая дочь Люся как-то признается:

– С детства я страдала тайно, что папа так неграмотно говорил. Был даже в моей жизни позорный период, когда я его стеснялась. Правда, это длилось недолго. Как мне теперь стыдно за тот период!

Малышка Люся с отцом.

Да, его говор мог вызывать улыбки и насмешки, но житейская мудрость помогала близким сосуществовать:

– Мама никогда не копировала папу. Он мог обидеться и заплакать.

Так, значит, он жил органично в своем простонародном мироощущении…

Марк Гаврилович родился в деревне Дунаевщина Рославльского района Смоленской области. Мальчик появился на свет 23 апреля, в день святого Марка – вот и получил от родителей имя своего небесного покровителя. Родился Марк в 1898 году, а всем всегда говорил, что в 1899-м. Объясняя свой «каприз» тем, что те, кто родился в 1898 году, служили в царской армии, а кто младше – уже не попали под последний призыв. А так как он не служил, то, значит, и родился в 1899 году.

Деревенская жизнь у мальчишки была нелегкой, с девяти лет он уже работал – пас помещичьих лошадей. А тут еще и отец его был самодуром – бил смертным боем, перепадало не только ему, но другим детям их семьи, и матери. Однажды, когда паренек решил дать сдачи, грозный отец схватил ружье и чуть не пристрелил сына. К счастью, ружье дало осечку. Как ни странно, но Марк на отца зла не держал – ни в детстве, ни став взрослым.

Его юность припала на годы Первой мировой, на большевистскую революцию и Гражданскую войну, в которой ему самому довелось участвовать. После этих бурных событий Марк

уехал в Кривой Рог работать на шахтах забойщиком, а в 1932 году очутился в Харькове. На память от шахт остались ему на всю жизнь сухой кашель да «неубиваемая» грыжа, которую он ежедневно сдавливал плотных корсажем.

В Харьков молодой человек попал по направлению – в те годы многих способных рабочих отправляли получать образование, а он был известен как музыкант – сам освоил гармонь и баян, играл на всех праздниках. Но профессионального музыканта из него не вышло, Марк Гаврилович признавал, что «не по его образованию был этот институт – два года он «вгрызался» в науку, пытался понять теорию, гармонию, а заодно и политэкономию, без которой в то время ни одна специальность не обходилась – и все, терпение его иссякло».

Вот как колоритно о том периоде «интеллигентства» рассказывал сам виновник:

«А дальший – у тридцать втором году – меня высунули в «интеллигенцию»… Тада много способных хлопцев послали на высшее образование. Меня у Харькивский муздраминститут. Он тада вокурат стояв на Бурсацким спуски. Выдержав я етый институт усего два года. Вот где, братва, испытав я исключительный позор и голод… А голод у етых 32-33 году был ужас какой, та што там, мамыньки родныи… Ну, образование у меня што? – четыре класса поповський школы, ну, немнога техникума у Кривом Рагу. А тут тебе и политэкономия, и «Капитал» Маркса… Куда мне усё ета…

– Да-а, вволю тогда надо мной посмеялися городские хлопцы. За что, правда, неоднократно были христосованы мною, пока усе не попритихли… Та я и сам чую – ну куда мне за ими, отстаю. Да я ноты одни полгода вчил. А там и теория, и гармония… Выйду до доски – лицом стану, путаюся, усе смеются; спиною стану – усе штаны у латках, смеются. На мне усе трусится, еле здержуюсь… Стипендия гроши, кишки трищать, одеть нема чего… Хоть караул кричи… Да-а…

…И тут вокурат устроился я ув одной школи детям на переменках играть. У раз – десять рублей! А?? Ага! – вижу дело пошло чуковней»[5].

А вскоре он познакомился с утонченной девицей, о которой еще несколько лет назад бы точно знал: *не своего круга*, и доступа к ней нет. Но годы революции изменили общество, да и девица жила не в полатях, и училась не в Институте благородных девиц. А вскоре и то советское учебное заведение, где училась Елена, ей пришлось оставить, ведь она встретила серьезного мужчину, прошедшего горнило войны, влюбилась и забеременела.

И ведь познакомился как раз с ученицей-комсомолкой той

самой школы, где он устроился с ощутимой материальной пользой играть на баяне. Можно указать, что Марк Гаврилович всегда слыл (то ли так было на самом деле, то ли он себе приписывал подвиги) любвеобильным кавалером. О своем знакомстве с будущей супругой Марк рассказывал буквально следующее[6]:

«И тут смотрю – секретарь комсомольский организации, такая крепкая, здоровая, цыцохи большие, глаза прия-а-тныи… Ну, я ей и говорю: «Будь ласка, барышня, помогите мне детей организувать». Так нежно ей говорю, ну, словум, подлажу до ней…

«Ну, конечно, пожалуйста, дядя Гриша», – так интеллигентно отвечаить. А меня тогда «Гришую» звали. А то, говорить што ета у тебя за имя – Марк? Нерусское ета имя… Ну як же не русское? Як же не русское, если я родився 23 апреля, на день святого Марка. Так меня Маркую и назвали… Да у меня усе братья: Иван. Мишка, Егор, батька Гаврила Семенович, мать Федора Ивановна – усе русские, да уся деревня русские… У нас других зроду и не було…

…Да-а, так вот ета самая комсомольский секретарь говорить мне: «Дядя Гриша, с удовольствием помогу вам, только расскажите, научите, пожалуйста»…

…Вот я и навчив на свою голову. Вже тридцать лет вчу… Ета ж и была Лялюша. Ну, Леля… Елена Александровна Симонова. Люсина мать…»

Харьковская областная филармония, основанная в октябре 1929 г., в довоенное время размещалась по адресу пл. Тевелёва, 24, в здании бывшего Волжско-Камского банка. Здесь работал М.Г. Гурченко, отец будущей звезды экрана.

Как пишет Е. Мишаненкова: «Вот так и состоялось его знакомство с Еленой Симоновой. Она в то время училась в девятом классе, была младше него на девятнадцать лет и, конечно, смотрела на него как на взрослого дядю. Синеглазый, темноволосый, с ослепительной улыбкой, музыкальный и пластичный, танцующий лучше всех вокруг – он был словно живым воплощением того праздника, о котором она в родном доме уже и забыла. «Может, тогда и надо было мне от него отойти, но куда? – вспоминала она о том, как он сделал ей предложение. – У мамы моей мрак. А ко мне никто в жизни так не относился, а я уже привыкла, что есть Марк. Потом изучила его характер, обходила углы, чуяла, откуда ветер. Всю жизнь как на

бочке с порохом. А мама с тетей Лидой еще ничего тогда не знали. Потом узнали: в школу ходить перестала».

Татьяна Ивановна зятя-батрака, конечно, не приняла, но Елена обошлась и без ее согласия – просто расписалась в загсе и ушла жить к Марку. Ее сестре Лиде было строго-настрого запрещено с ней общаться. Но куда там! Марк Гаврилович же кормил Лиду конфетами, которых она в родном доме не видела, наверное, с тех пор, как сослали отца. Конечно, она была на стороне его и Елены…»

Школу Елена Симонова-Гурченко так и не окончила, вместо уроков она вместе с мужем ходила на работу, чтобы помогать тому проводить культурно-массовые мероприятия. В биографических справочниках значится, что до начала войны родители Людмилы Гурченко работали в Харьковской филармонии. Отец был профессиональным музыкантом: играл на баяне и пел на утренниках, праздниках, а мать ему помогала. Он слыл популярным массовиком, проводил различные утренники и праздники как для детей в школах и Дворце пионеров, так и для взрослых – в рабочих клубах и на предприятиях.

Будущая звезда родилась в творческой семье, в атмосфере творчества… О профессии родителей она рассуждала просто:

– Музыкант – это призвание. И папа, и мама преподаватели музыки. Интересно, им никогда не сиделось на месте. Всю жизнь переезжали из города в город. «Немногих добровольный крест». Львов, Петрозаводск, Алма-Ата, Ереван, Минск, Москва. Что-то везде не устраивало. Ехать в Ереван, потому что там фрукты? Везти такой воз вещей, и вообще, само слово «переезд». Никогда ничего не понимала. Кто-то мешал им, кому-то мешали они, кто-то завидовал. Хотелось нового и нового! Когда мы совсем расходились, вдруг фраза: «Это типичная наша семья».

Людмила Гурченко родилась, когда ее матери было всего восемнадцать лет. Странным в этой истории взаимоотношений был выбор имени будущего ребенка. Ведь Людмила – это не то имя, которое отец хотел дать дочери. Пребывая в совершенно приподнятом состоянии после просмотра очередного импортного киношедевра, и пораженный до глубины души приключениями героев американского вестерна, который в тот день показывали в местном кинотеатре, Марк принял судьбоносное решение. Озвученное тем же вечером с помощью записки, переданной в роддом, где находилась его беременная жена: «Лёль! Детка моя! Если в меня будить орел, назовем Алан. Если девычка, хай будить Люси».

И радовался папа несказанно, когда его Люси пришла пора

покидать роддом.

В своей книге «Стоп, Люся!» знаменитая актриса трогательно попросит, и словно озвучит со смаком произносимое над крохотным комочком:

– Эх, папусик, родной, ну еще раз мне скажи, как ты меня в пеленках выносил из роддома. Ну, ну, пожалуйста. «Глянь, Лёль, у всех детей морды красные, а в моей клюкувки морда розовая и все влыбается. Не, Лёль, вот тебе крест святой, актрисую будить, ув обязательном порядку. Мою дочурку увесь мир будить знать, а женихи усе окна повыбивають…»

– Из роддома меня привезли на извозчике. Такси в Харькове в 1935 году были еще редкостью. Привезли меня в нашу маленькую комнатку в большом доме по Мордвиновскому переулку, № 17. С этой комнатой у меня связаны самые светлые и прекрасные воспоминания в жизни.

Кажется дом по Мордвиновскому (ныне Кравцова) переулку, где прошли первые годы жизни героини, не сохранился. Остались лишь воспоминания у тех, кто так или иначе был связан с этим местом.

Глава 4. Людмила Гурченко: «Я к корням, к своему папе…»

Самые теплые воспоминания – и это понятно каждому – остаются от беззаботного светлого детства, ощущения защищенности и родительского тепла. Наша героиня делилась:

– У каждого свой дом. У меня свой. Он особый. С самого детства. «Усе у кучичке, уся тройка, и дочурочка моя дорогенькая, и мама дочурки, и главный папусик, Марк Гаврилович Гурченко».

Людмила Марковна не скрывала, что обожала своего отца (к тому же, как она призналась, папа делал все, чтобы в ее глазах казаться лучше мамы). Не единожды она подчеркивала свою внутреннюю идентичность с ним; не оттого ли, что отец с первого дня ее рождения был убежден, что его розовощекая «клюкувка» вырастет актрисой? – Так сильно в нем было восхищение кинематографом, музыкой, творчеством вообще. Видать, не зря решил он дать своей дочурке имя героини из понравившегося фильма, словно обозначая тем самым дальнейшую судьбу малышки.

Дворянское собрание, а после 1934 года – Дворец пионеров г. Харькова. Разрушено в войну. Здесь часто выступали родители Люси Гурченко.

Даже одну из своих книг «Мое взрослое детство» Гурченко

начинает словами: «Я хочу попытаться рассказать о своем отце. Человеке сильном и слабом, веселом и трагичном, умном от природы и почти совсем неграмотном в сегодняшнем понимании слова «образование». Из прожитых семидесяти пяти своих лет папа прожил сорок пять в городе, но так и не научился говорить грамотно. Город и цивилизация его как бы не коснулись».

Удивляешься, насколько пронзительны всегда признания благодарной дочери! Сколько отцов по всему миру хотели бы видеть такое изъявление чувств со стороны их дочерей…

– Разве я могу забыть эти слова, эту интонацию, эти сильные руки, эту улыбку, доброту и такую веру в свою дочурку?

– Ах, он мог так пожалеть, успокоить, расплакаться. Сколько он мне уделял внимания, да, как и какими необычными, небывалыми человеческими проявлениями. Я так часто и так много думаю о нем. Чем он «брал»? Брал всех. Независимостью и оригинальностью мышления? А может, его ум сохранил ту свежую наивность, которую, как правило, ослабляет обширное образование? Интересно… Короче, и после его смерти я ни на шаг не отошла от обожания отца.

– У меня родился внук. Марк. Марк! Марк!!! Опять я с этими своими восклицательными знаками. Я к корням, к своему папе.

Но как же мама переносила эту крепкую связь дочери с отцом, не упрекала ли ту в неблагодарности и черствости?

– …она талантливо прикрывала папину неграмотность, его слабости, – признавалась Л. Гурченко. И добавляла, что после смерти отца в семье «начался бурный раскол»: – Все, что исходило от меня, – все разбрасывалось, расшвыривалось. Кроме денег. Деньги мама очень ценила. Жизнь такая была.

Удивляясь тому, что происходило в семье после потери хозяина, актриса не стеснялась рассказывать о перипетиях, происходивших с ее матерью. На весь свет выносила она свои трудные наблюдения, давалась диву, как старость меняет не только внешность, но и внутренний мир человека. Рассказывала, возможно, для того, чтобы самой в дальнейшем избежать подобных метаморфоз.

«Странные вещи стали происходить в отношениях с мамой. Она изменилась. Ей давно, очень давно не нравилось, что Костя[7] в доме хозяин, что все деньги у него. Она это, видно, затаила и, конечно, когда меня не было, подтачивала его.

«Понимаете, Костя, я всю жизнь прожила с человеком старше себя. Это очень трудно. У вас еще есть шанс. Надо его использовать».

Она люто возненавидела папу.

«Ну, мам, я же уже родилась. Это все у вас было до меня. Что

ты его ругаешь?» Ну, не знаю, не знаю я такой любви, как у них. Такой я больше не встречала никогда. И нигде, и ни у кого. Иногда у мамы были «проблески», и она сама об этом рассказывала с упоением и становилась молодой и красивой.

После книги, где я так бешено влюбленно пишу об отце, нашлись «добрые» люди, которые ей писали и звонили: что же, Лёля, ты мать, разве Марк такой необыкновенный? Что это Люся его так превозносит, что же ты, Лёля? Не давай себя в обиду.

Злые языки страшнее пистолета. Это точно.

«Знаешь, Люся, а ведь музыкальность у тебя от моего отца. Он прекрасно пел. Это от нашей семьи. Ведь у твоего папы есть сын от Феклы, а он немузыкален». Откуда кому было знать, что в нашей семье была такая игра, где папа якобы был глава. А на самом деле все решала мама. Она «шея». Поворачивала куда хотела. «Лёль, быстро купи себе ети часы, а то я передумаю». – «Люся, как он может «передумать», если все деньги у меня, хи-хи-хи…»»[8]

Описывая свою родительницу, Людмила вспоминала разные характерные особенности. К примеру, с раннего детства она усвоила, что если мать стояла, крепко сжимая кулаки, – верный признак того, что она еле-еле себя сдерживает.

А еще ее мать всю жизнь не могла побороть вредной привычки. Это пристрастие затем оказалось и у дочери Людмилы Марковны Маши. Привычка сближала бабушку и внучку, и вызывала досаду у актрисы, ведь и ее отец терпеть не мог, когда видел жену с папиросой.

«Папа всю жизнь после войны преследовал маму за курение. Но она все равно курила тайком. И если не успевала точно рассчитать папино возвращение, она вскакивала в испуге и махала руками, разгоняя дым. А папа тихим угрожающим голосом говорил: «Затуманиваете, Елена Александровна? Ну, я вам щас затуманю!» Это обращение на «вы» ничего хорошего не предвещало. И мама со скоростью пули вылетала во двор.

«Во, брат, як з дитями на массовки, так ели ходить, а тут – блысь, и нима! Во человек, мамыньки родные! Ну, што ты скажиш…»»[9]

Многие женщины СССР, пережившие военное лихолетье, оказывались зависимы от табака. Утверждают, что многие как раз в войну-то и научились курить, ибо табак хоть как-то отвлекал от постоянной тревоги, перебивал и часто мучивший голод.

Примерно 1939-1940 год. «Люся в детском саду в Харькове. “Мой первый жених Семочка”, – улыбалась она, глядя на фото. Вот он катает её на санках». (Сергей Сенин)

Люсе исполнилось пять лет, когда на ее счастливый город, на ее беззаботное детство страшным испытанием обрушилась война. Ее обожаемый отец вскоре ушел на фронт «бить проклятых гитлеровцев». Несмотря на инвалидность и непризывной возраст, этот мужественный человек пошел навстречу новым испытаниям.

Глава 5. Прекрасные песни, светлый праздник Первомая, лучшее в жизни время – «до войны»

Чтобы понять, насколько незатейливо и благодатно жилось ребенку в конце 30-х годов в большом городе, нужно просто привести заметки-воспоминания самой Люси Гурченко.

«…я родилась в «музыкальной» семье. А точнее – я родилась в музыкальное время. Для меня жизнь до войны – это музыка!

Каждый день новые песни, новые мелодии. Они звучали по радио и на улицах; с утра, когда папа разучивал «новый» репертуар; вечером, когда приходили гости; у соседей на пластинках. Песни и мелодии я схватывала на лету. Я их чисто пела, еще не научившись говорить.

Папа и мама работали в Харьковском Дворце пионеров. Это был новый красивый Дворец. Он находился на площади имени Тевелева. В большом мраморном зале посередине стоял квадратный аквариум. Там плавали необыкновенные красные пушистые рыбки.

В перерывах между массовками мы с папой бежали к аквариуму: «Дочурка! Якеи рыбки! Я ще таких зроду не видев. Якая прелесь… божья рыба…» Мама всегда портила ему настроение: «Марк, ты хоть рот закрой. Сорок лет на пороге… Хуже Люси… хи-хи-хи». – «Леличка, ну яких сорок? Ще нема сорок, зачем человеку зря набавлять?» И папа, взяв меня на руки, посылал в мамину спину: «Во – яга! Мамыньки родныи… Ну? Ета ж чистая НКВД! Ничего, дочурочка, зато папусик в тибя самый лучий!»

Ну, конечно, самый лучший! Самый необыкновенный! Я обнимала его, прижимала его голову к своей. Мне было его жалко»[10].

Или вот – она – беззаботная малышка вместе с такими же сорванцами разгуливает по улицам, находя и разглядывая самые интересные места.

– …вижу свой дом в Мордвиновском в Харькове, где мы, дети, подсматривали за службой в синагоге, которая стояла рядом с моим домом. А потом синагогу переделали в планетарий. А теперь нет моего дома. Его снесли. А синагога действует. Сколько же пройдено, чтобы мир сдвинулся к этой минуте. Как все интересно. Как все непредсказуемо.

Последнее воспоминание нахлынуло на актрису и эстрадную

певицу Гурченко во время выступления в Израиле – когда уже минули долгие десятилетия после окончания той самой кровавой войны 1941-1945 гг., а она сама давным-давно стала знаменитой. На дворе стоял ноябрь, месяц, в котором таилась самая значимая для советских граждан дата – день Октябрьской революции.

– Ноябрь – не просто ноябрь. Это 7 Ноября. Советский праздник. Суббота. Шабат. Я стою на сцене. За моей головой большая шестиконечная желтая звезда. В зале народу-народу… Многие мужчины в шапочках-кипах. В первых рядах ветераны войны с орденами и медалями. И я пою песни войны. И плачу…

И эмоции исполнительницы были искренними не только от благодарности зрителям, не только от переполнявших ее чувств проникновенности момента, но от того, что ее память хранила самые реальные воспоминания *той войны*…

Ведь Людмила оказалась в оккупированном немцами Харькове. И враз разрушился мир, в котором, как казалось ребенку, жили исключительно добрые и улыбчивые люди («я не помню грустных людей, грустных лиц до войны…»).

– У нас в доме все праздники были, как Первое мая. Для меня праздник Первое мая был самым веселым. Папа шел на демонстрации впереди колонны с баяном, весь в белом. Брезентовые папины туфли начищались мелом до блеска. Мама, в белой юбке, белой майке и белом берете, дирижировала хором. Пели все! И я не помню грустных людей, грустных лиц до войны. Я не помню ни одного немолодого лица. Как будто до войны все были молодыми. Молодой папа, молодая мама, молодые все! И я с ними – счастливая, радостная и, как мне внушил мой папа, «совершенно исключительная».

А для исключительной девочки у любящего отца были приготовлены ежевечерние сказки – «сказёнки», как называл их Марк Гаврилович.

– Самые яркие мои впечатления детства – папины сказки. Сказёнки. Придя с работы домой, папа снимал свой баян с плеч, ставил его на стул и шел мыться. Мама шла по длинному коридору на коммунальную кухню готовить ужин. А я вся тряслась в ожидании, когда же папа скажет: «Ну, дочурка, якую тебе сегодня рассказать сказёнку? Веселую или жалостливую?»

И рассказывал, бесконечно живописуя и интерпретируя одни и те же три знакомые ему сказки: про Огниво, медузу Горгону и несчастную девушку, ставшую царевной.

И вот в эту идиллию ворвались бомбежки, голод и смерть!

Людмила Гурченко с мамой. 1943 год.

В начале лета 1941 года детский сад, в который ходила Люся, переехал в Ольшаны, под Харьковом. Была такая советская особенность: многие детсады вывозили на лето в пригород, создавая детям уникальные возможности для полноценного отдыха на природе. Но неожиданно за детьми приехали родители, забирая малышей в Харьков.

– Еще утром мы были в лесу на прогулке. Нарвали ромашек и сиреневых колокольчиков. А вечером мы уже оказались дома, и увядший букет лежал на диване… Все оборвалось мгновенно, неожиданно. Всего пять с половиной лет я прожила «до войны». Так мало!

И вот уже в один из дней маленькая Люся за руку с папой идет смотреть город «после бомбежки». Отец решил, что ребенок должен сразу вникнуть в происходящее, должен понять и осознать своим детским умишком, чтобы легче потом ему было выжить…

– Мы пошли в центр, на площадь имени Тевелева. Во Дворец пионеров попала бомба. Середина здания, там, где был центральный вход, разрушена. Окна выбиты. А как же красные пушистые рыбки? Где они? Успели их спасти? Городской Пассаж, что напротив Дворца, был разрушен совершенно, и даже кое-где еще шел дым. «Да, усе чисто знесли, зравняли з землею… ах ты ж, мамыньки родныи…» Я так любила ходить в Пассаж с мамой! Мне он запомнился как сказочный дворец! Много-много света! И сверкают треугольные флакончики одеколонов «Ай-Петри»,

«Жигули», «Кармен»… Их много, бесчисленное количество. И мама – счастливая, как на Первое мая. …А теперь бугристая, еще горячая груда камней.

В тот же день девочка впервые в жизни увидела раненую женщину и мертвого парня (близкого знакомого семьи).

Вскоре произошло и еще одно важное событие: отец Люси добровольцем ушел на фронт, и девочка осталась с мамой, оказавшись в оккупированном нацистами городе.

– Папа ушел. Он унес с собой баян, а вместе с ним унес самые прекрасные песни, самый светлый праздник Первое мая, самое лучшее в жизни время. Время – «до войны».

Глава 6. Оккупация и голод, как движущая сила выживания

24 октября 1941 года в город Харьков вошли немцы. Город замер, будто вымер, жители притаились в страхе перед будущим. Словно тени, смотрели они потемневшими от тревоги глазами как по булыжной мостовой Клочковской улицы (что находилась совсем близко от той, где жила наша героиня) шли немецкие войска, ехали машины, танки, орудия. Вскоре дом, где в полуподвальной комнате ютились Гурченки, был занят под немецкую комендатуру. Люсю с мамой переселили в здание по тому же Мордвиновскому переулку, на четвертый этаж – так у них оказались две светлые просторные комнаты (одна причем с балконом) и соседи по коммуналке. Если бы переезд произошел при других обстоятельствах (в комнате, где до этого жила Люся, в окно она могла наблюдать лишь ноги прохожих), то обретенные свет и простор могли показаться раем. Но!

Потрясает откровение, выказанное Людмилой Марковной о той вынужденной смене обстановки.

– Балкон на всю жизнь стал для меня символом холода. Если в доме есть балкон, значит, в нем холодно. После нашей маленькой темной комнатушки эти две светлые комнаты казались мне огромными залами. Я и сейчас боюсь больших комнат. И я в это время совсем не думаю о войне. Просто холод с детства пронизал меня так глубоко, что я чувствую его намного раньше, чем он наступает.

Зима 1941-1942 годов действительно стала серьезным испытанием для харьковчан. Морозы пришли очень рано. Уже в ноябре среднесуточная температура в Харькове составляла минус 4,4°, а по средним данным за предыдущие 48 лет наблюдений – плюс 0,8°. В январе 1942 года среднесуточная температура равнялась минус 15,8° при средних показателях минус 6,9°. Столбик термометра опускался до минус 32,6°, а высота снежного покрова составляла 54 см. Отсюда, как мы понимаем, и обостренное предчувствие холода у Люси Гурченко…

Но холод стал не единственным испытанием. «Постепенно все, что составляет человеческий организм, перестроилось на единственную волну: «хочу есть», «хочется кушать», «как! где достать поесть», «не умереть с голоду»». Голод стал основной движущей силой выживания; горожане спешно передвигались по улицам, когда в какой-либо части города отгремела бомбежка. В надежде на разгромленный склад или магазин. Но это было

опасное мероприятие – спешно воровать все, что попадется по руку: за воровство немцы карали жестоко и беспощадно, вплоть до смертной казни, проводимой на центральной площади прилюдно.

Оккупация Харькова немецкими войсками продолжалась с 24 октября 1941 года, с небольшим перерывом в феврале-марте 1943 года, до 23 августа 1943 года. В материале А.В. Скоробогатова ««Жизнь с врагом»: повседневная жизнь в оккупированном немцами Харькове (1941-1943)» можно почерпнуть сведения о том времени, которое выпало пережить многим харьковчанам, в том числе и Люсе Гурченко с матерью.

«…особенно трагично выглядит судьба харьковчан, ибо с началом оккупации города голод достиг ужасных масштабов. В городе не существовало ни одного канала организованного снабжения хлебом. Это был голодомор, какого город еще не видел. Люди опухали от голода и гибли. По некоторым данным, в городе от голода умерло до 30 тыс. человек. Весной 1942 года голод был причиной смерти более чем 70 % людей. Уровень смертности населения был такой, что при его сохранении полное обезлюдение ожидало город на протяжении 10 лет. Постепенно голод медленно отступал, особенно с августа 1942 года, когда была введена карточная система, но он никогда не был ликвидирован…

Оккупированный Харьков. Вид с колокольни Благовещенского собора, – разрушенные Суздальские ряды, далее здание Благовещенского рынка. «Хочешь выжить – умей терпеть». (Людмила Гурченко)

Поэтому важнейшим источником снабжения продовольствием в период оккупации были 14 рынков города. Но цены… от них кружилась голова, в особенности в сложные времена начала оккупации…

Безусловно, в такой ситуации люди могли жить только за

счет продажи собственных вещей. Среди населения Харькова возникает сначала спорадическое, а потом массовое явление – движение на село, или на мены. Главной целью этих мен было обменять домашние вещи на продовольствие непосредственно в сельских районах области. Мать Л. Гурченко обменяла на селе за макинтош и шевиотовое пальто мешок муки, сало и бидончик меда. С течением времени условия обмена для горожан значительно ухудшились, что заставляло горожан расширять маршруты мены, достигать даже районов других областей. Можно сказать, что мены спасли жизнь городу».

На беду к этим испытаниям холодом и голодом прибавилось и еще одно. Зимой 1941-1942 годов главным источником водоснабжения стали харьковские реки. Возле прорубей выстраивались очереди женщин, детей, стариков. Изможденные, почти обессиленные люди должны были приложить немалые усилия, чтобы преодолеть склоны рек Харьков и Лопань, Журавлевские кручи. В воспоминаниях актрисы есть и такие подробности:

– Как все это – и зима, и рекорды, и прорубь, и люди – не похоже на ту зиму, страшную, голодную зиму сорок второго! Люди еле-еле двигались, экономили силы… А лед в Лопани был такой толстый, зловещий. Его не пробьешь… Стою в очереди, закутанная с ног до головы. Торчит один нос. Руки и ноги замерзают, едва только выходишь из дома… А еще идти до проруби. А еще стоять… А люди в очереди серые, мрачные. И ни одного слова. Прямо гробовое молчание. И дети сурово смотрят. И тоже молчат… И так хочется с кем-нибудь поговорить! Чтобы не хотелось есть, чтобы не хотелось спать… У каждого палка или кочерга, чтобы отталкивать трупы. Немцы зимой трупы сбрасывали в Лопань. Течением их доносило сюда. Иногда они застревали около проруби. Воду обязательно кипятили. И попробуй забудь эту кочергу! Никто не даст. Все набрасывались на такого несчастного, как будто он – причина всех бед. Сначала я всегда набирала два полных ведра. Так хотелось порадовать маму! Сделаю десять шагов и понимаю – не смогу, не донесу. Начинаю потихоньку отливать. Иду – отолью. Еще иду – еще отолью. Несу окоченевшими руками проклятые ведра, считаю шаги: «Папа на фронте, ему трудно… всем трудно… маме трудно… Я донесу, я должна донести! Немного, но донесу».

– В зиму 1942 года самым страшным было утро. Ночью спишь, а утром надо было начинать жить. А чем жить? Что есть? Чем топить? Что пить? – это описывала свои ощущения тяжелого детства Людмила Марковна, ставшая уже знаменитой на весь

Советский Союз актрисой.

О том времени она говорила, как припечатывала:

– Процветали грубые и крепкие. Они приняли железную логику – или ты, или тебя. Эти люди как будто вынырнули из-под земли. Одни работали у немцев. Другие открывали лавочки, кафе. А самые страшные стали полицаями. Их боялись больше, чем немцев. Если полицай кого-то невзлюбит… Все! Полицаю достаточно намекнуть немцам, что ты связан с партизанами… И тогда – конец! Люди боялись друг друга. Разговаривали шепотом, с оглядкой. О делах на фронте – единственном, что волновало всех, – боялись заикнуться.

Как выдерживала подобные испытания детская психика? – кажется даже представить невозможно, чтобы дитя было вынуждено смотреть на казни «воров», «предателей», «партизан».

– Тогда мне было шесть лет. Я все впитывала и ничего не забывала. Я даже разучилась плакать. На это не было сил. Тогда я росла и взрослела не по дням, а по часам.

Глава 7. Люся-Лючия грезит славой Марики Рёкк

Война принесла простым людям Харькова огромные беды. Демографические потери города были катастрофическими. Перед войной численность населения Харькова составляла 900 тыс. человек, а в августе 1943 года, накануне освобождения города, около 200 тыс. человек. Такова дань харьковчан молоху войны. Довоенная численность населения была достигнута лишь в конце 1950-х годов.

– Летом 1942 года был такой период, когда я была основным кормильцем. Я гордилась, что слова «Люся принесет обед» воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Лето, зелень, солнце, фрукты, базар. И уже совсем другое настроение. Были бомбежки, но реже. К ним привыкли. О смерти не говорили. О зиме вспоминать не хотелось.

Но как 6-летний ребенок мог стать основным кормильцем семьи? Казалось бы: парадокс. Но только не с талантами Люси!

– Папа мне говорил с детства: «Ничего не бойсь, дочурка. Не стесняйсь. Дуй свое! Актриса должна «выделиться». Хай усе молчать, ждуть, а ты «выделись» ув обязательном порядке… Ето, дочурочка, такая профессия, детка моя…»

Харьков в годы Великой Отечественной войны. Кафе для

немцев.

И вот это отеческое «благословение» в профессию и решило, по сути, судьбу девочки в самый тяжкий период жизни, когда сама-то жизнь не стоила ни гроша… Людмила Марковна вспоминала как однажды решилась, даже не зная, что предпримет в следующую секунду, и эта ее решительность и детская непосредственность сыграли свою роль. Представьте картину: голодный худой ребенок видит перед собой как собрались на обед фрицы, как толстый повар разливает в миски густой наваристый, с одуряющим ароматом, суп…

«Долго стоять молча, выпрашивать жалким взглядом? Нет. Надо заработать! Надо «выделиться». А как хочется есть!! А какой запах! Я и сейчас его слышу. Густой фасолевый суп!

От ожидания чего-то неизвестного все тело тряслось. Я не знала, что я буду делать… Но что-то будет. Это точно.

Начали получать ужин… Начали его есть… Смолкли разговоры. Только аппетитное чавканье…

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой!

Голос мой дрожал. Я давно не пела во все горло. А мне так нужно было петь! Петь! Петь!

С разных концов двора раздались нестройные аплодисменты. И этого было предостаточно… Ах так? Так нате вам еще! Только спокойно!

Ду грюнист зих цу зоннэн шейн
Ун нох ин винтер ванн эс шнайп,
О, таннэн баум унд таннэн баум
Ви грюн зинд дэйнэ блэттэр…

Несколько немцев подошли к железным трубам, чтобы посмотреть на русскую девочку, которая хоть и неправильно, но пела на их родном языке…

Домой я принесла полную, до краев, кастрюльку вкусного, жирного фасолевого супа! Ничего! Завтра возьму кастрюлю побольше!

Мы втроем съели этот суп. Я знала, что теперь я маму голодной не оставлю. Я тоже вышла на работу».

Можно, конечно, пошутить, что среди актрис оккупационного Харькова существовала сильная конкуренция, и Люсе было бы сложно выделиться, если б не главное достоинство: *возраст*. «Вскоре при моем появлении немцы оживлялись и называли меня Лючия», – вспоминала Гурченко.

– На Сумской улице немцы открыли кинотеатр. В театре имени Шевченко заработала оперетта. Дворец пионеров на площади Тевелева отремонтировали. Теперь это здание было «только для немцев». Значит немцы в Харькове устраивались надолго.

Действительно, как свидетельствует хроника, новая власть проявляла интерес к разным областям культурной жизни Харькова. Уже в конце 1941-го были сформированы театральные труппы украинского драматического театра под руководством И. Гирняка и оперного театра во главе с В. Ходским. И хотя большая часть довоенных актерских трупп была эвакуирована на восток, все же в Харькове остались некоторые известные в то время актеры: Б. Гмыря, М. Горохов, М. Копнин, К. Морозова, М. Неделько, Т. Рожок, др.

Украинский драматический театр им. Т.Г. Шевченко в период немецкой оккупации ставил драмы, оперы, оперетты, балеты, давал концерты для военных и местного населения. Во время показов военные занимали места в партере, а местное население пускали на галерку. В воскресенье спектакли давали только для военных.

Также на службу оккупационных сил была поставлена и Харьковская национальная опера; долгое время ее репертуар согласовывался с немецким командованием. Среди прочих на сцене также показывались классические спектакли: «Лебединое озеро», «Кармен», «Травиата», «Цыганский барон», «Корсар», «Паяцы». Со временем репертуар был расширен, на постановки также стали допускаться и гражданские лица.

Как пишут историки-краеведы Харковщины, артисты национальной оперы и музыкально-хоровые труппы Харькова давали большое количество концертов для немецких войск и для гражданского населения. Среди наиболее известных трупп были украинский национальный хор под руководством В. Ступницкого, оркестр народных инструментов под руководством В. Комаренко, ансамбль бандуристов, концертно-эстрадное бюро.

Но самую широкую аудиторию зрителей во времена оккупации собирали городские кинотеатры. Первый из них был открыт в ноябре 1941 года сначала только для военных, а со временем – и для гражданского населения. За десять месяцев

здесь было продемонстрировано 36 фильмов, которые просмотрело около 108 тыс. харьковчан и свыше 270 тыс. немецких военных. В июне 1942 года в помещении театра им. Т.Г. Шевченко был открыт самый большой кинотеатр города на 1000 мест для гражданского населения. Здесь демонстрировались преимущественно немецкие художественные фильмы, военная хроника, пропагандистские ленты, как, например, «Жизнь рабочего класса в Германии», «Жид Зисс» и др. И даже пропагандистская направленность сеансов не отвращала харьковчан от кино, которое становилось настоящим событием в череде оккупационных будней города.

Понятно, что городские кинотеатры собирали самую широкую аудиторию. И девочка Люся также иногда оказывалась в числе счастливых зрителей «волшебного экрана»; не зря малолетняя актриса включила в свой наивный репертуар песни звезд Третьего рейха. По воспоминаниям Гурченко, чтобы получить пропитание, она танцевала перед оккупантами и пела песенки из немецких оперетт, и чаще всего исполняла репертуар Марики Рёкк.

Кумир детских лет Люси Гурченко – Марика Рёкк. К началу Второй мировой войны эта актриса превратилась в самую яркую звезду немецкого кинематографа.

Марика в те годы была одной из самых известных, самых востребованных творческих персонажей Третьего рейха. Так что маленькая советская девочка сделала ставку весьма умно.

Марика Рёкк (3 ноября 1913 – 16 мая 2004) – немецкая киноактриса, танцовщица и певица венгерского происхождения. В 1920-х годах, в Париже, Марика профессионально занималась хореографией у русской балерины Рудковской. В составе балетной труппы Гертруды Хофман «Hoffmannn Girls» выступала в знаменитом кабаре Мулен Руж. В 1925-1929 годах она выступала (в составе той же труппы) на Бродвее в Нью-Йорке,

гастролировала по США. В 1929 году Рёкк вернулась в Европу, выступала в оперетте и варьете в Монте-Карло, Берлине, Лондоне, Париже, Канне, Будапеште и Вене. В 1930 году дебютировала в кино в эпизодической роли в музыкальной комедии «Почему моряки покидают дом». В 1933 году актриса получила первую большую роль в комедийном музыкальном фильме «Поезд привидений». В 1934 году немецкая киностудия УФА заключила с ней двухгодичный контракт. В 1935 году Марика Рёкк снялась в своём первом немецком фильме «Лёгкая кавалерия». С этой картины на сюжет из жизни артистов цирка началась её головокружительная карьера в кино Третьего рейха.

Летом 1942 года жизнь в Харькове оживилась; заработали драматические, оперный театры оперетты и кинотеатр. Фильмы чаще всего шли немецкие, без перевода, но, как уже говорилось, смотреть кино пускали местных жителей. Первым фильмом в жизни Люды Гурченко стала «Девушка моей мечты». Эта музыкальная комедия с оригинальным названием «Die Frau meiner Träume» стала вершиной кинокарьеры Марики Рёкк. Всего через несколько лет, с 1947-го, фильм с огромным успехом станет демонстрироваться как «трофейный» в советском прокате (можно добавить, что в 1944 году режиссером Г. Якоби был сделан цветной вариант ленты). Просмотр «Девушки моей мечты» стал для шестилетней зрительницы Люси тем творческим фейерверком, что совершил переворот в ее душе. И как некогда ее отец, увидевший на экране свою дочурку перед ее рождением, так и сама Люся вдруг ощутила непреложное, явленное на экране воплощение ее самой – вот кем она хочет стать, когда вырастет! Именно тогда она впервые сказала себе, что обязательно будет киноактрисой: красивой, талантливой, яркой, обожаемой всеми. В лице немецкой актрисы Люся Гурченко увидела настоящее воплощение своих грёз. Видать, не зря так обожаемый ею отец часто повторял о дочери, словно оспаривая утверждения супруги:

– Не, Лёль, актрисую будить! Ето, як закон.

В своей книге «Аплодисменты» Людмила Марковна вспоминает:

«В Театре оперетты мы не были. Но однажды ходили в кино. Фильмы шли на немецком языке. Немцы гражданский кинотеатр не посещали. Они не появлялись в тех местах, где собиралось много людей, – боялись партизан.

…О фильме в городе говорили: красота, любовь, танцуют, поют, войны нет, еды у них полно – такая жизнь – закачаешься!

И вдруг вместо фильма показали немецкую кинохронику. В первый раз я увидела Гитлера. Он дергался, неистово кричал, угрожал, выбрасывал руку вперед. За ним – тьма рук: «Хайль!»

Гитлер с челкой, с усами.

Пока я сидела, погруженная в «политику», на экране без перерыва началась картина «Девушка моей мечты». И хроника, и картина шли без перевода. Понимай, как хочешь, сочиняй любую историю. Даже интересно.

Мы возвращались домой. Мама сразу же заговорила с тетей Валей про менку, про базар, про сахарин. Как же так? Мы впервые были в кино, слушали музыку, видели актрису, которая пела, прекрасно танцевала… А они опять про свое… Это все мама – ничего ей не интересно.

Ночью мне никто не мешал. Моя душа разрывалась от звуков музыки, новых странных гармоний. Это для меня ново, совсем незнакомо… Но я пойму, я постигну, я одолею! Скорее бы кончилась война. Скорее бы вернулся папа. Скорее бы услышать: «Не, Лёль! Дочурка актрисую будить, ув обязательном порядке! Моя дочурочка прогремить!»

Наутро у тети Вали была прическа, как у Марики Рёкк. Впереди маленькие колечки, а сзади плыли волны волос по плечам.

Наутро я встала с твердым решением: когда вырасту – обязательно буду сниматься в кино».

Или вот тоже «достояние» в копилку опыта Люси-Лючии:

– Каждый вечер тогда немцы пели песню «Лили Марлен». Она была и самой новой, и самой «модной» – «шлягером». Надо обязательно выучить! Мотив я схватила быстро – он простой. А слова? Я вслушивалась в незнакомые слова, старалась запомнить их.

За свои выступления – часто задорные, на потеху публике – юная актриса (стриженая наголо, с чубчиком) получала вместе с едой громкие аплодисменты, а то и крики «браво». К примеру, за первое исполнение очередной новомодной песни девочка получила давно забытые сладости.

– У меня была не только полная кастрюля, налитая прямо из общего котла. Я принесла домой шоколад – коричневые кусочки неправильной формы, как пиленый сахар. А Карл мне вынес целую пачку сахарина! Тетя Валя с моей мамочкой только недавно о нем мечтали. А я его вот уже в «ручках» держу! Вот так-то, дорогие мои! …Проходя мимо детей, которые выжидательно смотрели, я подумала, что надо действовать, милые, а не ждать с моря погоды. Надо уметь действовать, уметь «выделиться»… А вообще-то за талант платят больше. А я талант. Мне так папа сказал. А папа все знает. Он ведь мой папа.

Спустя 30 лет актрисе вновь пришлось вспомнить ужасы войны. Людмила Гурченко и Юрий Никулин исполнили главные роли в фильме «20 дней без войны».

В другой раз – за исполнение нафантазированного и разученного танца и фирменной отцовской «чечеточки» в конце один из зрителей-немцев вынес юной исполнительнице… два портрета Марики Рёкк с нотами ее песен на обратной стороне. Дорогой трофей для талантливой девочки, нафантазировавшей себе славу, как у Марики!

Глава 8. Харьков при «вторых немцах»: «душегубки», облавы, казни…

О буднях в оккупированном городе можно прочесть в книгах-воспоминаниях самой актрисы. Эти эпизоды поражают будничностью, точным проникновением в эпоху вынужденных испытаний. Чтение таких мест из книг Гурченко лично у меня вызывают невольные сравнения с теми реалиями, в которых живут иные, в том числе и нынешние, поколения. И тогда внутри, в глубине себя проносится вполне житейская мысль: *Упаси Господь!*

– Я стояла на балконе и часами наблюдала за жизнью немецкой части. Утром они делали зарядку, бегали по кругу. Через год я поступила в школу. На уроках физподготовки я бегала по этому же кругу десять лет. Потом всю часть выстраивали, читали приказы, распоряжения. Половина немцев уезжала до обеда. Возвращались грязные, в грязной спецодежде, опять выгружали из машин металлические части, детали. Ели они три раза в день из котелков, прямо во дворе. Там же стоял большой котел на колесах. Вечером немцы пели, обнявшись и раскачиваясь из стороны в сторону. Они очень бурно и громко смеялись. Смешно им было все. Иначе откуда столько смеха? Тогда я впервые услышала звук губной гармошки, и не могла понять и разглядеть, что же издает такой неполноценный звук.

А еще подобные описания четко рассказывают о приближении конца войны; картинки войны детскими глазами – кажется нет ничего страшнее и обыденнее… хотя бы потому, что в этих же местах, но уже в других реалиях будет проходить дальнейшая – мирная – жизнь нашей героини.

– Ремонтная часть эвакуировалась. Во дворе сначала валялись деревянные ящики, потом их расхватали на топливо. Долго еще ржавели металлические моторы, гусеницы от танков. Когда я после освобождения училась в школе, у нас проводилась кампания по сбору металлолома, и однажды наш класс в один из воскресников вышел на первое место по району. Теперь в здании школы был немецкий госпиталь. Проход на территорию заколотили досками. Во дворе гуляли легко раненные. Те, у кого в гипсе рука, нога. Некоторых вывозили на воздух прямо в кроватях на колесиках.

И таких эпизодов множество. Можно сказать, что книги Л.

Гурченко состоят из эпизодов, сложенных в мозаику жизни великой актрисы. И самые захватывающие воспоминания «родом из детства», из опаленного войной детства… В котором не только голод и холод, не только танцы и песни ради выживания, но и странный опыт взросления, переданный буквально двумя строками в абзаце официальной биографии. «…связалась со шпаной на рынке в оккупированном немцами во второй раз Харькове. Только чудом она не погибла в результате облав, когда в ответ на действия Красной армии и партизан гитлеровцы в душегубках убивали случайных людей – обычно девочек и женщин, пойманных на рынке Харькова. После окончательного освобождения Харькова 23 августа 1943 года, 1 сентября пошла в украинскую школу (в настоящее время гимназия) № 6, которая находилась во дворе дома, где она тогда жила. В школе ей полюбился украинский язык, похожий на язык Смоленщины. Осенью 1944 года поступила в музыкальную школу имени Бетховена». Люся Гурченко действительно промышляла со шпаной на рынке: участвовала в кражах кремней для зажигалок, дынь, мороженого. После войны ни дыни, ни мороженое она уже не ела; «Подержу, посмотрю, понюхаю – и все».

Испытание воровством наверняка проходят все дети, но детей войны сама судьба заставляла воровать – чтоб выжить. Однажды мать Люси узнала о подобной «шалости» и ударила дочь по щеке, а после еще и лекцию прочла, мол, как бы огорчился ее отец, Марк Гаврилович, узнав, что дочурка – воришка.

– Я дала честное слово. Но это было только начало, я воровала до двенадцати лет. В школе – ручки, перья, тетради. В гостях – сахар, конфеты, печенье. Все копила на «черный» день. В укромном месте я прятала свои запасы. Старые съедала, а новыми пополняла. А потом в одно прекрасное утро все кончилось. Желание воровать исчезло навсегда. Даже как-то скучно стало…

Зима перед освобождением Харькова оказалась самой трудной для Люси, самой опасной – девочка реально могла умереть, ведь от голода и истощения она уже не вставала с кровати. Мать и их соседка тетя Валя часто пытались уговорить ребенка съесть хоть пару ложек, – но в доме была лишь фасоль, от которой бедняжку давно воротило. Ни соли, ни хлеба, ни мяса…

– Люся, ну дочечка!

Харьков. Лодочная переправа. «Небольшими группами женщины пешком шли в деревни. За хлеб, сало, муку отдавали вещи, которых не было в деревне…». (Людмила Гурченко)

А ее больная дочечка целыми днями лежала без движения.

«Время зимы 1942/43 года – единственный черный провал в моей памяти за всю войну. Все помню урывками: темно-темно, а потом просвет. А потом опять темно. Когда бомбы взрывались недалеко, мама говорила: «Господи, вот бы р-раз-и все! Ну нет же сил! Ну нет же сил! Больше не могу…» Я лежала. Мне было безразлично. «Мама, наверное, права. А как же папа? Нет, пусть лучше бомба пролетит…»

Тетя Валя смотрела из наших замерзших окон на двор госпиталя: «Леля! Посмотри, сколько раненых возят… Все новые и новые машины. Наверное, фронт совсем близко…»»

Позже Люся узнала, что встала на ноги благодаря отчаянности матери, бросившейся в поисках еды к только что разбомбленному складу («Мама сказала, что меня на ноги удалось поставить тушеным мясом»). Возможно, если б не это, нашей юной актрисе не удалось бы дожить до Победы, – до первой, а потом и до второй.

15 февраля 1943 года Красная армия в первый раз освободила город Харьков.

– «Первые немцы» навсегда ушли. Пришли наши. Но бои за город продолжались. Немцы стояли на окраине Харькова, в районе Холодной горы. Нашим город пробыл около двух недель.

В течение этих двух недель во дворе у нас был красноармейский госпиталь. Беспрерывно возили тяжелораненых. Женщины-медсестры развешивали рядами бинты. А наутро от мороза и ветра бинты торчали колом во все стороны. Мне все время казалось, что война, немцы – это только сегодня. А вот завтра будет прекрасное утро. Я проснусь – и будет Первое мая. Веселый папа с баяном. И мама, вся в белом, будет смотреть счастливыми и странными глазами на папу.

Но война распорядилась по-своему. И вскоре Люся, как и тысячи других харьковчан, усвоила новое выражение: «Это было при «первых немцах», а это было при «вторых немцах»».

«Вторые немцы» – это отборные войска СС, черная форма, кованые сапоги, отрывистая речь, отчеканенный «Хайль!». Они, по воспоминаниям Люси, разряжали автоматы в малейший звук, в движение, в окна, в двери, вбок, вверх, в стороны… «Вторые немцы» объявили комендантский час: нельзя появляться на улице после шести вечера – расстрел на месте. «Вторые немцы» придумали новые жестокие расправы: мало-мальски подозрительных вешали прямо на балконах! Лютовали полицаи, – особенно те, что вернулись в город со «вторыми немцами». И немцы одобряли, что полицаи расстреливали своих же. «Вторые немцы» начали облавы, устраивая их в самых людных местах, в основном, на базаре.

А еще нашей героине довелось пройти через реальный страх попасть в «душегубку» и скончаться в муках от удушливого газа. «Машины набивали людьми, и они отъезжали. Тех счастливцев, которые в машину не поместились, отпускали. Но часто случалось так, что мать «уезжает» в машине, а дочь остается на воле! Разлучались родные, а оставшиеся на свободе проклинали потом эту свободу всю жизнь. В эти душегубки к людям выпускали выхлопные газы. И пока машина ехала до окраины города – люди в ней задыхались. Потом их сбрасывали в ямы и засыпали землей. А зимой – в Лопань. Это и была «облава». Так она проходила в нашем Харькове, на Благовещенском базаре»», – описывала реалии детских лет Людмила Марковна.

Во время очередной облавы, когда людей, словно скот, загоняли в машины, мать упала и накрыла дочь своим телом у самой машины, которая уже почти заполнилась до отказа. Но девочка навсегда запомнила эту черную пасть, полную лиц, и тошнотворный запах ужаса, исходящий от скопища людей, потрясенных своей участью.

Вместе с опытом взрослела не только девочка, но и ее мать. Елена Александровна Гурченко в свои 26 лет вдруг стала сильной

и прагматичной женщиной, смелой и решительной – такой, какой Марк Гаврилович никогда не знал ее.

При «второй оккупации» ей удалось устроиться в кафе, и она стала отвечать за чистоту зала. В кафе собирался «деловой цвет» харьковского базара, появлялись и немцы, большей частью младший офицерский чин, но захаживали и чины повыше. Гостей развлекал аккордеонист Петер, обладавший прекрасным баритоном, очаровавший не только всех женщин, обслуживавших кафе, но и юную Люсю. Красавец, исполнявший русские песни, оказался разведчиком. Благодаря в том числе и его незаменимой работе настал конец оккупации Харькова.

23 августа 1943 года в город пришла Красная Армия. Немцы навсегда покинули город.

Глава 9. Юная звезда госпитальных палат с улицы Клочковской

1 сентября 1943 года Люся Гурченко пошла в школу. В то строение, за жизнью которого она наблюдала из своего окна. Школу уже почистили, помыли, сформировали классы. Дети пришли в пустые кабинеты.

– При вступлении немцев в Харьков в этом здании была сперва немецкая ремонтная часть. Потом немецкий госпиталь. Когда Красная армия в первый раз освободила Харьков, в нем был наш красноармейский госпиталь. Потом немцы вновь заняли Харьков. Опять в этом здании разместился немецкий госпиталь. И, наконец, 1 сентября 1943 года оно стало моей школой № 6. В этой школе я проучилась десять лет.

Дом № 7 в переулке Кравцова, где Люся с матерью пережили немецкую оккупацию. Отсюда был виден двор школы, где во время оккупации располагалась немецкая ремонтная часть и госпиталь, и где после войны училась Людмила Гурченко.

Отчего немцы облюбовали именно это здание? Оно имело прекрасную архитектуру, было просторным и компактным; до революции здесь размещалась Женская гимназия (в наше время

там тоже учатся, это гимназия № 6).

«Парт не было, досок не было, книжек и тетрадей не было, мела не было, а учеба началась! Это была украинская школа. Ближайшая русская школа находилась от нас за четыре квартала. А эта, № 6, – во дворе, прямо под балконом. И мы с мамой решили, что я буду учиться в украинской. Все предметы велись на украинском языке. На первых порах я вообще ничего не понимала, что говорит учительница. Многие украинские слова вызывали в классе дружный смех. А потом, со временем, мы разобрались и полюбили этот язык. Требования и правила в школах тогда еще были нестрогими. И уроки я готовила очень редко или вообще не готовила», – вспоминала, уже став взрослой, звезда советского экрана.

К великому счастью самой Люси, ее мама нашла работу в кинотеатре имени Дзержинского. Она работала ведущей «джаз-оркестра», который играл публике перед сеансом. Понятное дело, после школы Люся, а с ней еще полкласса – бежали в кино. Репертуар был скуден, не мудрено, что дети десятки раз смотрели один и те же ходовые ленты тех лет: «Большой вальс», «Два бойца», «Аринка», «Истребители», «Иван Грозный».

– Я знала не только песни из всех этих фильмов, не только все диалоги, от «гм» до «апчхи», – я знала всю закадровую музыку. Она ночами звучала в ушах. Я ворочалась, я не могла заснуть. Ну как можно спать после «Большого вальса»?

Действительно, что делать девочке, если творческая энергия просто бьет ключом? Как спать, как есть, когда делать уроки?!

– Дома меня вообще теперь не бывало. Ведь началась новая жизнь. Нет немцев. Никого не боюсь. Я должна была «схватить» все радости. И кино, и джаз-оркестр, и нужно уже выступать самой. Пора! Но где? Самодеятельности в школе еще не было. А меня распирало, подхлестывало, особенно после очередного фильма.

И вскоре наша героиня стала навещать раненых госпиталя, расположенного на Рымарской в помещении бывшего монастыря. Выступления перед пациентами надолго стали смыслом творческого бытия; «Я пробралась в госпиталь, и очень скоро не могла жить, если после школы на часок не забегу в «свои» палаты. Меня ждали раненые. Я им пела, рассказывала о том, что происходило в городе, выполняла мелкие поручения, веселила их. Самое главное – знать вкусы, желания и мечты «своей публики». Мои раненые любили песни патриотические, о любви, шуточные. Так я и строила свой репертуар. Меня совершенно не смущало то, что не было аккомпанемента. Да я привыкла без него!»; «Я шла домой усталая. Мне нравилось уставать от выступлений. Я

чувствовала себя актрисой, которая всю себя отдает людям, без остатка, «Только так можно жить. Только так!»»

В освобожденный Харьков прибывало все больше людей – это возвращались из эвакуации не только харьковчане, но и жители других городов. Город медленно, но уверенно, возвращался к мирной жизни. Открывались рабочие места, дети учились в школах, проводились культурно-массовые мероприятия. И вот уже летом 1944-го наша героиня в первый раз в жизни едет в пионерлагерь, который назывался «Райеленовка». В этом бывшем графском имении оказалось и важное для Люси – сцена и музыка. Дина Печенежская, дочь папиного товарища, Андрея Степановича Печенежского, играла на аккордеоне и вела художественную самодеятельность. Под ее аккомпанемент Люся и выступала перед ребятами.

Из лагеря Людмила вернулась в другую, незнакомую двухкомнатную квартиру в полуподвале.

– Когда мама привела меня в наше новое жилище, у нее был виноватый и растерянный вид. А мне квартира понравилась. Она напоминала мне ту, нашу полуподвальную комнатку в Мордвиновском переулке. Там я родилась, там прошли светлые, неповторимые дни с моим папой. А с предыдущей квартирой связано только самое горькое – война, голод, холод, немцы, страх.

Гурченко поселились по адресу: улица Клочковская, д. 38, кв. 3. Здесь будущая актриса прожила с девяти до семнадцати лет, отсюда в 1953 году уехала в Москву поступать в институт кинематографии. Сюда же вернулся фронтовик Марк Гаврилович Гурченко.

Стоит сказать, что им досталась очень колоритная квартирка, – достаточно взглянуть как описывала это жилище Людмила Марковна в своей книге «Аплодисменты».

««Двор» на Клочковской – как одна семья. Все слышно, все видно в обоих двухэтажных домиках, стоящих друг против друга. Известно все: кто к кому приходит, кто у кого остался ночевать и под утро, крадучись, выбирался из двора. Назавтра об этом говорили вслух. Окна у всех открыты! Весь двор завешан бельем, дорожками, которые выбивали вениками. Пыль столбом!

…Главное место сборищ – общественный туалет во дворе, чуть в стороне от домов. Утром очередь, вечером очередь.

Мы жили напротив Сони, в полуподвальной двухкомнатной квартире. У нас была своя кухня и коридор. Из коридора налево – вход в жилые комнаты, а направо – вход в маленькую темную комнатку, метр шириной и два длиной. Папа обнаружил, что в ней есть трубы. Это оказался слив. И скоро папа соорудил в этой

комнатке… уборную. Вот так! У него, единственного во дворе, есть свой «личный» туалет!»

И коль мы так скоро переключились на главное и самое авторитетное лицо в жизни Люси Гурченко – ее отца, то добавим и такую особенность этого незаурядного человека, превратившего неказистое и малоприглядное жилище на Клочковской улице в «самое лучшее, самое любимое на свете» (по словам Людмилы Марковны).

«Слово “счастье” похоже на “сейчас”, а потому оно не может

быть чем-то постоянным». (Людмила Гурченко)

А без колоритных выражений, с любовь сохраненных благодарной дочерью, описать пристрастия отца невозможно. Посему вновь цитируем:

«Папа все нес в дом. И железки, и дощечки, и гвоздики – «усе у доми хай будить при всякий случай». У него было огромное количество пилок, молотков, напильников, рашпилей.

Папа меня учил: «Як идешь по улице, смотри униз на землю. Можа, якая провылка или гвоздок, попадеть – усе неси у дом, моя птичка. У хозяйстви згодится, усе нада иметь при всякий случай…»

В доме папа постоянно что-то пилил, строгал, тесал. И непременно в комнате или в том месте, где его заставала идея что-то смастерить. И желание сделать квартиру уютной у мамы постепенно пропадало. Придет папа с новой идеей – и все сначала…

А я так и ходила по улицам, глядя вниз. Мои карманы вечно были набиты ржавыми гвоздями, винтиками, проволокой. Не было ни одной свалки, мимо которой я равнодушно могла бы пройти…»

Еще – добавим – благодаря странной уверенности отца Люся Гурченко мечтала не только найти что-то полезное, но и обнаружить клад – давний-предавний, весомый, обязательно с золотыми монетами.

После освобождения Харькова пошли долгожданные весточки от отца: письма-треугольники, в которых муж, говоря о своей любви и своем желании обнять близких, иногда предостерегал супругу от измен и вовсю нахваливал свою творческую дочурку. Словно предчувствуя важное событие, Марк Гаврилович осенью 1944 года, накануне поступления Люси в музыкальную школу, прислал посылку, в которой были юбочка в складку со шлейками, блестящая крепсатиновая кофточка, рукава фонариком – «для дочурки». Вот в таком наряде, с большим бантом на голове, пришла Люся на свой первый серьезный экзамен в музыкальную школу имени Бетховена. Благодаря несомненному таланту девочка оказалась в числе учащихся.

Глава 10. За что прима обиделась на Харьков и харьковчан

Об учебе в школе № 6 в Харькове, которую Людмила Марковна окончила в 1953-м, нам рассказали журналисты «Московского комсомольца» А. Мельман, И. Боброва, А. Гнединская в материале «Прощай, Примадонна»[11]. Они выяснили, что в родную школу актриса приезжала дважды: в первый раз в 2004 году, во второй – в 2010-м.

«– Особенно мне запомнился ее первый приезд, – вспоминает директор гимназии № 6 Леся Зуб. – В этот день мы ожидали ее на час позже. Все бегали, суетились. Я в своих мыслях вышла из кабинета и глазам не поверила: в коридоре стоит Людмила Марковна. Она решила сделать нам сюрприз и приехала пораньше. Мы побродили с ней по кабинетам, она посидела за своей партой. А потом наизусть прочитала отрывок из поэмы «Мираж» одного украинского поэта. Я теперь всегда ее в пример ученикам привожу. Говорю: «Вы уже через день стихи забываете, а Людмила Марковна до сих пор помнит все, что учила в юности».

Из учителей, которые в те годы преподавали здесь, в живых осталась только преподавательница английского языка. Несмотря на преклонный возраст – Ольге Даниленко скоро исполнится 90 лет, – она помнит Гурченко.

– Я у нее преподавала всего два года – в 9-м и 10-м классах, – вспоминает Ольга Александровна. – Но как только взяла этот класс, сразу заметила в Люсе актерские способности: она всегда была заводилой, играла и пела как никто в школе. А вот училась она не очень старательно, хотя и была способной. Все на лету схватывала.

Именно поэтому в аттестате по английскому языку у Людмилы Марковны стояла «четверка» – учительница просто пожалела способную ученицу. Хотя иногда она и ругала Гурченко за недостаточное рвение к учебе. Один такой диалог Ольга Александровна помнит до сих пор.

– Я тогда начала ставить ей в пример других учениц, которые дома все зубрили. На что Люся мне ответила: «Ольга Александровна, я же буду актрисой, я просто не успеваю все учить». Тогда я действительно прониклась к ней – ведь она еще и в музыкальной школе занималась, и в кружках разных, и в самодеятельности.

У Ольги Даниленко даже сохранилась тетрадь Людмилы Марковны, в которую актриса записывала английские слова.

– Сейчас тетрадка уже выцвела, пожелтела, но все равно аккуратный почерк Люси виден, – говорит пенсионерка. – Вообще-то я сохраняю тетради только отличников. А на эту я наткнулась случайно в 1956 году. Тогда уже вышел фильм «Карнавальная ночь», Люся стала знаменитой, поэтому я и решила оставить тетрадь на память.

Ольга Даниленко вспоминает, что работала Людмила Гурченко только на уроках, домашнее задание же делала довольно редко.

– Она и списать у кого из одноклассников в крайнем случае могла попросить. Люся вообще шустрая была. Предметами, к которым она всегда готовилась, были русский язык и литература».

В одном из интервью соседка Люси Гурченко по парте Ирина Тоцкая отмечала, что ее курносая подружка в детстве была нагловатой. Одноклассница говорила:

– То там бублик откусит, то там – дети в рев…. Она: ты будешь гордиться, что у тебя Гурченко бублик откусывала. Вот такой ее характер, она ко всем относилась так.

Людмила Гурченко с одноклассницами. 1953 год.

Журналисты «Московского комсомольца», посетившие Харьков, тоже встречались с одноклассниками и подругами, а также с учителями, готовившими будущую актрису во взрослую жизнь.

«С харьковчанкой Ниной Свид Людмила Марковна училась в параллельных классах. Их выпуск был первым после войны, поэтому все жили бедно. Но подруга вспоминает: даже в те сложные годы будущая актриса любила наряжаться.

– Она сама придумывала платья и шила их. Некоторые наряды она перекраивала из маминых обносков: где рюшки пристрочит, где волан пришьет. Она вообще в нашей женской гимназии одной из первых модниц была. А еще она даже в школе следила за фигурой. Хотя в те голодные годы мы все были худенькими, но она даже на сантиметр не могла себе позволить поправиться в талии, – вспоминает Нина Антоновна.

Запомнилось бывшей однокласснице и заботливое отношение родителей к дочке.

– Отец Люси тащил ей в школу банки с кашей. Тогда и хлеба было не достать, поэтому все приходили голодные на уроки. Но папа Люси всегда приносил ей поесть, благо жили они близко.

Однажды Нина Антоновна вместе с Людмилой Гурченко даже отмечали Новый, 1952 год.

– Мы собрались девчачьим коллективом у нее дома: человек 12. Родители ушли. Мы приготовили винегрет и картошку. Алкоголя на столе не было. А потом Люся нам начала играть на аккордеоне, на фортепиано, петь. Она же была главной звездой всех утренников и театральных постановок в школе. Когда же наступило утро, мы все побежали играть в снежки.

А вот кавалеров в школьные годы у Людмилы Марковны не было.

– Мы учились в женской гимназии, а по соседству располагалась мужская. Иногда устраивались совместные танцы, но Люся не очень любила ходить на такие вечера. Спектакли, школьные «огоньки» – вот был ее конек.

Иногда ради того, чтобы пойти в театр, подруги даже могли сбежать с уроков.

– Конечно, нас ругали за это. Но Люся говорила, что без сцены она жить не может. Она всегда была уверена, что станет актрисой. Поэтому когда она поехала поступать в Москву, мы за ее судьбу особенно не волновались».

Или вот, к примеру, в другой раз та же Леся Зуб, директор гимназии, где училась актриса, упоминает о случае, когда однажды накануне женского праздника 8 Марта она вдруг столкнулась с бывшей ученицей в школьном коридоре.

– Передо мною стоит живая Гурченко. В черном костюме, элегантная, и спокойно ходит по залу. Я говорю: Людмила Марковна, и дальше молчу, не знаю, что сказать. А она: «Я знаю, знаю, я люблю делать неожиданности».

Школу, как уже упоминалось, Людмила Марковна окончила в 1953 году, и сразу подалась покорять Москву, где ее ждали разные перипетии судьбы. Звезда фильма «Карнавальная ночь» на

долгие годы вдруг впала в немилость, ее перестали снимать, на жизнь актрисе пришлось зарабатывать, выступая на дешевых концертных площадках и получая копеечные гонорары. И все это время родной город, словно забыв о ее существовании, молчал. Только в конце 1990-го Гурченко пригласили на день города. Но прима не поехала, дав понять, что оскорблена; «В самые тяжелые дни, когда мне были нужны поддержка, сочувствие, мой родной город как-то отчужденно молчал». Одному из друзей она как-то сказала, дав понять о ее разногласиях с родным местом:

– Мне Харьков не звонил 40 лет, когда было сложно и трудно, так что…

Чтоб как-то загладить вину, на 70-тилетний юбилей звезды советского кино Людмилы Гурченко харьковчане решили установить актрисе памятник в центре города, недалеко от театра оперы и балета (ХАТОБа). Людмила Марковна тогда согласилась, но попросила, чтобы ее монументальный двойник не улыбался. Увы, увидеть себя воплощенной в бронзе актриса не успела. Эскиз с 2006 года так и пылится в мастерской скульптора Сейфаддина Гурбанова, который как-то поделился с журналистами идеей памятника:

– Вот она перед фонтаном, как бы поет, а это вода шумит, создает условную музыку – вот такая идея была, но резко все поменялось, на день города хотели открыть и все отложили – и до сегодня мы не установили.

Против идеи установить фигуру Людмилы Гурченко возле театра выступил директор оперного Г. Селихов и городские власти. Ну а теперь уже и говорить о памятнике нет резона – новая украинская власть проявляет столь неприкрытое мракобесие в отношении звезд и символов советской власти (к коим относится и харьковчанка Л.М. Гурченко), что сложно даже предположить, когда же в этой стране воссияет разум.

Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (ВГИК). Основан 1 сентября 1919 года в Москве. «Надо быть талантливым, умным и, главное, материально независимым, чтобы спокойно заниматься тем, чем хочешь». (Людмила Гурченко)

Увы, положить цветы к любому памятному знаку, который был бы посвящен великой Гурченко, в Харькове негде. А ведь знаменитая харьковчанка в последний раз была в родном городе всего за пять месяцев до своего ухода в вечность…

Глава 11. ВГИК. «Я не затем пришла сюда, чтобы молчать!»

В 1953 году, после окончания десятилетки, Люся поехала в Москву и поступила во ВГИК, в мастерскую Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. На дипломном курсе играла роль Кето в оперетте «Кето и Котэ» и роль Имоджин в сценической композиции по Теодору Драйзеру «Западня», в которой и пела, и танцевала, и играла на рояле. ВГИК она окончила в 1958 году.

И такой штрих к портрету будущей всенародно любимой. Приехав во ВГИК, Люся услышала, что, оказывается, можно поступать одновременно в несколько вузов и быстро подала документы еще в Щукинское училище и в ГИТИС, на отделение музыкальной комедии. При поступлении в ГИТИС абитуриентка так пела и танцевала, что ей даже аплодировала приемная комиссия, хотя аплодисменты на экзаменах не приветствовались вообще. В Щукинском тоже все складывалось благополучно, и девушку допустили к следующему туру.

Учеба во ВГИКе давалась с переменным успехом, если речь шла о нелюбимых предметах, как, к примеру, политэкономия. Но самой большой проблемой Гурченко во время учебы был ее харьковский говор. Как сама она признавала, для актера харьковский или одесский говорок – все равно что инвалидность, ограничивающая возможности человека.

С местечковым говором Гурченко пытались бороться еще во время ее учебы в музыкальной школе. А нынче эта борьба обрела масштабный смысл, ведь говори наша героиня, как ее любимый папка, она бы никогда не стала великой и знаменитой.

– Все «прэкрасно»! Если бы не та моя самая затянувшаяся болезнь – безуспешная борьба с харьковским акцентом. С утра до вечера я редуцировала все слова в предложениях, с утра до вечера сидела наедине со своими упражнениями и смотрела на них с мольбою и отчаянием: «Ну, ларчик, ну, откройся, миленький, скажи, в чем твой секрет?»

В своей книге «Люся, стоп!» она же озвучивает эту проблему с другого ракурса:

– В то время меня уничтожали в институте за мой несусветный харьковский диалект. Юрия Левитана я слушала по радио в течение всей войны и после. Он был моим негласным учителем русской речи: «Говорит Москва. От Советского Информбюро»… Как же это было не похоже на наше родное харьковское: шорыте? (что говорите?). И вот Гердт, мой второй

учитель. Я его выбрала. Я знала весь его закадровый текст из фильма «Фанфан Тюльпан»[12].

Несмотря на талант и рвение, оказалось, что к концу второго курса она была единственной из своей группы, кто ни разу не снимался в кино, даже в самой малюсенькой эпизодической роли.

– Как мы мечтали сниматься! С какой надеждой смотрели в глаза ассистентам режиссера, которые появлялись у нас на этаже. Сейчас это явление частое. В наше время снималось не много картин. А молодость более раннего поколения прошла вообще в безнадежном и мучительном периоде малокартинья.

Наконец Тамара Федоровна Макарова, видя как расстраивается и переживает ее ученица, устроила так, что киностудия «Ленфильм» пригласила студентку на небольшую роль в фильм «Дорога правды» по сценарию Герасимова. Так Люся Гурченко сыграла молоденькую агитаторшу комсомолку Люсю, которая в одном из первых кадров своего появления на экране, рьяно произносит: «Я не затем пришла сюда, чтобы молчать!» «Я была здорово разочарована, когда впервые увидела себя на экране», – признавалась после актриса. Само собой, фильм, ставший поводом для особой гордости, родители будущей звезды посмотрели не единожды.

– Папа и мама смотрели «Дорогу правды» десять раз. Эта небольшая роль была для моих родителей – радость «агромадная». Они этого не понимали, но думаю, что они уже никогда не были счастливы так, как после того, первого, появления их «дочурки» на большом харьковском экране, да еще лучшего кинотеатра, который стоит на самой главной улице города.

После «Дороги правды» Людмила снялась еще в одной эпизодической роли в фильме «Сердце бьется вновь» Абрама Роома. В главной роли доктора Голубева в этой ленте играл молодой красавец, неизвестный Слава Тихонов, будущий Штирлиц.

О работе с известным советским режиссером Роомом и его влиянии на ее становление, как сценической актрисы, наша героиня говорила:

– С тех пор я как-то интуитивно стала внимательнее вслушиваться в интонации партнера, в паузы. В диалоге училась принимать реплику и парировать ее, наступать и вовремя отступать. Училась работать параллельно с партнером, не тараща на него глаза, слушая, чувствуя и понимая партнера «спиной». Как Абрам Матвеевич Роом.

Кадр из кинофильма «Сердце бьётся вновь».

О своих творческих метаниях поры юношества, о вступлении на широкую, но ухабистую дорогу актерства кинозвезда вспоминала в своих книгах и своих многочисленных интервью, давая нам яснее понять ее внутреннее «я».

– …в драматических отрывках я не была так выразительна, как в своем излюбленном музыкальном, жизнерадостном жанре. Да и внешность моя требовала тщательной режиссуры, обработки. Трудно было поверить, что девица с беспечным пухленьким лицом может убедить зрителя в правдивости какого-нибудь важного драматического события. Я экспериментировала. Хотелось быть и необыкновенной, потрясающе изысканной и в то же время милой, очаровательной и простой. Вот попробуй

соедини это!

Юной актрисе все время приходилось находиться в поиске, ведь даже такая мелочь, как платье, имело свое колоссальное влияние на ее натуру, на ее приверженность тому или иному образу. Вот как описывает это состояние Людмила Марковна в книге «Аплодисменты».

«Это началось с детства. Саморежиссура. Я заранее, наперед отгадывала будущую атмосферу события и под нее организовывала свой внешний вид и внутренний настрой. Долгое время это происходило стихийно, подсознательно… А потом стало необходимым, естественным и закономерным. Как в работе над ролью, так и в повседневной жизни. Я замечала: если я одета в длинное – у меня и походка, и пластика, и голос, и рост, и улыбка, и возраст, и строй мыслей – одни. Если я одета в строгий деловой костюм – другие. Если на мне широкое и бесформенное – третьи. Если я в узком и коротком – четвертые. Иногда главное в костюме, в поведении решает периферическая деталь – ну… ширина проймы рукава, например.

Несколько раз я делала «ляпсус» и была одета не в «атмосфере», и меня уносило совсем в другую сторону. Я «разочаровывала». Стала учиться на своем горьком опыте и извлекать выводы. Есть женщины, актрисы, – всегда ровные, приятные, красивые. От того, что они надевают красивый, необычный наряд, они становятся еще красивее, но остаются узнаваемыми. У меня все труднее. Я совершенно, тотально меняюсь. Становлюсь новой сама для себя. И это новое вводит меня в азартную игру. Я вдруг боюсь себя. И мне нужно огромное напряжение всего организма, максимальный контроль за собой, чтобы это новое не «занесло», чтобы не повторять ошибок. Невероятно трудно вернуть к себе потерянный интерес.

Если в роли до мельчайших подробностей разработан костюм, прическа, если в них точно угадано время – то и походка, и пластика, и голос, и рост, и улыбка, и возраст, и строй мыслей – все приходит само, независимо от меня. Я уже свое главное предугадала. И тогда мне совершенно неважно, красивая я или некрасивая, молодая или старая. Тогда «работает» характер персонажа – человек».

Меж тем, с ранних лет Люся привыкла одеваться «в атмосфере», ведь для нее каждый прожитый день был словно бы проведен на съемочной площадке. С того самого момента, как ее любимый папочка предрек ей великое актерское будущее.

Подруга актрисы Татьяна Бестаева много позже, когда Л. Гурченко была знаменитой и востребованной, вспомнила об одной ее особенности:

– Она прекрасно шила и умело маскировала отечественные наряды под заграничные. Была в ней какая-то тяга к роскоши – эти наряды, шубы (тоже, правда, сшитые самостоятельно – из какой-то рухляди, купленной в комиссионке), рестораны…

Но прежде, чем Люсе удалось гармонично совместить в себе все: талант, неуемность, энергию, открытость, голос и даже наряд – прошли долгие годы. Годы радости и испытаний, востребованности и отчаяния. Взлеты и падения для ее тонкой, восприимчивой души не прошли даром. Но именно они отшлифовали ее до конца, создав ту Людмилу Гурченко, которую знал и любил весь многомиллионный советский народ.

«Знаешь, девочка, кино – вещь жестокая. Тут каждый проходит суровую проверку на то, что ты в конце концов такое. Нужен сильный характер, железная выдержка. Не выдержать важно, а важно продержаться. Продержаться и не потерять своего лица – вот задача. Потеряешь свое лицо – и нет тебя…» – поддержал ее как-то кто-то из киношных руководителей в тяжелую минуту, не дав роль, но дав понимание, что все невзгоды временны, стоит лишь проявить выдержку. И она научилась держать удары судьбы.

Глава 12. Как судьбоносная встреча с «Иваном Грозным» сделала Люсю знаменитой

Уже сыграв пару эпизодических ролей и окрыленная удачей, Люся Гурченко пробуется на роль в музыкальном фильме молодого режиссера Эльдара Рязанова. Играть в подобном фильме, где можно проявить все свои навыки – от сценических перевоплощений до танцевальных «па» и музыкальных номеров – было давней мечтой Люси. Но пробы вышли неудачными, и на роль утвердили другую актрису. А ведь казалось, что слава Марики Рёкк для нее уже не за горами…

«Я почему-то не люблю моду 60-х. Даже не знаю почему. Там эти шапочки маленькие, несуразные… Укороченность навязчивая – где нужно и не нужно. Все «безмодное» – мне никогда это не нравилось. А вот 80-е – это мое. Длинный пиджак, короткая юбка – выглядит очень эффектно. Накладные плечи, большие такие… Они мне очень шли». (Людмила Гурченко)

Чтобы не думать о неудачах, девушка решает съездить в гости к родителям в родной Харьков. Но все решил счастливый случай! Незадолго до отъезда молодую актрису в коридоре «Мосфильма»

случайно встретил Иван Александрович Пырьев, курировавший съемки той самой музыкальной ленты, куда ее не взяли. Завидев Люсю, директор «Мосфильма» Пырьев решительно сказал: «А ну, пойдем». И увел ее на новые пробы. А через пять месяцев на Людмилу Гурченко обрушилась оглушительная слава.

– Ну разве можно в нашей профессии строить планы? – рассуждала актриса. – Только вчера я готовилась ехать к родителям в Харьков. А сегодня я стою на съемочной площадке в своем собственном костюме – вот какая производственная спешка, необходимость выполнить план. И вот я, без всяких там «нравится – не нравится», снимаюсь! Да-да. И идет полезный метраж! В картине сменился оператор. В фильм пришел такой человек, по которому, как говорится, плачет музыкальный жанр. Он нашел мой свет, ракурсы, удачные повороты. И медленно, со скрипом, меня стали признавать. Безусловно, не без «добрых душ» и язвительных реплик, но к этому надо себя готовить, будь ты хоть семи пядей во лбу. Хотя привыкнуть к этому, думаю, невозможно. Так я начала работать в фильме «Карнавальная ночь». С нее началась моя актерская жизнь, и я не могу еще раз не вернуться к этому периоду.

Режиссером музыкальной ленты поставили Эльдара Рязанова, у которого к тому времени был опыт съемок нескольких документальных фильмов и программ музыкального обозрения «Весенние голоса». Хотя сам Рязанов ждал, что ему доверят снимать фильм «Встречи на Камчатке», заявку на постановку которого в 1955 году он подал руководству. Рязанов мечтал посвятить себя драме, не разменяваясь на «легкое» кино, но получил отказ – директор «Мосфильма» И.А. Пырьев предложил молодому режиссеру снять комедию по сценарию Б. Ласкина и В. Полякова.

Хотелось бы несколько слов сказать об этом великом человеке, создававшем новое советское кино. Обратимся к электронным энциклопедиям[13].

Иван Александрович Пырьев (4 (17) ноября 1901, село Камень, Барнаульский уезд, Томская губерния, – 7 февраля 1968, Москва) – советский кинорежиссёр, сценарист, актёр. Основатель и первый председатель Союза кинематографистов СССР. Народный артист СССР (1948). Шестикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1943, 1946, 1948, 1951).

Родился в крестьянской семье, на Алтае. В 1904 году отца убили в драке. Мать уехала на заработки. а Ваня жил в большой старообрядческой семье деда Осипа Комогорова. С восьми лет мальчик помогал по хозяйству, был пастухом.

В конце 1915 года Пырьев сел в один из воинских эшелонов и поехал на фронт. Он воевал в составе 32-го Сибирского полка. Был дважды ранен, награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней.

В мае 1918 года он заболел тифом. После выздоровления записался в ряды Красной армии и в партию. Сначала был рядовым красноармейцем, затем политруком, агитатором в политотделе 4-й железнодорожной бригады. В это время Пырьев начал учиться в театральной студии Губпрофсовета, где встретился и подружился с Григорием Александровым, – тоже будущим актёром, кинорежиссёром и сценаристом, создавшим впоследствии культовые советские комедии «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга» и др. Можно сказать, что *Григорий Васильевич Александров* был женат на самой известной советской актрисе сталинской эпохи Любови Орловой. И добавить, что творческие пути двух сильных кинорежиссеров впоследствии разошлись: Александров снимал фильмы в «голливудском» ключе, тогда как Пырьев – в народном.

Иван Пырьев стал одним из организаторов Уральского Пролеткульта. В Екатеринбурге играл в профессиональной драматической труппе. В конце лета 1921 года в Екатеринбург приехала на гастроли Третья студия МХАТ. Пырьев с Александровым были настолько поражены их искусством, что вскоре отправились в Москву.

В 1923 году окончил актёрское и режиссёрское отделение Государственной экспериментальной театральной мастерской. Наконец судьба привела его в кино. Пырьев начинал как помощник режиссёра, и вскоре о нём заговорили как о «короле ассистентов». Утверждали, что даже самый беспомощный режиссёр при помощи Пырьева добьется успеха.

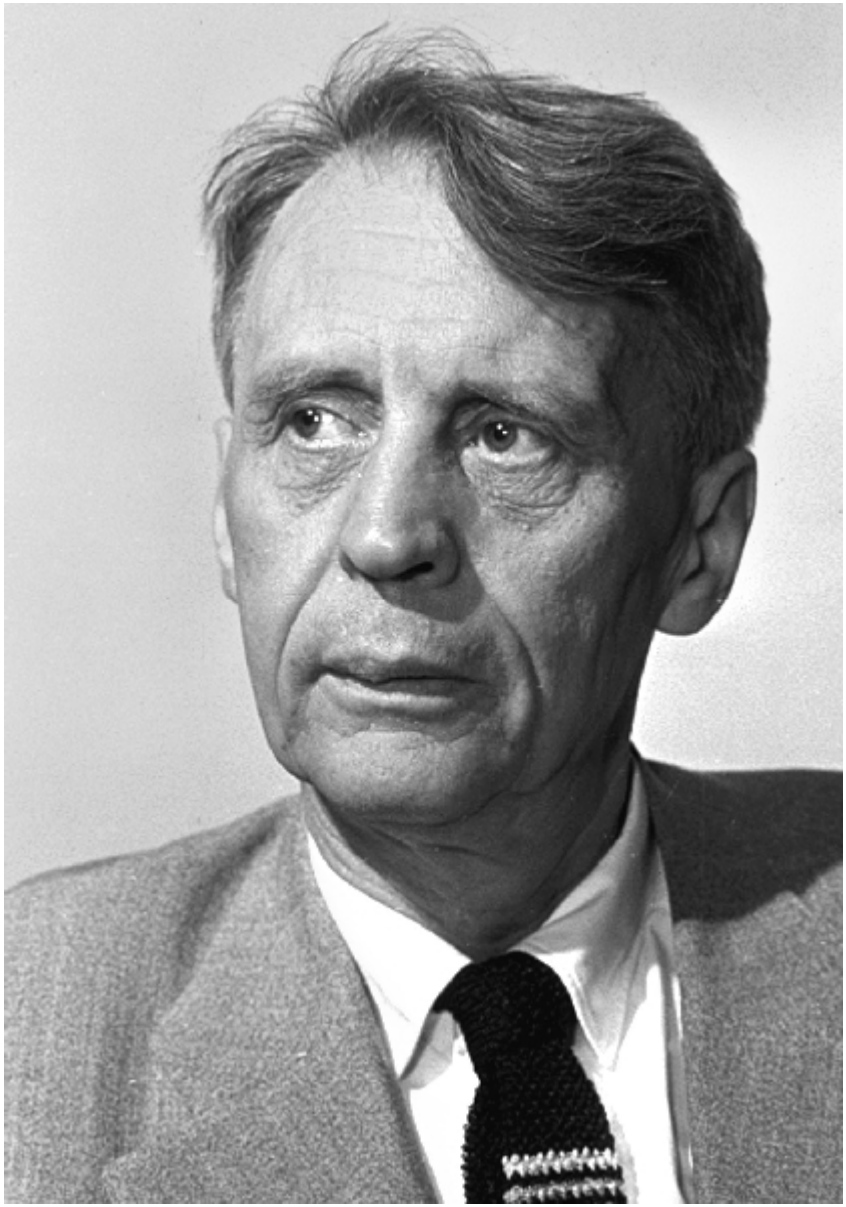
В 1950-1960-х годах Пырьев руководил «Мосфильмом», поддерживал многих молодых режиссёров, позднее ставших знаменитыми. В 1956 году Пырьев вступил в ряды КПСС, через год возглавил оргкомитет Союза советских кинематографистов.

Весь последний период творчества Пырьев занимался общественной деятельностью. Он избирался депутатом в Верховный Совет СССР, осуществлял культурные связи с зарубежными странами, долгие годы был заместителем председателя Большого художественного совета Министерства кинематографии СССР.

Между собой кинематографисты называли Пырьева «Иваном Грозным», уважая и боясь. Как утверждают кинокритики, Иван Александрович был человеком огромного темперамента и эмоциональности, но с большим обаянием и умением привлекать

людей.

Вечером 7 февраля 1968 года вернувшись со студии, Иван Александрович лёг, уснул и не проснулся. Медицинское освидетельствование установило семь инфарктов, перенесённых на ногах, на работе… По правде – человек, работавший на износ. Похоронили великого режиссера на Новодевичьем кладбище Москвы.



Иван Александрович Пырьев (1901-1968) – советский кинорежиссёр, сценарист, актёр. Основатель и первый

председатель Союза кинематографистов СССР.

Упомянем самые известные фильмы и самые престижные награды, полученные им за годы работы в киноискусстве.

Сталинская премия первой степени (1941) – за фильм «Трактористы» (1939)

Сталинская премия второй степени (1942) – за фильм «Свинарка и пастух» (1941)

Сталинская премия второй степени (1943) – за фильм «Секретарь райкома» (1942)

Сталинская премия второй степени (1946) – за фильм «В шесть часов вечера после войны» (1944)

Сталинская премия первой степени (1948) – за фильм «Сказание о земле Сибирской»

Сталинская премия второй степени (1951) – за фильм «Кубанские казаки» (1949)

Были, конечно, и другие награды: ордена, дипломы, звания. И, конечно же, фильмы, среди которых любимые многими ленты: «Секретарь райкома» (1942), «В 6 часов вечера после войны» (1944), «Кубанские казаки» (1949), «Идиот» (1958), «Свет далёкой звезды» (1964), «Братья Карамазовы» (1968) и др.

В середине 1950-х годов молодой *Эльдар Рязанов* тоже работал на «Мосфильме» – в должности режиссера-документалиста. Он не смог отказать Пырьеву, предложившему приступить к режиссуре новой музыкальной комедии «Карнавальная ночь». А чтобы работа началась незамедлительно, предложил:

– Поедешь в наш Дом творчества в Болшево, будешь отдыхать и помогать Борису Ласкину и Владимиру Полякову писать сценарий.

И непонятно: с чего это вдруг такой проект поручили малоопытному сотруднику – то ли новая музкомедия была сырой, почти провальный, – такой, на которой можно отработать навыки молодого режиссера, то ли Пырьев разглядел в Рязанове дремлющие возможности талантливого кинематографиста.

Пока дорабатывался сценарий, подбиралась актриса на главную роль Леночки Крыловой. Эльдар Рязанов пересмотрел десятки кинопроб, но все для него было не то. Даже кинопробы с юной студенткой Гурченко, поющей песню Лолиты Торрес «Возраст любви», не подходили. А все потому, что снимал ее не маститый профессионал своего дела, а начинающий оператор, – он неправильно выставил свет, выбрал неудачный ракурс, чем

испортил внешность актрисы.

И тогда на роль Леночки Крыловой утвердили симпатичную девушку из самодеятельности. Первые отснятые эпизоды вроде бы вышли удачно, но вскоре стало понятно, что непрофессиональная актриса может легко сорвать съемки. Тогда-то и вмешался Его Величество Случай. Произошла та самая знаменательная встреча в коридорах «Мосфильма».

Пырьев: – Стойте! Я вас где-то видел. Вы пели…

Гурченко: – Я пробовалась в «Карнавальной ночи»…

Иван Александрович привел восторженную студенточку в павильон, где снимался фильм и попросил опытного оператора А. Кальцатого снять ее, применив все старания: «Поработай над портретом – и будет человек».

Глава 13. «Есть ли жизнь на Марсе?», или Как снимали культовый фильм «Карнавальная ночь»

Культовая комедия «Карнавальная ночь» вышла на экраны в 1956 году. И, как пишет любое издание, представляющее фильм, «сегодня, по прошествии многих десятилетий, он остается одной из самых знаменитых и любимых зрителями кинокомедий. «Карнавальная ночь» открыла миру талант юной Людмилы Гурченко и начинающего режиссера Эльдара Рязанова, которому суждено было стать классиком комического жанра».

В образах деловитых и веселых, прямолинейных и дурашливых персонажей были сыгравшие в этом фильме: Людмила Гурченко, Игорь Ильинский, Юрий Белов, Георгий Куликов, Сергей Филиппов, Тамара Носова, Андрей Тутышкин, Геннадий Юдин, Борис Петкер, Владимир Зельдин. Большинство из них мы увидели и запомнили молодыми; позже почти все они стали самыми известными киноактерами СССР.

По сюжету, как многие помнят, молодые энтузиасты во главе с Леной Крыловой вопреки начальнику Дома культуры Огурцову решают организовать по-настоящему веселый новогодний бал – и это им реально удается…

Еженедельник «АиФ» в статье ««Очень скучное кино!» «Карнавальную ночь» хотели забыть, как страшный сон» приводит нам рассказ о первоначальной задумке авторов ленты[14].

«Изначально по сценарию главным героем фильма должен был стать Серафим Огурцов, а не героиня Гурченко. «Огурцов непохож на иных начальников, которые вросли в мягкое кресло. Он инициативен… открыт, прост… демократичен без панибратства и фамильярности. В нём есть все качества, которые мы требуем от положительного героя. Но при всём том Огурцов – законченный дурак», – рассказывал про бюрократа сам Э. Рязанов. Именно Огурцов виделся Рязанову многогранной личностью, которая заинтересует публику, поэтому на эту роль искали маститого актёра. Рязанов видел Огурцовым Петра Константинова, сделал с актёром несколько проб и уже было утвердил его в качестве главного героя «Карнавальной ночи». Но в дело опять вмешался Пырьев. «Огурцов – это Ильинский!» – безапелляционно заявил директор «Мосфильма». Рязанову казалось, что вряд ли маститый актёр согласится сниматься у начинающего режиссёра. Перед встречей Эльдар Рязанов даже

отрепетировал ход беседы. Но Игорь Ильинский оказался очень скромным, интеллигентным человеком. Он согласился прочитать сценарий и исполнить роль Огурцова».

«Докладчик сделает доклад, коротенько так, минут на сорок, больше, я думаю, не надо…» (Товарищ Огурцов)

А Игорь Ильинский, стоит сказать, был знаменит, обласкан властью – не раз становился лауреатом Сталинских премий (к примеру, в 1941 году – за роль Бывалова в фильме «Волга-Волга»). Рассказывают, что когда Иосифу Виссарионовичу Сталину впервые представили Игоря Ильинского, он пошутил: «Здравствуйте, гражданин Бывалов. Вы бюрократ, и я бюрократ, мы поймём друг друга. Пойдёмте побеседуем».

Роль Огурцова, как и многие другие роли по фильму, досочинили вместе с актером, во время репетиций и съемок. Энтузиазм и творческий подход к делу не остались не замеченными зрителями – после появления на экранах этот фильм был тут же разобран на цитаты, каждая из которых на десятилетия *ушла в народ*…

Об атмосфере, царившей в павильоне и во время съемок лучше всего сказала Людмила Марковна, когда вспоминала Игоря Ильинского: он «весело общался с молодым задорным режиссером Эльдаром Рязановым, который на съемке всегда смеялся первым. Это всех здорово подхлестывало. Он тут же

подхватывал и развивал малейшую деталь, если это была именно «та» деталь. Его жизнерадостность впитывалась и проникала во всех участников этого уникального, по-своему, фильма».

О работе в паре со знаменитым мэтром Л. Гурченко говорила:

– В этой веселой картине я встретилась с великим артистом нашей страны – Игорем Владимировичем Ильинским. Он легенда. Неужели же я, девушка с харьковским говорком, буду работать рядом с Игорем Ильинским?! Страшновато было. Так уж повелось, если вокруг человека ореол славы, ореол признанного и прочно зарегистрированного уважения, список титулов, званий и наград, то чувствуешь себя маленьким, мешающим, хочется незаметно исчезнуть. Такое положение обязывает человека быть постоянно вежливым и демократичным. Попробуй разберись, какой он и как он на самом деле к тебе относится. Позже многие журналы и газеты обращались ко мне с просьбой рассказать об Игоре Владимировиче Ильинском. Но без всяких видимых причин, сама не знаю почему, я уходила от этого. Ведь как выглядит обычное, всех удовлетворяющее интервью? «Была счастлива такому случаю…», «Мне на редкость посчастливилось…», «Это огромное событие в моей творческой жизни…», «Это незабываемая встреча…», «Подарок судьбы…». Все это – привычные официальные стереотипные фразы. Мне виделось что-то совсем другое. Виделось со своей колокольни, и слышались совсем простые фразы. Весь груз официальных почестей и популярности не обременял этого человека. Он как будто и не знал, что он великий Народный всего СССР. Тихий, скромный, никакой позы. Я смотрела на него и думала: «Эх, Игорь Владимирович, мне бы вашу славу, да я бы весь мир перевернула!»

Кинокритики утверждают, что благодаря Игорю Ильинскому появилось продолжение полюбившейся всем «Карнавальной ночи». При том, что Эльдар Рязанов, несмотря на частые уговоры, отказался снимать продолжение ленты. Возможно, понимая, что два шедевра на одну и ту же тему не получится. Или, что тема, отработанная им в первом фильме, полностью исчерпана. А вот актер Ильинский, впечатленный образом Огурцова, решил продолжить его приключения на экране. Но картина, как говорят, «не пошла», так и оставшись пребывать в забвении.

Роль лектора по астрономии из общества «Знание», задающего глобальный вопрос: «Есть ли жизнь на Марсе?», досталась знаменитому актёру *Сергею Филиппову*, обладавшему запоминающейся фактурой и пластикой. Блистательная по простоте и комизму сцена филипповского лектора стала классикой советского кинематографа. Интересно, что его

единственный сын Юрий, эмигрировавший в Америку в переломные 90-е годы, став известным художником-дизайнером, написал книгу об отце под названием «А есть ли жизнь на Марсе?»

Стоит сказать, что с подбором актера на роль лектора происходили те же проблемы, что и с актрисой, воплощавшей Леночку Крылову. Съемки фильма уже шли полным ходом, был просмотрен десяток актеров, но подходящего «лектора из общества по распространению» Рязанов все еще не нашел. И тут Эльдар Александрович вспомнил об исполнителе роли Казимира Алмазова из картины «Укротительница тигров» – актере Ленинградского театра комедии Сергее Филиппове. Те послевоенные 1950-е годы были успешными в кинокарьере актера. На экраны СССР один за другим выходили фильмы с участием Филиппова: «Кортик», «Мы с вами где-то встречались…», «Укротительница тигров» и «Запасной игрок» в 1954 году, «Двенадцатая ночь» – в 1955 году. Филиппов относился к числу тех актеров, на которых зрители охотно ходили.

Много лет проработавший в Театре комедии актер Владимир Труханов, хорошо знавший Сергея Филиппова, рассказывал о нем[15]:

– Я пришел в театр в 1947-ом году. Совсем еще молодым «зеленым» парнем, а Филиппов был уже состоявшимся, можно сказать маститым артистом. В театре его любили, хотя характер у него был и не простой. Ну а в народе популярность у него была огромна. К примеру, спуститься к киоску купить сигарет становилось для него целой проблемой: мальчишки, подвыпившие граждане, просто прохожие буквально обступали его. Приходилось маскироваться. Сергей Николаевич по этому поводу жаловался мне: «Володь, ну почему ко мне лезет знакомиться всякая шваль! Что я за актер такой».

«Есть ли жизнь на Марсе? Нет ли жизни на Марсе? Это науке неизвестно. Наука еще пока не в курсе дела!» (Лектор Никодилов)

По сценарию лектор из «Карнавальной ночи» любил выпить. Актёр Филиппов тоже, как поговаривали, был не прочь «взять на грудь». Он даже на съемки приходил подшофе, возможно, полагая, что его пьяный лектор будет выглядеть вполне естественно. Но подобная «инициатива» не понравилась Рязанову, и режиссер был вынужден пригрозить, что выгонит актера со съемочной площадки. Угроза возымела действие: Филиппов отныне стал приходить трезвым. Но сыграл своего нетрезвого героя просто гениально! А ведь режиссер чуть было вообще не вычеркнул эту роль из сценария…

Знаменитая советская комедийная актриса Рина Зеленая рассказывала, вспоминая филипповского лектора:

– Приходя на концерт, я обычно говорила: «Люди, ау-у!». И вдруг в «Карнавальной ночи» так завопил Филиппов. И все: от «ау» пришлось отказаться! Не могла же я цитировать Филиппова. Он был так любим, что его героев цитировали все.

Между прочим, можно сказать, что роль лектора была не просто прописана, а… написана, что называется, *на коленке* – во время съемок. В те годы активно развертывало свою деятельность «Общество по распространению научных и политических знаний». Среди лекторов было немало халтурщиков, готовых за деньги трепать языком о чем угодно и где угодно. Так что фигура

человека с портфелем в «Карнавальной ночи» появилась из реальной жизни. И эта горе-фигура, изображающая лектора по астрономии, вошла в каждый дом, едва произнеся с экрана: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке неизвестно. Наука пока еще не в курсе дела».

Влюбленного в Леночку Крылову электрика Гришу Кольцова сыграл *Юрий Белов*. Для него это также была первая главная роль в кино, она сделала его знаменитым на весь Союз. После «Карнавальной ночи» актер был безумно востребован, режиссеры наперебой звали его сниматься. Кто же из нас не смотрел фильмы «Весна на Заречной улице», «Королева бензоколонки», «Неподдающиеся», «Девушка без адреса», отнесенные к фильмоклассике 1950-1960-х годов?

Эльдар Рязанов так объяснил популярность Белова:

– Стране нужны были обычные парни, строители, рабочие, с не слишком интеллигентной внешностью и не слишком красивой, такие «свои парни» с заводской проходной. И Белов идеально подошел на эту роль. Поэтому был так востребован.

А Людмила Гурченко вспоминала:

– Нам приходило по триста писем в день! По улице, по институту невозможно было пройти… И если мне завидовали, то Юра был настолько любимый всеми весельчак, балагур, что ему как-то этот успех прощали.

А о работе партнера над ролью Гриши говорила:

– В «Карнавальной ночи» у Юрия Белова, как ни в какой другой картине, проявился его редкий трагикомический талант.

Юрий Белов долгие годы был на вершине славы, пока коллег по сценической площадке не огорошили страшной новостью: актер… сошел с ума! А ведь действительно в его биографии было такое: по молодости Юрий несколько месяцев провел в психушке (кажется после попытки суицида).

И трагическим, полным мистицизма, был его уход из жизни. В 1991 году экс-супруга актера, ухаживавшая за ним, пришла навестить его 31 декабря, прямо в Новый год, и нашла мертвым. Был включен телевизор, а на экране шел фильм… «Карнавальная ночь», – фильм, с которого началась триумфальная слава «своего парня», актера Юрия Белова.

…Наконец настал момент, когда Э. Рязанов показал советским мэтрам кино отснятые отрывки из «Карнавальной ночи». Уважаемые члены худсовета были единодушны: материал бездарный и скучный. Было решено скорее закончить съемки и забыть об этом фильме, отправив на полку. Но директор «Мосфильма» Пырьев по-прежнему поддерживал молодого

режиссера, по сути, дав тому возможность остаться и доснять фильм.

«И вот настал долгожданный день показа картины художественному совету. Рязанов был как на иголках: мало того что картину пришлось снимать в рекордно короткие для того времени сроки – 5 месяцев, так ещё и перерасход бюджета получился… Члены худсовета были единодушны: «Серость, бездарность, очень скучное кино!» «Худсовет признал, что положение с фильмом безнадёжное, – вспоминал в своей книге Эльдар Рязанов. – Половина картины уже отснята, оставшиеся деньги на исходе. Было ясно, что актёров менять поздно, а выгонять режиссёра бессмысленно… Вердикт худсовета был следующим – закончить скорее съёмки и забыть об этом как о кошмарном сне»», – знакомят нас с тем же эпизодом журналисты «АиФ»[16].

Действительно впору было опустить руки. К тому же вскоре после заседания худсовета в газете «Советская культура» появилась заметка редактора Кинокомитета К.К. Парамоновой, где говорилось, что на «Мосфильме» по отвратительному сценарию молодой режиссер снимает очередную пошлую комедию.

На съемках фильма «Карнавальная ночь».

Зато когда состоялся первый рабочий просмотр отснятой и смонтированной ленты, более опытный в деле актерства товарищ

Игорь Ильинский, подвозя счастливую Люсю Гурченко на роскошном черном ЗИМе до дверей общежития, сказал юной коллеге:

– Чую… После этой картины ты будешь очень популярной. Так что готовься…

Глава 14. Студентка Люся Гурченко – «эталон девушки СССР» в стиле new look

Картину, которой чиновники прочили неприятие зрителя и забвение на полках Госкино, решили пустить на экраны кинотеатров в последние предновогодние дни: мол, народ занят поисками и покупками подарков, и ему будет не до походов в кино. И вдруг – такое! Люди выстаивали на морозе часами, чтобы достать заветный билет.

«Я не ожидал», – честно признаётся режиссёр, которого ведущие советские СМИ уже прозвали «гением комедии». Критики и журналисты не скупились на похвалы Рязанову, словно навсегда «забивая» для него комедийную нишу. В первый год «Карнавальную ночь» посмотрели почти 50 млн человек, фильм стал лидером проката. А ведь никто не верил в успех… Но словно назло прогнозам юная Людмила Гурченко красуется на обложках всесоюзных журналов; молодые актеры, игравшие в фильме, становятся известными, быстро набирают опыт и популярность в других кинопроектах.

«Карнавальная ночь», которую никто и не ждал, вышла 28 декабря 1956 года – под самый Новый год. С тех пор эта лента становится новогодним фильмом, обязательным к показу по ТВ. А исполняемая главной героиней на фоне огромного циферблата песня «Пять минут» сделалась подлинным шлягером, став одним из символов Нового года.

В кадрах мелькает много лиц, – не мудрено, ведь снимали новогодний праздник (карнавал) в Доме культуры молодежи. Съемки проходили летом, театры разъехались на гастроли, потому удалось большую часть фильма отснять в коридорах и фойе Театра Советской армии. И в такой организации съемочного пространства было свое новаторство. Фильм вышел яркий, насыщенный, полный юмора, конфетти, выразительных взглядов, танцев и, конечно же, песен. Режиссеру удалось задействовать отличную актерскую молодежь, которая все умеет: и поет, и танцует, и при этом в кадре ведет себя естественно, непринужденно, как в жизни.

Вот, к примеру, на экране появляются три красавицы в образе девушек-официанток, похожих одна на другую как две капли воды. Это знаменитые в то время певицы сестры Шмелевы,

обладательницы прекрасных высоких голосов, они исполняют в фильме песню «Ах, Таня, Таня, Танечка», мгновенно ставшую народным хитом.

Или вот наша главная героиня с осиной талией задорным голосом поет:

И улыбка, без сомненья,
Вдруг коснётся ваших глаз,
И хорошее настроение
Не покинет больше вас!

«Многое было впервые, – напишет после в книге «Аплодисменты» Л. Гурченко. – Звукооператор Виктор Зорин записал меня в «Песне о хорошем настроении» отдельно от оркестра. Сбежались смотреть все работники звукоцеха. В тонзале оркестром дирижировал Эдди Рознер, а я пела под простейший наушник, слушая оркестр, а поддерживала меня и вдохновляла музыкальный редактор Раиса Александровна Лукина.

Эксперимент был во всем. «Карнавальная ночь» получилась удачной по всем компонентам: сценарий, режиссер, композитор, оператор, звукооператор, оркестровки Юрия Саульского, актеры. У всех в творчестве – пик. И так получилось, что у Б. Ласкина и В. Полякова – это лучший сценарий, снятый в кино. У Э. Рязанова – самая оптимистичная и живучая музыкальная картина. У Л. Лепина – самая популярная музыка. У Игоря Ильинского – самая большая в кино удача после «Волги-Волги». У нас с Юрием Беловым после «Карнавальной ночи» началась биография в кино».

Популярности фильму, без сомнения, добавила и легкая музыка А. Лепина, и хорошие песни. О несправедливо забытом композиторе Анатолии Лепине актер Игорь Ильинский как-то сказал в одном из своих интервью:

– С прекрасным композитором и человеком Анатолием Лепиным я имел счастье работать на «Карнавальной ночи». Моего героя Огурцова трудно представить сейчас без сопровождения его мелодий и песен. Личность композитора Лепина, его творчество мне близки по духу. Когда-то, на заре моей актерской юности, я услышал от своего первого сценического наставника Василия Григорьевича Сахновского слова, послужившие наказом на всю жизнь: «Никогда ничего не делать против совести в искусстве». Этому девизу, я не сомневаюсь, верен в своем творчестве и Анатолий Лепин.

Молодому режиссеру Рязанову удалось так равновесно соединить музыкальные части фильма и злоключения смешных

героев, что ни одна песня, ни один музыкальный номер не казались лишними, навязчивыми. Здесь все смешалось и все соседствовало гармонично: смех и грусть, радость и романтика, юмор и сатира. Много смеха, много смешных комбинаций, много романтики и праздничного веселья с летящим серпантином, апельсинами и фужерами шампанского. Что еще нужно для праздника, как не создание флёра волшебства, которое может происходить аккурат под Новый год? Так фильм обрел свою постоянную аудиторию на десятилетия. А ее главная героиня – Людмила Гурченко – вознеслась на пьедестал популярности, став предметом не только обожания, но и подражания.

Людмила Гурченко в кинофильме «Карнавальная ночь». Образ Леночки Крыловой навсегда остался в сердцах зрителей, актриса стала иконой стиля в СССР.

После «Карнавальной ночи» студентка Люся Гурченко стала «эталоном девушки СССР». Отныне и надолго в моде: талия – 48 сантиметров, лёгкая химическая завивка, капроновые блузки, как у главной героини… Ах, да, еще стильный атрибут – муфта, о которой тогда же стала мечтать каждая советская модница.

Режиссер картины Эльдар Рязанов вспоминал:

– Талия у Гурченко была тонкой до неправдоподобия. А

темперамент бил во все барабаны.

А ее подруга и коллега Инна Выходцева честно признавала:

– По сравнению с Люсей «зачухами» и серыми мышками были все. В студенческие годы Гурченко выглядела как картинка: «тростиночка» в ярком платьице с пояском вокруг осиной талии, с лукавым взглядом – великая кокетка, она знала, что неотразима!

Задав себе высокую планку, Гурченко действительно стала превращаться в икону стиля. Вот как об этом пишут в статье «Икона стиля: Людмила Гурченко», беря за исходную точку ее роль в «Карнавальной ночи»[17]:

«Образ Гурченко в этом фильме стал для нашей страны эталоном моды 1950-х, стиля new look. Узкие покатые плечи, осиная талия, роскошный бюст, округлые бедра, средний рост – вот идеальные женские формы того времени. В платье или костюме с маленьким облегающим верхом, затянутой талией и пышной юбкой почти до щиколоток модница напоминала цветок. Волосы носили длиной до плеч, слегка завитые или высоко заколотые с помощью шпилек.

Макияж делали яркий, используя красную помаду, очень светлую пудру и черную подводку для глаз, которой рисовали стрелочки. И конечно, такой образ был немыслим без нейлоновых чулок со швом, туфель на высоких шпильках, маленьких шляпок и сумочек, перчаток.

В зрелую пору творчества Гурченко предпочла стиль богемный, созвучный классическому французскому шансону. Как женщина, принадлежащая к сфере искусств, она серьезно относится к выбору гардероба, но не стремится быть ультрамодной. Характерный облик, макияж, прическу описать сложно: в зависимости от настроения и ситуации здесь могут быть уместны и строгий черный костюм, и экзотические наряды с немыслимыми аксессуарами, и боа, и накладные ресницы».

Сама же виновница мечтаний многих модниц той поры признавалась:

– Я выросла в странной, сумбурной, бессистемной и, может, неразумной, но чистой, доброй, широкой и абсолютно иррациональной семье. Огромная моя страсть, стать актрисой, непрестанно подогревалась папой. Он в меня верил. Я к своей мечте шла прямо, без сомнений и раздумий, вбирая в себя все необходимое. Такой я и пришла прямо на экран. Искренней, верящей в добро, жизнерадостной, полной сил, с желанием непременно «выделиться». Какое счастье я испытала, когда в черном платье, с белой муфточкой пела «Песню о хорошем настроении»! Ведь именно об этом я мечтала в голодные и страшные вечера в детстве… «Карнавальная ночь» – это итог моей

двадцатилетней жизни с родителями. И больше я такой не была. Никогда. Потому что на следующий же день после выхода картины на экраны на меня обрушилась слава.

И в другой раз – будучи уже взрослой, опытной, настоящей иконой стиля – Людмила Гурченко вспоминала (относительно все той же «Карнавальной ночи»!):

– В Берлине открывали киностудию, ту самую, где во время войны снимались музыкальные фильмы с блистательной Марикой Рёкк. Берлин воссоединили, отреставрировали и «подняли из пепла» разрушенную войной знаменитую киностудию. И как мне рассказали устроители, решено было выстроить концертную программу только из музыкальных номеров. Из тех музыкальных картин, которые набрали наибольшее количество зрителей в своей стране. Собрались актеры и актрисы из разных стран мира. Как вы думаете, почему обратились ко мне? Совершенно верно. Потому что «Карнавальная ночь» побила все рекорды по посещаемости в нашей великой и необъятной стране. Когда ведущий концерта объявил цифру, превышающую население страны, – зал вздрогнул. Оказывается, картину смотрели по десятку раз! Я сама ойкнула перед выходом на сцену. Вышла я в золотом костюме от Валентина Юдашкина. Публика, хоть и западная, оценила мое появление – и меня, и одежду, и резко поменявшийся свет в ожидании чего-то очень жизнерадостного и оптимистичного – очень-очень достойно. …а когда пришла в гостиницу – фрау Гурченко!!! И цветы в номере, и официанты как дома – все родные. Весь Берлин и Объединенная Германия смотрели прямую трансляцию по ТВ[18].

В пять минут решают люди иногда,
Не жениться ни за что и никогда!
Но бывает, что минута всё меняет очень круто!
Всё меняет раз и навсегда!
(Из кинофильма «Карнавальная ночь»)

Чтобы слегка разнообразить наше повествование и доказать, что именно этот фильм был достоин стать любимым, а его герои – популярными на весь СССР, приведем крылатые фразы из «Карнавальной ночи», которыми любили перешучиваться многие поколения советских людей…

– Товарищи! Есть установка весело встретить Новый год! Мы должны провести наш новогодний вечер так, чтобы никто бы ничего бы не мог сказать.

– Вот тут товарищем Крыловой запланированы: Дед Мороз один, снежинок 30 единиц. И Коты в сапогах. Коты у меня в смете запланированы, а на сапоги денег нет.

– Чего вы предлагаете?

– Урезать.

– Чего?

– Котов…

– Правильно, котов урезать до минимума.

– Бабу-Ягу со стороны брать не будем – воспитаем в своём

коллективе.

– Но ведь танец так поставлен.
– Переставьте.

– Ну и что ж, что квартет. Добавьте сюда еще людей – будет большой, массовый квартет.

– Докладчик сделает доклад, коротенько так, минут на сорок…

– Костюмы надо заменить, ноги изолировать.

– Я и сам шутить не люблю, и людям не дам.

– Лектор готов?
– Готов лектор, давно готов.
– Выпускайте.

– За всё, что здесь сегодня было, лично я никакой ответственности не несу!

– Вы хорошо поработали своими серыми клеточками головного мозга.
– Не такие уж они у меня серые, как вы думаете.

– Но если мы возьмём в руки… телескоп и посмотрим на небо вооружённым глазом, то увидим две звёздочки, три звёздочки, четыре звёздочки… Лучше всего, конечно, пять звездочек![19]
– Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке неизвестно. Наука пока не в курсе дела.

– Ансамбль пенсии и пляски… ой, оговорился…

– Ловкость рук, и никакого… доклада.

Глава 15. Василий Ордынский: «тайный» брак с «чернявым орлом»

Вслед за первой звездной картиной на экраны вышла еще одна музыкальная лента с участием Людмилы Гурченко – «Девушка с гитарой». Зритель благосклонно воспринял новый фильм, а вскоре и все композиции, исполненные Гурченко и ее коллегами в этом кино, были выпущены отдельной пластинкой.

Казалось, бы – живи, радуйся, наслаждайся счастьем бытия, роскошествуй в ожидании звездных ролей да в поисках модных нарядов и антикварных безделушек (Люся Гурченко их действительно любила). А не тут-то было. В силу специфики советского киноискусства, материальное положение актрисы оставалось тяжелым, ведь гонорары за съемки были стандартные и популярность или прокат при начислении не учитывалась. Поэтому Людмила, как и многие ее товарищи по сцене, стала участвовать в так называемых актерских «халтурах». Некоторое время наша героиня активно выступала перед зрителями, получая вполне приличные деньги. Но итогом всего этого стала внезапная травля, которую устроили артистке журналисты. Людмилу Гурченко обвиняли в «капиталистическом подходе к искусству» и получении «нетрудовых доходов», а в итоге она лишилась не только заработка, но и любви зрителей. Это было тяжелое испытание для молодой актрисы.

О годах травли популярная Википедия сообщает:

«После большого успеха Гурченко в «Карнавальной ночи» специально для неё был написан сценарий фильма «Девушка с гитарой» в расчете на её популярность, однако «Девушка с гитарой» не имела такого успеха, после чего за Гурченко закрепился «штамп» актрисы лёгкого, танцевального жанра. Материальное положение молодой актрисы было сложным, поэтому она была вынуждена зарабатывать, выступая с концертами на заводах, на шахтах, в поездках по стране, принимала предложения об участии в творческих встречах со зрителями, так называемых актёрских «халтурах». Это послужило формальным поводом для травли, и в советской прессе появились «разоблачительная статья» «Чечётка налево». В 1957 году во время съемок фильма «Девушка с гитарой» Гурченко вызвал министр культуры СССР Николай Михайлов и предложил сотрудничать с КГБ во время VI международного фестиваля молодёжи и студентов. Именно отказ на это предложение и стал настоящей причиной травли Людмилы Гурченко».

Афиша к кинофильму «Девушка с гитарой».

В этот период в ее жизни произошли перемены – оставив родные места, в Москву к дочери перебрались родители. Ее «отсутствие» на большом экране переживалось всей семьей, но особо остро страдал отец. Вот как пишет об этом периоде Людмила Марковна в книге «Аплодисменты».

«Папа трагически переживал то, что я не снимаюсь.

– Ничегинька не понимаю. Танцуить, поеть, на аккордевончике и на пианини играить. Хочишь драму – заплачить, хочишь – комедию. И дома садить. Усе работают, а она не. Дочурка, ты мне што-то не договариваешь. Наверно, ты допустила якой-то крупный ляпсус, и за ето тибя не беруть у

кино.

– Да нет, папа, нет же.

– Ну а тогда у чем же дело? Чем ты хужий?

А я и сама не знаю. У него были на все свои ответы.

Объясняешь ему, что нет роли…

– Як ето для тибя нет роли, когда ты усе вмеишь?

Что прошла мода…

– Якая такая мода? Як талант, то усегда у моди.

Что другая тематика…

– Так нада пойти у студию, подсказать им тематику.

Что для музыкальных девушек я уже постарела…

– Лель! Што она гаварить?! Да ты, дочурка, як прибодрисся, да подкрасисся – тибе як семнадцять!

А в драматической роли меня не видят…

– А ты сделай так, штоб увидели. Скажи: дайте я вам зыграю любую драматическую роль. И режиссер тогда глаза распрастреть! Во як нада – боевито!

Мой папа был так далек от сложной и запутанной жизни на студии! Я ничего не могла ему объяснить. Доведет меня до слез, закроюсь в своей комнате и уже не рада, что родители переехали. Я так надеялась, что будет легче. Привыкла одна…»

Марк Гаврилович действительно не мог понять причины опалы на его талантливую дочь. Он уже привык к ее популярности и за долгие годы ее творчества успел собрать огромную коллекцию всевозможных вырезок, афиш и фотографий.

– Папа собирал вырезки из газет, где было написано обо мне, – и хорошие рецензии и плохие – и аккуратно их подклеивал. Папа не пропускал ни одного моего фильма в повторном прокате. А когда с 1963 по 1966 год я работала в театре «Современник», папа с мамой специально приезжали в Москву, чтобы посмотреть спектакль с моим участием. Где бы папа меня ни видел: в кино, по телевизору, в концерте или слушал по радио, он всегда плакал.

Тягостным было и то, что хлебосольный и общительный Марк Гурченко в Москве долго не мог завести друзей.

Стоит сказать, что в своих воспоминаниях наша героиня больше всего уделяет внимания своей семье – отцу, матери, их взаимоотношениям; рассказывает о папе едва ли не на каждой странице и в каждом интервью. У нее уже была своя семья, был ребенок, а она – работая над книгами – все не может отвлечься от тех, кто дал ей жизнь, кто формировал ее взгляды, кто любил ее больше всего на свете, и в этих бесконечных воспоминаниях ее отец всегда на первом месте…

«Когда родители стали жить в Москве, первым делом папа захотел пойти в Третьяковскую галерею – близко рассмотреть, как Иван Грозный убивает своего сына»; ««Штобы не сидеть у дочурки на шее», папа против нашего желания устроился работать ночным сторожем. Служебным собакам возил колбасу и сахар, даже в выходные дни. На работе сделал сам всю проводку, заменил все лампочки. Там уже давным-давно работают другие, а папины лампочки все горят. И всем светло!»; «Он любил меня, свою внученьку Машеньку, обожал своего карликового пинчера – Эдика-Федора… Но больше всех на свете папа любил маму! При ней он был весел, жизнерадостен, любил «кровенных», увлекался «приятными дамочками», но если мамы не было – на душе у папы был мрак».

И совсем мало наша героиня пишет о личном, о любовных взаимоотношениях и страстях. Ну а как без этого! Ведь Людмила Марковна, по ее признанию, отличалась влюбчивостью, могла увлечься почти мгновенно.

Биографы Л. Гурченко полагают, что ее первый серьезный роман случился в годы ее учебы на втором курсе ВГИКа, еще до судьбоносной «Карнавальной ночи». При этом всегда вспоминают кинорежиссера Василия Ордынского. Молодой постановщик пригласил студентку на главную роль в свой фильм «Человек родился». Но кто-то перед худсоветом донес комиссии, что Ордынский, мол, хочет протолкнуть в картину любовницу, в результате роль отдали Ольге Бган. Роль провинциальной девушки Нади Смирновой в этой советской драме стала самой заметной ролью Ольги. Зато Людмила Гурченко озвучила героиню, сыгранную Бган.

Кинокритик Е. Бауман в статье «Фильмы молодых режиссеров», опубликованной в «Советской культуре» в 1956 году, пишет об этой ленте следующее:

«Ордынский пытается заглянуть в самую гущу жизни, как бы покараулить своих героев врасплох. Режиссер находит много подлинных деталей повседневности, ему нравятся эти детали, и на них он строит свое повествование. Ордынский подбирает один к одному много мелких штрихов, нюансов в характерах и поведении персонажей фильма.

Ольга Бган, исполняющая главную роль, недостаточно четко передает режиссерский замысел. Ее Надя мила, вызывает сочувствие, но решает образ несколько однопланово. И это обедняет фильм, главная ценность которого в том, что зритель заглядывает в будничный мир обычных, малоприметных людей, разбирается в их интересах, чувствах, мыслях. И разбирается

опять-таки не потому, что перед ним предстают какие-то особо интересные психологические глубины. Нет, просто потому, что о простых, хороших людях – таких, каких много, рассказано по-человечески».

Василий Сергеевич Ордынский (1923-1985) – советский кинорежиссёр, сценарист, актёр. Народный артист РСФСР (1974).

Журналисты еженедельника «АиФ», раскрывая секреты личной жизни многих советских звезд, обращали свой взор и на

Л.М. Гурченко. «Тайный» брак (признаваемый, между прочим, не всеми биографам звезды) здесь тоже рассматривается, как под микроскопом «безоговорочного знания».

«1953 год. Первокурсники мастерской Сергея Герасимова показывают актёрские этюды. Среди приглашённых – Василий Ордынский. Серьёзный, подающий надежды режиссёр. Увидев 18-летнюю Люсю, он сразу потерял голову. Люся ответила согласием. Молодую жену Ордынский забрал из подмосковного общежития, и она заняла законное место рядом с мужем в его столичной квартире. Разумеется, и главные роли в его фильмах должны теперь предназначаться ей!

И в первой своей картине «Человек родился» Ордынский в первую очередь, естественно, пробовал свою жену. Но худсовет забраковал Гурченко. Это стало ужасной трагедией для неё. В результате в этом фильме Гурченко достался только голос главной героини, а на экране блистала другая актриса – Ольга Бган. А Люся поняла: Василий не в силах стать её личным режиссёром. И… подала на развод! Уходя, она сделала всё, чтобы не испортить себе биографию. Даже самые близкие друзья не догадывались о её разводе. Это было не так сложно – они и о замужестве тоже не знали.

Гурченко ещё не раз воспользуется этим приёмом, удаляя из своего прошлого некоторые факты. И неугодных людей, будь то очередной муж, мать или даже… дочь. О том, что она есть, многие вообще не подозревали. Да и сама актриса в многочисленных интервью редко упоминала о Маше. А если и говорила, то с неловкостью»[20].

Студенческая подруга Люси актриса Инна Выходцева вспоминала:

– Вася Ордынский – видный парень, режиссер, Люся просто влюбилась! Познакомил их с Васей Сергей Аполлинариевич Герасимов. У него в мастерской было такое правило: как только он набирал актерский курс, студенты с режиссерского факультета обязательно приходили знакомиться. На тот просмотр Сергей Аполлинариевич пригласил Кулиджанова, Ростоцкого и Ордынского. И Вася сразу заметил Люсю. Буквально через пару месяцев она вышла за Ордынского замуж, съехав из общежития…

О конфликте в связи с несостоявшейся ролью в фильме «Человек родился», ставшим, возможно, причиной расставания юной актрисы Люси с супругом-режиссером, та же И. Входцева рассказывала:

– С Васей Ордынским Люся прожила недолго. Ее надежды на их творческий тандем актрисы и режиссера не оправдались. Я знаю, что Вася очень хотел снимать ее в своем фильме «Человек

родился». Но худсовет пробы Люси не утвердил – усмотрели в ее манере игры подражание Западу. Ордынский бился за нее, но его одернули: «А жен вообще снимать нельзя!» Узнав, что роль отдали другой актрисе, Люся устроила Васе дикий скандал. Она так сильно с ним поругалась, что даже на время вернулась в общежитие. Но потом Ордынский вымолил прощение, предложив ей хотя бы озвучить ту самую роль.

Пожалуй, стоит несколько слов сказать о самом Ордынском, покорившем сердце будущей мега-звезды, и которого многие биографы называют первым официальным мужем Людмилы Марковны.

Василий Сергеевич Ордынский[21] (1923-1985) – советский кинорежиссёр, сценарист, актёр. Народный артист РСФСР (1974). Родился 6 апреля 1923 года в Костроме. В августе 1941 года призван в ряды РККА. После окончания военного училища, с июня 1942 года – на фронте. Командир огневого взвода миномётной роты 286-го отдельного моторизованного батальона особого назначения. Воевал на Воронежском и 1-м Белорусском фронтах. Был тяжело ранен. Войну закончил в Германии. В 1948 году был демобилизован.

В 1954 году окончил режиссёрский факультет ВГИКа, мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой.

Ордынский был первым мужем Людмилы Гурченко. В зарегистрированный брак с кинорежиссёром актриса вступила в возрасте 18 лет, о чём свидетельствует её однокурсница по ВГИКу и близкая подруга, актриса Зинаида Кириенко. Брак продолжался более года. Ни Ордынский, ни Гурченко публично не рассказывали об этом браке.

В 1964 году кинорежиссёр женился на Марианне Рооз, редакторе «Мосфильма» (в этом браке родилась дочь Екатерина, сыгравшая эпизодическую роль в телесериале «Хождение по мукам»). Сыграл эпизодическую роль политрука в киносериале «Щит и меч». Умер 4 ноября 1985 года. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище.

Именно он был первым в ряду «чернявых орлов» примы советского экрана. Помните ее признание:

– С детства я влюблялась на всех перекрестках и во всех киногероев, если «в него были зубы як мел, вусы як у Буденага». Короче, во всех «чернявых орлов». В институте влюблялась на каждом этаже. Прошел красавец – сердце ёк!

На съемках фильма «Вокзал для двоих». «…любовь, верность, преданность, незыблемая вера в идеалы справедливости – это лишь “атрибуты”, присущие определенному времени. Времени Прошедшему? Есть, есть ещё эти прежние бесценные чувства. Но мало. Это уже дефицит». (Людмила Гурченко)

Но отчего же, спросит любой читатель, страстная и ранимая Люся быстро забыла первое замужество? Отчего молчала о нем? Почему отстраняла от себя всяческие воспоминания? Да потому, что «верила: у неё всё будет как в кино. Тогда она ещё не догадывалась, что именно страсть к кинематографу со временем вытеснит из её сердца всех героев-любовников»[22]. Вот и обжигала крылышки всем этим мотылям, летящим на ее яркий горящий фитилек таланта и безбрежной индивидуальности.

Глава 16. Борис Андроникашвили: изысканная внешность с набором неординарных качеств

Сразу после расставания с Ордынским Гурченко закрутила роман с 22-летним студентом сценарного факультета ВГИКа Борисом Андроникашвили. Они расписались, через год у них родилась дочь Мария, а еще примерно через год они развелись.

С Борисом Андроникашвили Люся столкнулись случайно, у стойки самообслуживания в столовой ВГИКа. Увидев перед собой фактурного, жгучего брюнета, девушка выронила поднос. Вот он – перевоплощенный в студента англичанин Лоуренс Оливье – мужчина её мечты, сыгравший Гамлета и Генриха V, блиставший в фильмах «Грозовой перевал», «Гордость и предубеждение», «Леди Гамильтон»…

Борис Андроникашвили родился 28 октября 1934 года в Москве в семье известного писателя Бориса Пильняка (псевдоним Бориса Андреевича Вогау) и актрисы Киры Георгиевны Андроникашвили из грузинского княжеского рода Андроникашвили. В 1937 году его отца арестовали по обвинению в государственных преступлениях. Впоследствии, по прошествии многих лет, литературные критики определят Пильняка «главой целой школы или направления в советской литературе», которое назовут «орнаментальной прозой». Мать, опасаясь за судьбу сына, отправила его в Тбилиси к бабушке, которая усыновила внука и дала ему свою фамилию – Андроникашвили. В юношестве отправился в Батуми, где поступил Батумское мореходное училище. Но затем решил сменить профессию и уже в начале 1950-х уехал в Москву, где поступил на сценарно-киноведческий факультет ВГИКа, который окончил в 1959 году.

В пору его студенчества о красавце с грузинскими корнями мечтала едва ли не половина студенток. А он влюбился в девушку старше его на два года. Своих близких отношений с Андроникашвили Люся не скрывала, наоборот, жила словно напоказ. Не удивительно, что находилось много завистников, желавших разладить взаимоотношения этой пары.

А вскоре молодые люди стали родителями, в 1959 году у них появилось маленькое чудо – дочь Маша. Увы, счастье длилось недолго; как говорят умники: *быстро проходит только хорошее…*

А скоро и самой Людмиле Марковне стало понятно, что карьера для нее важнее пеленок.

– Актрисе нельзя быть матерью. Все нужно отдавать или профессии, или детям. Лично я выбрала первый путь. Хотя это, может быть, и очень жестоко, – горько призналась как-то актриса.

Но наверняка на нее негативный отпечаток наложил и факт самих родов, которые проходили не в Москве, где жил ее молодой супруг, а в Харькове, у родителей. К тому же она мечтала произвести на свет мальчика, которого собиралась назвать Марком в честь своего любимого папули. Так что можно даже представить глубокое разочарование актрисы, когда 5 июня 1959 года ее уведомили, что родилась девочка. Да и ситуация в роддоме, как пишут биографы, не способствовала спокойствию и истинному радостному предвкушению – роженицы в палате узнали свою популярную землячку и тут же разделились на тех, кому она и ее творчество нравится, и тех, кто ее просто ненавидит за сам факт существования. Пришлось Люсе переходить в другую палату. А маленький Марк действительно однажды появится в жизни Людмилы Гурченко, но родит его ее выросшая дочь.

В книге «Аплодисменты» Людмила Марковна напишет так, коротко и странно: «В 1959 году у меня родилась Маша. И мама приехала в свой отпуск ко мне в Москву. С тех пор она все свои отпуска проводила с нами. Всегда приезжала с полными корзинами. «Усе, усе вези дитям. Дочурке и моей клюкувке унученьке. Они – наша радость. Больший в нас никого на свете нима, Лялюша»».

Увы, брак звездной пары распался. Люся Гурченко пошла вперед по дороге творчества, набивая все новые и новые шишки, получая все более умудренный делами житейскими опыт. И «чернявый орел» Борис Андроникашвили – сценарист, историк, сын писателя и актрисы, двоюродный брат грузинских режиссеров Георгия и Эльдара Шенгелая – тоже не остался без своего любимого дела. Вот только ребенок их в итоге оказался обделенным заботой и лаской самых близких людей… Ее судьба и взаимоотношения с родителями столь нелепы, странны и даже трагичны, что этой женщине, о существовании которой долгие годы не знала широкая публика, мы посвятим отдельную главу.

О своем супруге Людмила Марковна позже говорила, отдавая дань его внутренним талантам:

– Несмотря на свою изысканную внешность, от которой не ждешь ничего глубокого, это был сложный человек с набором неординарных качеств – больших и малых.

Борис Андроникашвили и Людмила Гурченко.

Возможно, именно эта сложность характера, образованность и интеллект и стали причиной, оттолкнувшей Люсю от ее избранника. Он действительно был хорошо воспитан, блестяще образован, обладал чувством юмора, был начитан и музыкален, обаятелен и талантлив. А она, рассчитывая в Борисе обрести идеал мужчины, в итоге хотела жить не с этаким грузинским Лоуренсом Оливье, а с простецким парнем-рубахой, как две капли воды похожем на ее идеального мужчину – Марка Гурченко,

деревенского малограмотного баяниста-самоучку. Но, поговаривали, что Борис тоже не был праведником, и не раз причинял боль молодой супруге своими изменами.

Е. Мишаненкова в своей книге о великой актрисе так описывает этот сложный период ее жизни, принесший первый опыт настоящей любви и реального материнства.

«Но на этот раз все было куда серьезнее – не мимолетная влюбленность, а сильное пылкое чувство. Да и избранник ее, сценарист Борис Андроникашвили, был человеком незаурядным – сын знаменитого писателя Бориса Пильняка, расстрелянного в 1938 году, и его красавицы-жены, актрисы Киры Андроникашвили, происходившей из княжеского грузинского рода. И конечно же, был «высоким да чернявым»!

И первое время казалось, что вот оно – счастье. Любовь, брак, ребенок. Карьера рушилась, но разве это главное? Зато рядом человек, который умнее, чем она, сильнее, который поддерживает и понимает. Да и мама у него такая необыкновенная – от Киры Андроникашвили Людмила Гурченко была в тихом, но от этого не менее сильном восторге и даже спустя много лет вспоминала о ней, как о женщине «красоты, ума, таланта и женственности непревзойденной». Кто знает, не умри Кира Георгиевна через год после рождения внучки, возможно, брак Людмилы Гурченко и Бориса Андроникашвили и не закончился бы так быстро и так печально.

Первые звоночки начали появляться довольно быстро, но Людмила Гурченко их поначалу не замечала».

Или вот отрывок из материала, опубликованного в газете «Культура»[23], раскрывающий нам тайные страницы это брака, похороненного стараниями самих супругов Гурченко и Андроникашвили:

«Мария родилась в Харькове. Слабая, болезненная, да еще с врожденным дефектом. Девочку сразу передали на руки Люсиным родителям. А сама молодая мать вернулась в Москву. Здесь начались испытания суровой прозой жизни. Три-четыре концерта в день, в разных концах Москвы. Фабрика, завод, профком, милиция. После выступления, домой – на метро. Новых ролей в кино не было. Семья нуждалась в деньгах. А что же Борис Андроникашвили, ее муж? Помогал, поддерживал в трудную минуту? Увы, нет. Об изменах мужа, ей стало известно от подруг. Гурченко не стала унижаться до расспросов и выяснений. Сразу подала на развод.

О личной драме Люси знали только близкие. На людях – она всегда держала лицо. Это было частью профессии. Бориса Андроникашвили она вычеркнула не только из своей, но и из

жизни Маши. Тема горе-отца и его родственников была закрыта навсегда. О грузинских корнях дочери Гурченко вспоминала лишь в минуты раздражения. Обжегшись один раз, Гурченко решила: жертвенная любовь – не для нее. Больше – никакой веры мужчинам. И главное – никаких детей».

В одном из интервью великая актриса призналась:

– Мне приходилось отказываться от многого. Когда Маша только родилась, пришлось перевязать грудь полотенцем, чтобы сгорело молоко. Потому что надо было вкалывать, потому что муж оказался негодяем…

Стоит, пожалуй, еще несколько слов сказать о том, как сложилась судьба Андроникашвили после развода с Люсей.

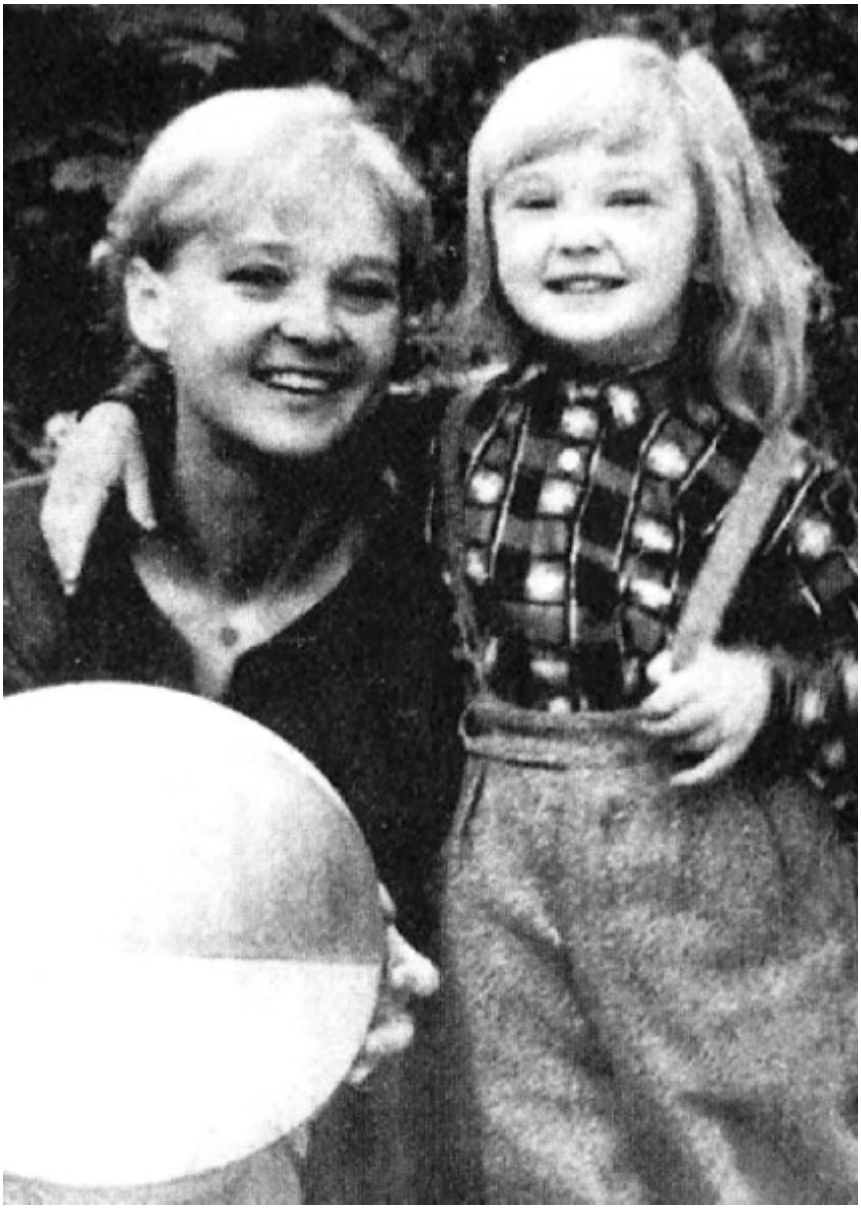
После расставания с Гурченко Борис пять лет встречался с Нонной Мордюковой и даже хотел пожениться на ней, но дело до свадьбы так и не дошло. Второй женой Бориса Андроникашвили стала художница Русудан Хантадзе, с которой он прожил до конца своих дней в 1996 году. В браке у них родились дочь и сын.

Глава 17. Покой для Гурченко бывает только один – кладбищенский…

Людмила Марковна писала о дочери: «В нашей семье Маша – абсолютно инородное существо: черноглазое, с нежно-розовым лицом инфанты восемнадцатого века. Ей бы носить пышные бальные платья с кринолинами, ездить на светские балы в каретах. Это было просто написано с детства на ее лице. Рядом с ней мы с папой и мамой выглядели милыми сероглазыми русскими крепостными. Но родилась она в двадцатом веке. Так что пляши под дудку своего времени».

А у нее мама – не мать, а АКТРИСА. И только так, а не иначе.

И все же после таких лестных слов о дочери очень сложно понять, почему Гурченко была с Машей разделена обстоятельствами, далека душевно, став, по сути, чужим человеком. Тем не менее мы попробуем поднять и эту больную тему, чтобы понять, кто виноват больше: супруг, предавший идеалы семьи, или семейный быт. А может даже… талант, требующий жертвы в виде разрыва связей с самими родными людьми?



Людмила Гурченко с дочерью.

Как резко, но справедливо написала Е. Мишаненкова, Гурченко не могла долго быть спокойной; «Людмила Гурченко всю жизнь была одной из тех людей, для которых покой бывает только один – кладбищенский. А жизнь – это постоянное движение!»

Возможно, маленькая дочь на руках одинокой женщины, оставшейся без мужа, вызывала раздражение и отчаяние. Но Люся была слишком молода, чтобы опускать руки. К тому же на

помощь дочери приехала из Харькова Елена Александровна. И вот – Маше не исполнилось и пяти месяцев, как вся эта разновозрастная семейка спешит в Ленинград, куда на кинопробы в картине «Балтийское небо» была приглашена Людмила Гурченко. Это было очень ответственно и желанно: сыграть в фильме о войне, ведь ей впервые предложили серьезную, драматическую роль.

А как только Гурченко была утверждена, решился и вопрос с младенцем: Машу бабушка забрала в Харьков.

«Балтийское небо» – это двухсерийный художественный фильм, снятый в 1960 году режиссёром Владимиром Венгеровым по одноименному произведению Николая Чуковского. Кинокритики утверждают, что экранизация непростого для переложения на киноязык романа Николая Чуковского несправедливо была обделена критикой и наградами. Книга Николая Чуковского была написана под впечатлением фронтовых будней, в частности проведённых им в качестве военкора в 3-м Гвардейском истребительном авиационном полку под Ленинградом в 1942 году.

Это патриотический фильм о городе-герое Ленинграде, о его защитниках и жителях, о драматических буднях 1941 и весны 1942 года. В центре картины – судьба эскадрильи истребителей И-16 под командованием капитана Рассохина (блестящая роль Михаила Ульянова). Важной линией в фильме является история любви юной ленинградки Сони и лётчика Татаренко. Дуэт двух молодых, но уже известных публике 25-летней Людмилы Гурченко и 31-летнего Олега Борисова сделал фабулу фильма эмоциональной и нежной.

У Сони умирает мать и дедушка, она остаётся с 9-летним братишкой, на её юные плечи взвалены суровые испытания. Блокадные будни заставляли быстро взрослеть. Встреча с Татаренко стала для Сони новым обретением себя. Бравый лётчик отлично воевал, был ранен, прошёл госпиталь и вновь вступает в боевой строй, заменяя погибших товарищей. Для этих молодых впереди два долгих года войны… А пока они идут по мостам сквозь белые ночи по городу Ленинграду – городу, невзирая на военные трудности их молодости, надежды и славы боевой[24].

Интересно, что автор романа Николай Чуковский был недоволен экранизацией и даже отправил открытое письмо в «Литературную газету» с характерным заголовком «Бесцеремонность», требуя снять фильм с кинопроката.

О работе с Людмилой Марковной режиссер «Балтийского неба» Владимир Венгеров вспоминал:

– Шли пробы на роль девочки в «Балтийском небе». Гурченко пришла в павильон в валенках, в шапке с длинными ушами, черты лица заострились, в глазах тревога. Ничего общего с той беззаботной Гурченко, какую мы знали по экрану. Всех убедила, что именно она должна играть эту блокадную девочку. Хотя ее педагоги, Макарова и Герасимов, помню, были очень удивлены, что Люсю Гурченко взяли на драматическую роль. Ее амплуа тогда были песни. Тут она не знала себе равных. Помнила их множество, и между съемками все, кто был в павильоне, собирались ее слушать. Но она была актрисой. Уже тогда – опытной, активной, цепкой. Понравились мы друг другу, сразу нашли общий язык. Работали на полном доверии, мне всегда по душе было ее очень серьезное отношение к делу.

А для самой Людмилы Марковны «Ленфильм» стал самым родным местом, ибо с этой киностудии началась ее творческая карьера, и здесь же снимались самые лучшие, самые значимые кинопроекты с ее участием.

Актриса в своих книгах и телебеседах не раз охотно упоминала, причем описывая самыми теплыми словами, главную для себя площадку:

– Закономерно и естественно, что именно в Ленинграде я тебя увидела впервые. Работникам этой студии свойственны такт, человечность и интеллигентность, которые вообще отличают настоящего ленинградца. На этой студии прошла большая часть моей жизни в кино. И здесь обо мне знают все. С первых шагов до сегодняшнего дня. Именно Ленинград вспоминал обо мне и вытаскивал меня на свет – не важно, в какой роли, когда казалось, что все уже забыли о моем существовании. Именно «Ленфильм», как бы почуяв, что я уже вот-вот созрею для нового прыжка, вызывал меня на пробы в интересные, крупные роли, и хоть я порой проваливалась, все равно вызывал и вызывал… и пусть эти роли сыграли другие актрисы, но что-то внутри меня предсказывало: ведь недаром, недаром «Ленфильм» беспокоится обо мне. Стать чемпионом через десяток с лишним лет ни одному спортсмену еще не удавалось. В нашей профессии приобрести «второе дыхание» – это тоже явление не частое, но самое интересное. Это то время, когда мозг, инстинкты, опыт, терпение и выдержка находятся в полном ладу друг с другом. И подчиняются главной силе – осознанному профессионализму. И ни одна из этих гаек не выскочит и не подведет. Здесь уже «главное, дочурка, береги здоровье, а все остальное приложится». В тот период удачных и неудачных кинопроб еще не было смелого человека, который взял бы на себя ответственность за мое «второе дыхание». Но именно на «Ленфильме» он найдется.

Кадр из кинофильма «Балтийское небо».

Или вот еще, предлагая нам познакомиться с новыми наблюдениями, – теми мелочами, из которых и состоит жизнь настоящей актрисы, приехавшей на съемки:

– Здание «Ленфильма» ничем не напоминает киностудию. Здание приспособлено под студию. Постепенно, за счет маленьких комнат, укрупнялись и увеличивались помещения. Как приедешь на студию, обязательно ремонт. Строят что-то новое. Смотришь, а вход уже с другой стороны. И в тех маленьких комнатках с нами знакомились и репетировали большие режиссеры. Там встречали молодого актера душевно, гостеприимно. А главное, с интересом к твоей особе. Это были комнатки «ленфильмовские». И таких больше не было ни на одной студии. На том месте, где теперь в коридоре стенд «Лучшие люди нашей студии», была большая гримерная. Если съемка была утренней, за окнами гримерной было темно и морозно. А в самой гримерной светло-светло. И очень тепло. Столы заставлены флакончиками, тюбиками, пузырьками. Звучали непривычные слова: тон, шиньон, андульсьон, лак-сандарак. А сколько зеркал! Изучай себя со всех сторон –

рассматривай хоть свой профиль, хоть смотри в свой собственный затылок. У каждого гримера свой столик, свое хозяйство. По тому, как убран стол, что на нем стоит, многое угадаешь о мастере-гримере, еще не зная его. Это все равно как хозяйка в доме – талантливая или бездарная.

А что Ленинград (ставший наконец Петербургом, вернувший ныне себе свое истинное имя)? Город также охотно принимал свою благодарную посетительницу. И кроме сценических площадок наша героиня успевала насладиться «культурными благами» (уж не влияние ли это ее недавнего супруга-интеллектуала Андроникашвили? – все может быть! Или хотя бы в силу противоречивой настырности Люси, заложенных в нее амбиций и, возможно, даже родовой, генетической – по матери – тяги к прекрасному!). Среди первостепенных мест – Эрмитаж, Большой драматический с его замечательными постановками. «Это было время начала моей влюбленности в балет», – как-то стеснительно признается актриса. А еще – знаменитые ленинградские капустники с их оздоравливающей атмосферой дружелюбия и терпимости к разношерстным талантам.

Обстоятельства складывались довольно удачно: после съемок в городе на Неве актриса летит на съемки в Киев… чтобы возвращаться в Москву и снова улетать… Работа заставляет ее крутиться как белку в колесе. «Странные это были два года жизни. Не знаешь, чего больше было в них – то ли счастья и радости от работы, то ли горя от потери семьи», – задаст себе риторический вопрос. А когда наступит осознание одиночества, наша героиня будет отчаянно вопрошать, словно она вовсе и не виновата в том, что с ней происходило:

– Как жить? Я так боюсь одна. Он казался мне таким сильным… Да я одна погибну, умру. Я изо всех сил сжимала челюсти на съемке, потому что проклятые слезы душили беспрерывно. Я только держалась и сдерживалась. Зато уж ночью плакала навзрыд, до изнеможения.

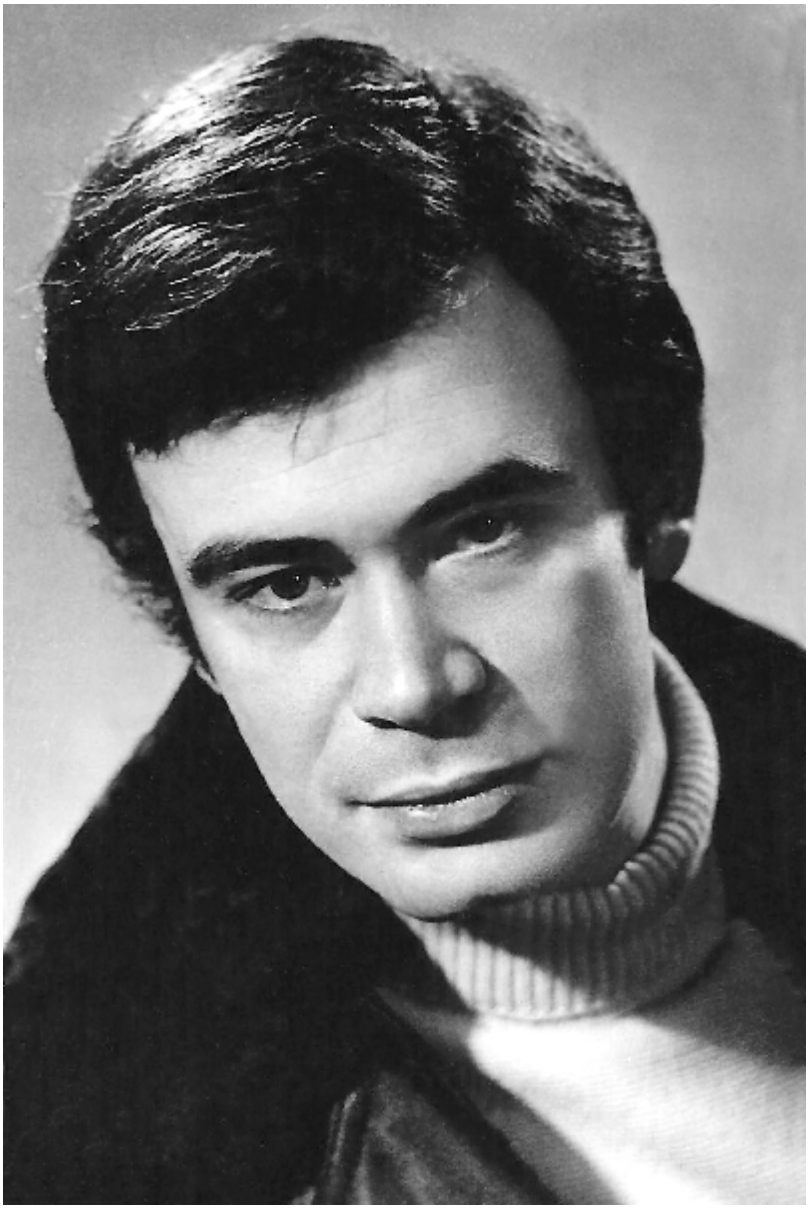
И этот плачь навзрыд, до изнеможения будет обуревать нашу ранимую героиню еще не раз на протяжении ее жизни, полной не только счастья и женских причуд, но и вранья, интриг, предательства и боли. По понятным причинам, чаще всего подобные обстоятельства будут вызваны отношениями с противоположным полом, вернее, разрывом этих самых отношений. Людмила Марковна выходила замуж не один раз, не один раз и обжигалась… Обиднее всего, что слезы разочарования будут также течь из ее прекрасных глаз и из-за отношений с ее единственным ребенком – дочерью Машей. Но об этом чуть

позже…

– Теперь ненавижу в роли слезы. Любым путем обхожу их. Или оставляю их за кадром.

Думается, любого до слез тронет текст самой Гурченко о пережитом впервые разрыве с любимым мужчиной. И этот опыт она обязательно положит на пленку, не просто создав характерную роль, а прожив ее на экране, пропустив через сердце.

– Через много лет, в картине «Семейная мелодрама», я буду играть женщину, покинутую мужем, но так и не сумевшую смириться с такой долей. Я ясно вижу гостиницу «Украина» в весеннем Киеве в пору своей молодости… И все будет очень похожим… Ну не могла я тогда себе представить, что это конец. Ну зачем жить, если нет правды, справедливости, с которой я пришла в любовь. Это будут самые дорогие сцены в фильме. Не придуманные и не написанные, а личные, интимные, которые случаются с каждым человеком, когда он наедине со своим горем. Поразительно, но после «Семейной мелодрамы» именно из Киева пришло письмо от врачей. Я им ответила. Они удивлялись тому, как точно был сыгран процесс сердечного приступа. «Может у вас сердце больное, откуда это вам так точно известно?» Не знаю, просто пропустила все через себя, все иголочки, не боясь уколов. Это «узнавание» через свою кровь. А на съемке осветители после дубля тихо-тихо спрашивали: «Как вы себя чувствуете? Не хотите водички, минеральной?..»



Андрей Аркадьевич Вертоградов (1946-2009) – актёр театра и кино, также артист эстрадного жанра, исполнитель песен и музыкальных пародий.

А она, отплакав, отболев и наконец оздоровившись, начнет осознавать себя как женщина, в которой утверждается не просто актриса, а настоящая вамп – умелая, смелая, игривая, умно-равнодушная и вместе с тем сильная в этой своей защите от окружающего мира и его двуногих представителей в классических мужских брюках.

– Верно, что в поражении победа. Умерла моя любовь. Утихла моя тоска. В моем родном Харькове, в больничной палате, рядом с любимыми родителями я оздоровилась. Я поднялась над собой. Приходило исцеление, потому что умерла моя любовь. Я была счастлива! Парадокс. В душе надолго поселятся испуг и подозрительность. Около меня будут появляться милые и интересные люди. Но это будут случайные люди. Ведь одиночество прекрасно. Но не тогда, когда оно длительно. И я, как черепаха, начну потихоньку обрастать непробиваемым панцирем запрета на искренность и нежность. Буду обогащаться новыми и новыми изощренными и гладкими фразами, которые ничего не выражают. Но и не обижают…

Раскрывая сердечные тайны подруги актриса Инна Выходцева рассказывала журналистам издания «7 дней»[25]:

– Залечить разбитое Борей сердце Люсе помог актер Андрей Вертоградов. Он прекрасно играл на фортепиано, сам сочинял музыку и научил это делать Люсю. Думаю, она сошлась с ним, потому что он чем-то отдаленно напоминал Борю. Люся к нему тепло относилась, ей льстило, что Андрей высокого роста, импозантный, музыкально одаренный, творческий. Но Вертоградов тоже оказался ходок по бабам. И Люся его бросила без особых сожалений после двух лет гражданского брака.

А вот подруга актрисы Татьяна Бестаева вспоминает другого «утешителя», с которым Гурченко вернулась со съемок в Киеве[26]:

– Этот развод, хоть и дался Люсе очень тяжело (помню, она писала мне со съемок, что Боря воткнул ей нож в сердце), по большому счету в ее душе ничего не поменял. Люся по-прежнему бросалась в любовь как в омут, легко очаровывалась и так же быстро разочаровывалась. Помню, однажды из Киева, со съемок картины «Гулящая», она приехала не одна, а с гражданским мужем Юрием. Он работал на «Гулящей» художником по костюмам. Этот фильм сейчас не помнят, а тогда он был популярен. И Люся была в самом расцвете своей красоты. Как она говорила, ее талия как раз достигла минимального объема – 46 сантиметров (обычно у нее было 53-54)… И вот, помню, она мне говорит: «Юрий, он цакой цалантливый, он цакой, цакой…» Я думаю: ну все понятно, новая любовь. И ведь Юрий был действительно талантлив! Помню, какой замечательный халат, стеганный золотой ниткой, он сшил для Люси… Но идиллии снова не получилось: вскоре выяснилось, что Юрий женат. Мало того, он еще и не вполне решился расстаться со своей семьей. А Люсе надо было, чтоб все доставалось ей сразу, быстро! Если честно, с ней было довольно трудно жить мужчинам. Вроде бы она восхищалась своим возлюбленным, но тут же и требовала от

него поклонения. Говорила, как он талантлив, но подспудно, сама того не замечая, превращала мужчину в обслуживающий персонал. А ведь не всем это подходит… Словом, они с этим Юрой тихо разошлись, он уехал назад. Но Люся недолго оставалась одна…

Глава 18. Маша. «Дочь кинозвезды – это тоже роль, которую надо талантливо исполнить»

Долгое время маленькая Маша подрастала в Харькове, в той же квартирке, где прежде проживала подростковые и юношеские годы ее звездная мать. Истинным опекуном, более трепетным и внимательным, чем родной отец, стал для Маши ее дед Марк Гаврилович. Он окружил девочку безмерной заботой и любовью, изливая на крохотного ребенка море тепла и ласки.

– И в квартирке на Клочковской они зажили втроем особенной, обновленной и радостной жизнью. Мои родители и не понимали, что это их внучка. Они были уверены, что вот на старости лет бог им послал счастье в виде маленькой хорошенькой девочки – «дочурки, клюкувки, богиньки». Ведь я улетела навсегда. Со мной все так непросто. А это существо маленькое, беззащитное. На него папиных физических и душевных сил было предостаточно. А маме было всего сорок два года. И дом, и работа, и маленький ребенок – все держалось теперь на ней. А папе важно было, чтобы у «унученьки, як у дочурки до войны, была нянька». Как же он гонял этих нянек! Он отпрашивался у мамы с работы пораньше, чтобы, застав няньку врасплох, без мамы успеть с ней расправиться. И горе той няньке, у которой девочка ступит босой на холодный пол в нашей сырой полуподвальной квартире.

Да так присматривает за внучкой, что даже Елена Александровна была вынуждена писать дочери: «Пиши чаще, а лучше бы ты выбралась к нам хоть на пару дней. Папа был бы так счастлив. Все бы собрались «у кучку», помнишь, как в детстве, когда ты была маленькая? Теперь папа тому же учит и дрессирует Машу».

Несмотря на море любви, в котором ее буквально купает дедушка, маленькая Маша больше тянется к бабушке (Лёле), – так будет не только в детстве, но и дальше, по жизни… Эта особая тяга дочери Людмилы Гурченко к ее матери даст ей самой пищу для размышлений о роли генов и наследственности. Ее дочь действительно будет очень похожа на Елену Александровну и всю эту «симановщину», как называл родню со стороны своей жены Марк Гаврилович.

В театральной гримерке. Людмила Гурченко с дочерью Машей. «Когда-то я читала, что сам Карл Маркс сказал о том, что от своих детей ничего не надо ждать. Всё, чего вы ждёте от детей, они берегут и отдадут своим детям». (Людмила Гурченко)

Тем не менее сама Люся, обожавшая своего отца, чувствующая себя кровь от крови его, плоть от плоти, сродненной душевно и духовно – не уставала повторять, что большую часть любви ее дочери дал все же (как некогда ей самой!) ее отец. И сетовала, что из-за этого «моря-океана» не складывается взрослая жизнь…

– Мой ребенок счастлив. Он купается в море любви. Так же в этом море купалась и я. Море любви – из него я вынырнула и отправилась в одинокое неизвестное плавание. Море любви – вот чего я искала. Вот чего я ждала от всех вокруг… Как часто я ощущала мучительную пустоту в душе, тоску, сама не знаю о чем. Как часто я чувствовала, что искала чего-то эфемерного, ускользающего, но необыкновенно прекрасного – самого-самого: когда летишь и хочется крикнуть на весь мир: «Я нашла, слышите? Я нашла! Я купаюсь в море любви!» Но нет, это оставалось недостижимым. В моей семье умели любить. Уметь любить, как понимаешь со временем, это редкий талант. Еще более редкий, чем талант в искусстве. Моей дочери будет так же тяжело, как и мне. Мы с ней в детстве получили большую дозу этого «моря». Только она еще больше, ведь моей маме было

восемнадцать. А теперь ее бабушке – сорок два. В сорок два года к маме пришло то, чего она не понимала в молодости. И все равно, с папиным «океаном» не могло сравниться самое бескрайнее море. Ну какие же мы разные с моей дочерью! Я всю жизнь призываю: «Папочка, папусик, любимый, любименький». Мой ребенок призывал в трудные минуты Лелю: «Леля, Леличка, любимая, дорогая моя». Как будто не слышала от дедушки слов «любименькая, Дорогенькая». Вот как интересно. В полтора года ребенок инстинктом верно почувствовал, что все жизненно важное идет от Лели. Она в семье подпольный главнокомандующий. Они с мамой одной группы крови. А мы, конечно, с моим папой.

Расставшись с Борисом Андроникашвили, Людмила Марковна вычеркнула его не только из своей, но и из жизни дочери. Тема отца и его родственников в ее семье была отныне закрыта навсегда. Она больше никогда не упоминала его имени, а если приходилось говорить о нем, то произносила кратко: «отец Маши». Что это: завышенная самооценка, болезненная гордость, гипертрофированная обидчивость? – рассуждать можно по-разному, приводя те или иные доводы и аргументы… Возможно, именно так и должны реагировать настоящие женщины на предательство и измену… Но в этом отречении кроется своя подлость: лишение ребенка общения с отцом.

– После развода нам с дочерью досталась тринадцатиметровая комната в общей квартире на первом этаже высокого московского дома на большом проспекте. Был 1962 год. Ей уже было три года. И настала пора забрать ее у родителей. Как им это ни было тяжело они понимали, что ребенок должен жить вместе с матерью. Этот ответственный момент – «передача девычки з рук на руки» – был уже не импровизацией, а продуманным, выверенным спектаклем. Моя мама привезла дочь, якобы в гости к ее маме. Три дня мы ходили по зоопарку. Побывали в кукольном театре. И любимое мороженое покупалось в неограниченном количестве.

Несмотря на все хитрости, заслужить доверие ребенка удалось не сразу. Малышка даже пыталась бежать из квартиры, собрав свои нехитрые детские пожитки и игрушки в наволочку! Она пробежала несколько кварталов, пока не устала, и не усомнилась в тщетности своих усилий. И прожив еще несколько дней под одной крышей с матерью, наконец-то произнесла осознанное: «Мама»…

А как иначе, а куда деваться? Ведь это Москва, а здесь, «в Москве моя жизнь. В Москве мое поле битвы…», как считает Люся. И она будет бороться здесь и за роли, и за дочь – долгие

годы, причем всегда с переменным успехом.

Тяжелый 1962 год прошел так, как описала Е. Мишаненкова:

«Но в Москву она вернулась в пустоту. Брак распался, на киностудиях о ней уже забыли, и даже в Театре киноактера, где простаивающие между съемками артисты получали какую-никакую зарплату, ее уже сняли с довольствия, потому что ее последний фильм был слишком давно. Правда, новый директор вошел в ее бедственное положение и вновь назначил ей зарплату, как только она мелькнула в крошечном эпизодике какого-то японского фильма, который даже не значится в ее фильмографии. По ее собственным словам, у нее там была лишь одна фраза: «Да-да, Тасико-сан, я его позову».

В ожидании ролей в кино она стала работать в Театре киноактера вместе с остальными временными неудачниками их профессии. В то время у театра не было сцены, спектакли не ставились, так что работа там была бы фикцией, если бы не сами актеры. Да, спектакли не ставились, но они все равно их репетировали. Во-первых, чтобы не потерять квалификацию, а во-вторых – ну они же не зря выбрали эту сложную профессию, где лишь один из сотни добивается хоть какого-то успеха, а остальные так всю жизнь и прозябают в эпизодах. Артисты не могут не играть. Их творчество – это их жизнь».

Летом 1963 года наконец раздался звонок с Рижской киностудии. Срочно требовалась актриса в фильм «Укротители велосипедов». Как сказали ей по телефону, в «веселую, спортивно-конструктивную комедию». Гурченко предстояло играть с Олегом Борисовым, которому она импонировала со времен съемок «Балтийского неба». Но, к сожалению, фильм оказался слабым, и ничего не добавил ее карьере.

Она по-прежнему верила, что ее время придет, надо только оставаться верной профессии и пытать счастья, стучась в разные двери. На сей раз Людмила Марковна принимает решение устроиться в «Современник» – самый популярный театр Москвы. Театральная сцена – не ее амплуа, она видит себя только на экране большого кино. Но получив место в театре, она вдруг осознает, что здесь кипит может быть более реальная актерская жизнь, чем на съемочной площадке.

«Меня запомнили по “Карнавальной ночи” – жизнерадостной, весёлой. Я пришла на экран счастливой и оптимистичной! Мне казалось: ничто меня не сможет сломать, я обязательно прорвусь! И депрессия никогда меня не коснётся. Но этого человека из моих ранних фильмов больше нет». (Людмила Гурченко)

В «Современнике» Л. Гурченко проработала до 1966 года. Вспоминая свой опыт пребывания в стенах этого «светоча культуры», наша героиня разочарованно итожила:

– Нет, не нужна я этому театру. Что-то во мне их раздражает.

Я не прижилась, хотя ни разу не слышала в свой адрес – бесталанна… В театре я прошла прекрасную школу жизни. Научилась терпеть и не чувствовать себя обиженной. В театре я поняла, что я далеко не чудо. А главное, утроила желание трудиться, трудиться до изнеможения. После такой школы жизни уже никогда не потеряешь реального представления о себе. И уж точно никогда не заболеешь «звездизмом». И больше тебе ничего не страшно…

Стоит добавить, что впоследствии наша героиня также выступала в Театре Антона Чехова, Московском академическом театре Сатиры и на некоторых других сценах, была постоянной участницей выступлений эстрадно-театрального объединения Госконцерт.

Биографические справочники сообщают нам следующие сведения о творческом пути актрисы.

В 1960-х и начале 1970-х годов Гурченко была малозаметна, даже продолжая регулярно сниматься. Так продолжалось до выхода в 1974 году фильма «Старые стены», в котором актриса сыграла главную роль – директора ткацкой фабрики. Людмила Гурченко постепенно стала одной из ведущих актрис советского кино. Но её продолжали приглашать сниматься преимущественно в музыкальных комедиях и фильмах-опереттах. Музыкальные фильмы с участием Гурченко выходили один за другим. Людмила Марковна с успехом играла и пела в «Табачном капитане» (1972), «Соломенной шляпке» (1974), «Небесных ласточках» (1976) и «Маме» (1976).

Ее дочери Маше было 13 лет, когда отец захотел свозить ее в Тбилиси – на открытие музея деда, писателя Бориса Пильняка. Но Гурченко сказала твердо: «нет», закрыв и внезапно возникший вопрос о поездке, и спонтанный вопрос общения подростка с родным отцом.

«Дочь кинозвезды – это тоже роль, которую надо талантливо исполнить. Но Маша не хотела становиться второй Гурченко. Она мечтала быть просто любимой дочкой. А ей уже с шести лет самой приходилось ходить за продуктами и оставаться дома одной дотемна. Постепенно в доме начали появляться мужчины»[27].

– Я родилась, когда мама уже была знаменитой, – сказала как-то журналистам дочь Гурченко Мария (в замужестве Королева). Она всегда была совершенно не похожа на свою мать. В детстве – «абсолютно инородное существо: черноглазое, с нежно-розовым лицом инфанты восемнадцатого века», как описала ее знаменитая мать. В юности – ничем не

примечательной, обычной, «такой, как все». Во взрослой жизни, когда пресса проявила интерес к ее особе – женщиной, выглядящей «гораздо старше своих лет – неухоженная внешность, одутловатое лицо»[28]. Мария признавала, что никогда не хотела быть актрисой.

Да, если Людмила Марковна не скрывала от широкой общественности тот факт, что у нее есть дочь, то точно никогда его не афишировала. Когда о дочери стало известно, в прессе появилось множество слухов о натянутых отношениях в семье, ссорах, конфликтах, обидах и судебных тяжбах. Но, как подметил кто-то из журналистов, скорей всего, мать и дочь практически не общались, ибо жили они в параллельных мирах…

– Для меня главное моя семья – муж, дочь, внучка, собаки, – признавала свои простые приоритеты Мария, противопоставляя тем самым себя своей звездной матери.

– То, что я обижена на мать – не точно сказано, так журналисты истолковали. Накрутили, написали лишнего. Наши отношения с мамой – это только мое. И мама не хотела разговаривать о наших взаимоотношениях с журналистами, – призналась Мария, когда ее матери уже не стало.

О личных качествах Людмилы Гурченко судить не нам… Возможно, она была никчемной, бездарной матерью, но актрисой была великой, беззаветно преданной своей профессии. О чем свидетельствует хотя бы такая история. Однажды во время съемок детского мюзикла «Мама», известный клоун Олег Попов, игравший в фильме Медведя, решил подшутить над партнершей по съемочной площадке и подхватил миниатюрную Гурченко на руки. Он стал кружить партнершу, но споткнулся и упал, придавив ее своим грузным телом. Как результат – нога актрисы была раздроблена. Так съёмки «Мамы» принесли актрисе не только творческую удачу, но и новые испытания: во-первых, ей пришлось отказаться от лестного приглашения Никиты Михалкова сыграть роль генеральши в фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино», а во-вторых, случилась мучительная трагедия с переломом правой ноги. Это событие произошло 14 июня 1976 года, во время съёмок на льду. Закрытый перелом со смещением грозил инвалидностью; ногу актрисе в прямом смысле собирали по кусочкам из 19 осколков. Не отлежав положенный реабилитационный срок, практически сразу после сложнейшей операции Людмила Гурченко продолжила сниматься. Однако танцевать и ходить на шпильках актрисе пришлось учиться заново; и только благодаря многолетним тренировкам и специальным физическим упражнениям она обрела прежние умения.

Людмила Гурченко и Михаил Боярский в мюзикле «Мама». 1976 год.

Коллега Людмилы Марковны по фильму Михаил Боярский вспоминал:

– Остановить съемки мы уже не могли. Тогда Люся решила продолжить работать, ее привезли на съемочную площадку в кресле, поставили на ноги и окружили детьми, чтобы закрыть огромный гипс.

Глава 19. Игорь Кваша. Мастер эпизода из театра «Современник»

Благодаря мемуарам Михаила Козакова, работавшего в «Современнике» в те годы, когда там была и Людмила Гурченко, мы узнали, что в личной жизни этой блистательной актрисы присутствовал популярный актер Игорь Кваша. Он внезапно увлекся красавицей, выхлопотав у руководства для нее роль Роксаны в пьесе Ростана «Сирано де Бержерак», где играл и сам. Вскоре по театру поползли слухи, что у этой пары бурный роман, и что Кваша собирается развестись с женой и жениться на новой избраннице. И вроде бы даже во время гастролей театра в Саратове Кваша даже объявил друзьям, что действительно собирается жениться на Гурченко. Что же касается роли Роксаны, то даже Гурченко признавала ее неудачной. Журнал «Театр» писал о постановке: «Про ту Роксану, которую сыграла Гурченко, можно сказать, что она своенравна, энергична, расчетлива. Но про нее никак не скажешь, что она поэтична. Не скажешь, что она гордая и нежная, причудница, любящая, но готовая оттолкнуть любимого, если он окажется обыкновенным человеком. И – полюбить другого за то, что он большой поэт».

Дополняя сведения о человеке, поддерживавшем актрису в трудный период ее жизни, – о Кваше, которого большинство зрителей помнят как ведущего трогательной программы «Жди меня», заглянем в биографические справочники.

Игорь Владимирович Кваша (1933-2012) – советский и российский актёр и режиссёр театра и кино, телеведущий. Народный артист РСФСР (1978). Родился в еврейской семье; отец – доктор химических наук, заведующий кафедрой МХТИ имени Д.И. Менделеева В.И. Кваша погиб в 1942-м (попал в плен и был расстрелян немцами), мать – Д.З. Кваша – сурдопедагог и дефектолог. Годы войны вместе с матерью провел в эвакуации, затем они вновь вернулись в Москву. «Все мысли Кваши занимал театр, точные науки его не воодушевляли. В Доме пионеров был очень дружный коллектив, и мальчик после уроков сразу мчался туда»[29].

В 1955 году окончил Школу-студию МХАТ. С 1955 по 1957 год – актёр МХАТ им. М. Горького. С 1957 года – актёр московского театра «Современник». Стал широко известен по роли бургомистра в к/ф «Тот самый Мюнхгаузен» (1979). В начале 1990-х годов приглашался в жюри Высшей лиги КВН. С 1998 по 2012 годы Игорь Кваша вёл телепередачу «Жди меня» на

Первом канале.

Первая жена – актриса Светлана Николаевна Мизери.

Вторая жена (с 1956 года) – Татьяна Семёновна Путиевская (род. 1935), врач-рентгенолог и учёный, кандидат медицинских наук (1974), сестра режиссёра Петра Штейна, дочь художника кино и театра Семёна Манделя и падчерица писателя Александра Штейна.

Напомним, что Людмила Гурченко служила в «Современнике» в 1963-1965 годах. И, следовательно, ее ухажер (если на деле существовал реальный роман) был женат вторым браком и растил детей.

В 1960-е годы И. Квашу часто приглашали сниматься, но главными для него оставались интересы «Современника». Игорь Владимирович долго не любил кино, не знал, как совместить его с театром. Но со временем съемки увлекли актера. В итоге он снялся приблизительно в 80 фильмах, в большинстве из них оставаясь «мастером эпизода»; вот фильмы, где проявлялись таланты Игоря Владимировича: «Достояние республики», «Человек с бульвара Капуцинов», «Похождения зубного врача», «Степь», «Тот самый Мюнхгаузен»…

А. Хорохонова, представляя актера на сайте Глобального еврейского онлайн-центра, сообщает любопытные данные:

«Еще в молодости Игорь Кваша начал интересоваться личностью Сталина. Он собирал о вожде материалы, анекдоты, много общался с людьми, знакомыми с ним лично: «Правду о Сталине я узнавал от окружения, из самиздата, из литературы, которую привозили из-за границы… Не знаю, почему у меня возник такой интерес к нему, но я всю жизнь собирал рассказы очевидцев. Как только я узнавал, что человек встречался со Сталиным, я старался из него что-нибудь вытянуть… Это были очень разные люди. От адмирала Головко до Константина Симонова, который, единственный, ничего не рассказал». Кваша знаком с племянником Сталина Сашей Аллилуевым и Светланой Сталиной. Актер представлял перед публикой несколько образов Сталина: в спектаклях театра «Современник» «Полет черной ласточки, или Эпизоды истории под углом 40 градусов» и «Шинель Сталина», в экранизации романа Солженицына «В круге первом» и в 4-серийном телефильме «Под знаком Скорпиона». Однако сам актер говорит, что играет одного человека, только на разном историческом материале, который представлен в разных произведениях: «Мне кажется, может быть, ошибочно, что я его хорошо знаю. Я все время разгадываю его ходы, а это очень интересно. Разве не интересно понять психологию Гитлера? Но это не значит, что мы его оправдываем. Я ведь не сразу Сталина

заклеймил для себя однозначно. Я пытался разобраться. Но, разобравшись, понял, что ничего тут нет. В нем все от дьявола. Есть люди от Бога, а есть от дьявола»»[30].

Игорь Кваша на репетиции спектакля «Полет черной ласточки».

Можно еще добавить, что актер в 2007 году издал книгу под названием «Точка возврата», в которой размещены его воспоминания о детстве и юности, о спектаклях и репетициях, о

колоритном театральном быте, а также фотографии и документы из семейного архива. В книге Игорь Кваша интересно рассказывает о друзьях и коллегах: Андрее Миронове, Евгении Евстигнееве, Григории Горине, Борисе Биргере, Галине Волчек, Марине Нееловой, Валентине Гафте и других. И, естественно, передает детали того, как возник в 1956 году «Современник».

Как мы знаем, романтические отношения Игоря Кваши и Людмилы Гурченко в итоге ни к чему не привели – актер остался с женой, а Людмила Марковна вскоре вышла замуж за другого.

О нелегких годах пребывания в «Современнике» актриса рассказала известному журналисту, биографу многих советских звезд Глебу Скороходову. Эти материалы были опубликованы в журнале «7 Дней»[31].

«По словам друга Гурченко, единственным человеком, который тепло отнесся к ней в «Современнике», оказался Игорь Кваша. Какое-то время артистка терпела пренебрежительное отношение руководства театра и коллег, отсутствие ролей. Последней каплей стала обязательная поездка на съемки фильма «Строится мост» в Саратов. Практически у всех, кроме ведущих актеров, там были эпизодические роли.

«Два летних месяца ради небольшой роли в массовке! Люсю это добило. Вскоре она подала заявление об уходе», – отметил Скороходов.

В тот же день Людмила Марковна позвонила в Театр киноактера, из которого уходила в «Современник». Попросила ее принять обратно. Ответ был: «Нечего прыгать по театрам! Ушли – так и до свидания!».

«Люся прорыдала до вечера, а потом достала снотворное, без которого в последнее время спать не могла. Выпила одну таблетку, потом промелькнула мысль: «А если всю пачку!». Потом сама же своих мыслей испугалась и поняла, что ей сейчас срочно нужна помощь», – вспомнил друг актрисы.

Гурченко позвонила Марку Бернесу, который и отговорил ее от опрометчивого шага. Он же похлопотал за актрису, так что на утро ей позвонили из Театра киноактера и пригласили оформляться на работу».

А вскоре наша героиня встретила мужчину, который стал ее официальным супругом. Так – в который уж раз – изменилась ее жизнь: новый коллектив и новый муж стали поводом для дальнейшего творческого рывка.

Ну а то, что сама Гурченко не афишировала свой роман ни с И.В. Квашой, ни с многими (как поговаривают) другими видными мужчинами, то ответ мы можем найти в словах актрисы, сказанных ей фотографу Екатерине Рождественской:

– Зачем ты обнародовала свой возраст? Какого хрена? Ты что, не женщина? Женщина должна быть загадкой! А какая в тебе загадка? Ты вывалила все сразу – и что? Один и тот же муж, трое детей и непридуманный год рождения – и что в тебе осталось интересного? Не говори никогда всей правды, оставляй хоть чуть-чуть при себе и оберегай это оставшееся. А то ничего за кадром! Слишком просто! Публичный человек живет двумя жизнями! Обязательно! То, что напоказ, и то, что за кадром.

Да, это ее слова, ее определение: «за кадром». Понятно, что у самой актрисы «за кадром» было много всего личного, тайного. Как раз «за кадром», куда она никого не допускала, и происходило ее настоящее женское бытие. А все остальное – так, мизансцены кино под названием ЖИЗНЬ.

Глава 20. Александр Фадеев. Роковой выстрел на почве ревности

Подруга по студенческому житью-бытью, народная артистка РСФСР Татьяна Бестаева признавала «дар влюбчивости», характерный Люсе:

– Стоило мне услышать от Люси о ком-то: «О, это такой талант!» – как я понимала: она опять влюбилась. И опять идеализирует своего возлюбленного. Вот потому-то, наверное, у нее и было так много мужей. А я ей говорила всякий раз: «Люся, ну какая ты быстрая! Нужно же время, чтобы проверить человека. А у тебя слово «навсегда» звучит порой уже на третий день знакомства… Влюбленность Люся принимала за что-то долговечное, серьезное… Но главная странность: вроде бы в мужчине она всегда искала талант, но замечала почему-то в первую очередь красоту! Помню, сидим с ней в ресторане, заходит актер Театра имени Моссовета – Гена Бортников. И Люся меня за локоть тронула: «О, это мой размер! Познакомь!» А ведь она еще ничего о нем не знает, но – красивый, и она уже готова влюбиться…

Расставшись с Квашой, Людмила Марковна уже очарована новым героем-любовником. Избранником матери-одиночки стал приемный сын знаменитого советского писателя А. Фадеева и актрисы А. Степановой. Молодой повеса Александр Фадеев тоже был актером, он окончил Школу-студию при МХАТе, однако с ролями и актерской карьерой ему не везло. И не удивительно. Из Театра Советской армии его изгнали после того, как он… отказался задержаться на несколько минут для репетиции. Подобное наплевательское отношение и завышенное самомнение были его характерными чертами.

Чета Фадеевых. Ангелина Степанова и писатель Александр Фадеев с приёмными сыновьями – Михаилом и Александром.

Вот как характеризовал этого человека близко знавший его Александр Нилин: «Фадеев ни в малой степени не интересовался ни литературой, ни искусством. Достоинства, несомненно ему присущие, лежали совершенно в иной области. Однако самое удивительное, что проявил он себя в полном блеске именно в кругу артистов и прочих деятелей художественного мира».

Известный биограф отечественных звезд Федор Раззаков сообщает:

«Ареной ничего не стоящего ему самоутверждения оказался ресторан ВТО, и в 60-е годы, когда автора «Молодой гвардии» уже не было на свете, фамилия Фадеев практически ежедневно звучала, не перекрываемая громкостью других фамилий, находившихся в то время у всех на слуху…

Пока другие дети знаменитостей доказывали, он – заказывал. И не одной выпивкой и закуской ограничивался его заказ – он заказывал как бы музыку жизни, взвихренной вокруг занимаемого им ресторанного столика… Я обожал вместе с ним бывать в ВТО… Для официанток он безоговорочно был клиентом номер один. Ни один человек в мире искусства не умел с такой широтой тратить деньги в ресторане, как Шура. Это вполне искупало его

абсолютную неспособность их зарабатывать. Годам к тридцати он остался вовсе без средств к существованию. И больше в ВТО не ходил: на халяву он не пил никогда…»

О популярности ВТО могут рассказать многие творческие особы. Вот, к примеру, воспоминания подруги Гурченко, актрисы Татьяны Бестаевой:

– У Люси с детства, еще когда в харьковских кинотеатрах крутили трофейные фильмы, была кумиром Марлен Дитрих. Гурченко отрепетировала перед зеркалом такой же взгляд, поворот головы… Все эти перья, кружева, это люсино «ха!» – родом оттуда! Я и сама была модница и многому у Люси училась. Она прекрасно шила и умело маскировала отечественные наряды под заграничные. Как никто умела, выражаясь языком Ильфа и Петрова, красить мексиканского тушкана! Бывало, Люся покупала в магазине два одинаковых платья – и переделывала их в одно, роскошное. Была в ней какая-то тяга к роскоши – эти наряды, шубы (тоже, правда, сшитые самостоятельно – из какой-то рухляди, купленной в комиссионке), рестораны… Чаще всего мы ходили в ресторан ВТО. Там собиралась театральная, интеллигентная публика, там обсуждались все новости, зарождались романы…

Вот в таком месте и влюбилась Гурченко (любопытно, что и своего последующего за Фадеевым мужа она также встретит в этом ресторане!). Но ее брак с Фадеевым-младшим продлился недолго. Мужчина оказался мотом, кутилой и к тому же патологическим ревнивцем. Их семейная жизнь могла окончилась трагедией, когда Фадеев в пьяном угаре выстрелил в Гурченко из охотничьего ружья. Это была точка во всех смыслах, и в первую очередь, в их совместной жизни.

Подруга Людмилы Гурченко актриса Инна Выходцева (в одном из интервью она как-то призналась, что Люся пыталась увести у нее мужа Льва Полякова) рассказывала о сцене ссоры с Фадеевым следующее:

– Саша Люсю страшно ревновал. Стоило Гурченко на кого-то ласково посмотреть – как муж принимался метать в нее стулья. А однажды он в нее даже выстрелил! Хорошо, что Саша был слишком пьян и промахнулся, не задев Люсю. Помню, как она показывала мне дырку в стене: «Смотри, что творит, сволочь!»

Однако журналисты придумывают новые версии этой злополучной истории развода. К примеру, журналист желтой газеты Артем Стоцкий всерьез уверял читателей, что Александр Фадеев развелся с Людмилой Гурченко после того, как… не узнал жену без макияжа. И при этом автор ссылается на весьма известных особ, якобы рассказавших ему эту «забавную» историю.

«Для начала расскажу вам одну поучительную историю. Я сам услышал ее в глубокой юности, на даче Надежды Васильевны Сталиной, внучки сами понимаете кого.

Она не то чтобы дружила, но как-то очень тепло общалась с моей бабушкой, особенно после того, как в середине 90-х умер ее муж, актер Александр Фадеев-младший. Иногда и меня приглашали на эти старушечьи посиделки в скрипучий домик в Жуковке.

Надежда Васильевна очень переживала смерть супруга и постоянно вспоминала разные связанные с ним истории. До нее Александр Александрович был женат на Людмиле Гурченко. Тогда, да и сейчас говорят, что брак двух актеров распался из-за пьянства Фадеева. Мол, завсегдатай ресторана ВТО, он достал ее своими загулами, а один раз так напился, что выстрелил в красавицу Людмилу из охотничьего ружья. Надежда Васильевна со смехом уверяла, что точку в том краткосрочном браке поставил вовсе не выстрел, а совсем другое.

Однажды Александр Александрович вернулся домой действительно навеселе. Нажав кнопку звонка, он увидел, что дверь ему открыла совершенно незнакомая женщина.

– Простите, не туда попал, – подумав, что ошибся этажом, актер извинился и повернулся назад к лифту.

– Саша, ты что?! – ураганом пронесся по подъезду голос Людмилы Марковны.

– Люська?! Это ты?!

Удивлению Фадеева не было предела. Он, надо полагать, впервые увидел свою жену ненакрашенной.

Заканчивая рассказ, Надежда Васильевна назвала Гурченко настоящей женщиной и героиней, которая лучше умрет, чем выйдет из дома без макияжа и прически, на которые ежедневно тратит по полтора часа.

«Это со стороны я смотрюсь эдакой весёлой, вечной счастливицей и всегда в хорошем настроении. Я понимаю, что люди именно этого от меня и ждут. Но я не помню даже трёх недель в своей жизни, когда могла расслабиться». (Людмила Гурченко)

Так вот к чему я веду. Женщина без макияжа – это конфетка без фантика. У нее меньше шансов. Потому что сначала конкурируют обертки, а уже потом начинки»[32].

Глупая сказка о том, что естественная красота мужчинам не нужна; придумана скорее всего женой этого самого А. Фадеева в отмщение его отношениям с другой – знаменитой, более красивой, более успешной… обычная женская месть. И

совершенно глупый вывод делает сам журналист, навязывающий фальшивое мнение об «обертках», которые важнее «начинки». Такое может быть приоритетом только у недалеких, пустых и эгоистичных мужчин.

Опровергая эти домыслы, последний супруг великой Гурченко С. Сенин признавал непреложное – вот слова, которые может сказать только человек, познавший настоящую Любовь к *своей* женщине:

– …по утрам я любил ее еще больше. У Люси было удивительное актерское лицо, в том смысле, что на нем, по ее же словам, можно было «писать» что угодно. Но я любил ее без грима, утром. Я же не дурак, поэтому все понимал про возраст, но никогда об этом не думал. Потому что видел на этом лице только все детское, в лучшем смысле этого слова. Когда она такая свежая, уютная, такая своя, ну, та, которую никто, кроме меня, не знает… Халатик простенький, тапочки… И спали мы всегда, до последнего дня, только вместе. Ну не могли мы спать в разных комнатах, это просто исключалось.

Краткая биография этого посредственного актера, якобы не узнавшего свою супругу без макияжа, такова.

Александр Александрович Фадеев (1936-1993) – советский актёр, приёмный сын писателя А.А. Фадеева и его полный тёзка. Родился 25 июля 1936 года, мать – актриса Ангелина Степанова. Родился незадолго до свадьбы матери с писателем А.А. Фадеевым, который усыновил его и дал свою фамилию. Работал первоначально в Театре Советской Армии, затем во МХАТе (1983-1987) и МХАТе им. Горького (1987-1989). Также снимался в кино, чаще в эпизодах.

Был женат на народной артистке СССР Людмиле Гурченко, вторым браком – на артистке Большого театра Натэлле Канделаки, третьим – на Надежде Сталиной, дочери Василия Иосифовича Сталина и Галины Александровны Бурдонской. Дочка актера и его жены Надежды – Анастасия Александровна Сталина родилась в 1974 году (по другим данным – в 1977 году). Умер А.А. Фадеев в 1993 году, похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище вместе с последней женой.

И, прикасаясь к святая святых советской истории и советской культуры, стоит добавить о судьбе его знаменитого на весь громадный СССР отца.

Писатель Александр Фадеев, автор известных романов «Молодая гвардия», «Разгром», «Последний из Удэге», в сталинскую эпоху больше десятилетия вершивший судьбы советской литературы, возглавляя Союз писателей СССР,

покончил с собой

А. Фадеев, которого многие считали причастным к репрессиям в среде советских писателей, добровольно ушел из жизни 13 мая 1956 года, выстрелив в себя из револьвера на даче в Переделкино. Обнаружил тело отца его 11-летний сын Миша.

В некрологе официальной причиной самоубийства Александра Фадеева назвали алкоголизм. И только в 1990 году было опубликовано предсмертное письмо писателя, адресованное ЦК КПСС, где он писал: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии… Лучшие кадры литературы физически истреблены… Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из жизни. Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять».

«Писательский министр» Фадеев вел далеко не аскетическую жизнь, биографы рассказывают о его гулянках и пьянках, о его любовных историях и внебрачных детях. Также необузданно вел себя и его приемный сын. Так что, как говорят: *яблоко от яблони…* и значение здесь имеет, возможно, не только генетика, но и среда обитания и воспитание…

Дочь поэта-песенника Роберта Рождественского Екатерина, хорошо знакомая с актрисой, рассуждала:

– Поломала, видимо, ее жизнь. Ждала подвоха от всех и каждого. Встречалась, наверное, с таким не раз. Была очень подозрительной. Точнее – все время на стреме. Ловила нюансы в общении, изменения тональности в голосе, настроении, чтобы если что – первой разорвать связь, не ждать, когда предадут. Было, было в ее жизни что-то очень больное… Но и не терпела, когда ее жалели. Была выше этого, сильнее.

«Поломала» ее жизнь после развода с А. Фадеевым и в недолгом браке со звездой советской эстрады И. Кобзоном.

Впрочем, развод с писательским сынком оказался весьма полезным в материальном отношении – его мать Ангелина Иосифовна купила бывшей невестке двухкомнатную квартиру, в которую та сразу переехала.

Глава 21. Иосиф Кобзон. От любви до ненависти – один шаг?!

В 1966 году, вскоре после развода с Кругловой, судьба свела знаменитого на весь Советский Союз певца Иосифа Кобзона с популярной киноактрисой Людмилой Гурченко. Красавица с осиной талией покорила сердце влюбчивого исполнителя, да и он подходил под ее типаж мужчины: был «чернявым орлом» (а во всех «чернявых орлов Люда Гурченко, как мы помним, влюблялась с первого взгляда).

Иосиф Давыдович Кобзон – советский и российский эстрадный певец (баритон), музыкально-общественный деятель, педагог.

О горячей натуре Иосифа Давыдовича можно судить по его репликам из книг и интервью, в которых фигурирует симпатия, страсть и ревность. Судите сами.

– Я часто увлекался, еще со школы. Но это были чисто платонические увлечения. Мне очень нравилось ухаживать за девушками, мечтать, вздыхать, петь им серенады.

– Однажды драка вышла настолько серьезной, что я даже боялся возбуждения уголовного дела. Один товарищ на моем этаже очень серьезно пострадал. Я ему сломал челюсть. Этот балалаечник так довел меня и окружающих, что пришлось серьезно с ним разобраться. Потом я долго носил ему бульончики в Институт Склифосовского… В общем, немного подрожал, пока он не выписался из больницы и не забрал из милиции заявление… Второй раз я подрался на танцах. Приревновал свою девушку. Что сделаешь? Человек не сориентировался и пригласил на танец мою подругу, югославку. А она решила меня подзадорить. Стала с ним кокетничать, а потом пошла танцевать. Ну я… и прервал их танец.

– Однажды приезжаю домой после гастролей, а Вероники нет и нет, я даже стал волноваться. Вдруг смотрю: подъезжает к дому с одним композитором. И тут мне пришлось его больно побить.

– Нелли (третья жена И. Кобзона. – Авт.) тогда была в положении и к ней пристал то ли в автобусе, то ли в троллейбусе скрипач из ансамбля Карамышева. Вышел за ней на остановке, стал рассказывать про себя, навязываться со знакомством. Нелли попыталась ему объяснить: «Мой муж – Кобзон». А он ей в ответ: «Плевать я хотел на Кобзона». Ну, я проучил нахала…

Авторитетный биограф Федор Раззаков считает, что на момент знакомства с Кобзоном Людмила Гурченко переживала период забвенья, мол, на главные роли ее не приглашали, и она перебивалась одними лишь случайными эпизодами. И «только роман, а потом и брак с Кобзоном на какое-то время вернули Гурченко былую славу. Во всяком случае в народе долго «перетирали» перипетии их любовных отношений. Например, люди судачили, что 1 сентября Кобзон лично отводил дочку Людмилы Машу в 1-й класс. Говорили, что Кобзон помог приобрести квартиру для прежнего мужа Гурченко – Александра Фадеева, чтобы она не разменивала их общую, помог перевезти ее родителей из Харькова в Москву. Однако, прожив вместе три года, Кобзон и Гурченко все же расстались».

Между тем, сам Иосиф Давыдович в интервью изданию «Караван историй» говорит несколько иное:

– В 1967 году я совершенно случайно встретился с мадам Гурченко. Самым посещаемым местом тогда был ресторан ВТО. Вот там мы и познакомились. К тому моменту после «Карнавальной ночи» прошло уже более десяти лет, Гурченко успела поработать в «Современнике» и была безумно популярна. Так получилось, что мы с ней вместе посмотрели фильм «Шербурские зонтики», и я сразу же уехал в Питер. Наутро

созвонились, и у нас начался телефонный роман…

– Как раз в 67-м мама переехала ко мне в Москву, так что лично познакомилась с невесткой. Мы с Гурченко жили в квартире на Маяковке, которая ей досталась от предыдущего мужа, сына писателя Фадеева.

Хотя в другом месте, в книге того же Раззакова «Страсть», приведены слова И. Кобзона о невостребованности Гурченко, как актрисы, в период их знакомства.

«…в конце 60-х судьба свела ее с популярным певцом Иосифом Кобзоном. По словам певца: «Тот период был для Людмилы достаточно тяжелым. Она пребывала в жуткой депрессии – ее популярность сильно упала. Но тем не менее Гурченко оставалась Гурченко. Она пробовалась в один театр, в другой. Со съемок возвращалась с истерикой. И каждая из них почему-то заканчивалась словами: «Это невозможно! Не успеешь заявить о своем желании сняться или сыграть роль, как тебе сразу же лезут под юбку и тащат в ресторан!» Она очень болезненно реагировала на такие вещи, они ее унижали. Вот в такой момент я и подставил ей плечо…»»

Что же касается проживания по упомянутому адресу, то, как оказалось, неподалеку жила семья Марка Бернеса, ставшего другом Иосифу. Уроженец Черниговщины, он стал знаменит в советское время; многие наверняка помнят в его исполнении душевные песни «Спят курганы тёмные» из кинофильма «Большая жизнь» (муз. Никиты Богословского, сл. Бориса Ласкина), «Тёмная ночь» из кинофильма «Два бойца» (муз. Никиты Богословского, сл. В. Агатова), «Три года ты мне снилась» из кинофильма «Большая жизнь» (муз. Никиты Богословского, сл. Алексея Фатьянова), «Если бы парни всей земли» (муз. Василия Соловьёва-Седого, сл. Евгения Долматовского), «Шаланды, полные кефали» из кинофильма «Два бойца» (муз. Никиты Богословского, сл. В. Агатова), «Хотят ли русские войны» (муз. Эдуарда Колмановского, сл. Евгения Евтушенко), «С чего начинается Родина» из кинофильма «Щит и меч» (муз. Вениамина Баснера, сл. Михаила Матусовского) и другие, ставшие визитной карточкой эпохи.

– Когда я был женат на Гурченко, она дружила с Бернесом. Подружился и я. Жили мы на Маяковке, а Марк Наумович с женой Лилей на Колхозной площади. Там, где магазин «Обувь». Ходили в гости: мы к ним, они к нам. Занятный был человек Бернес. Очень занятный. Не зря его называли Марк сам себе Наумович. Был он человек оригинальный, амбициозный… А как шутил! И еще любил нецензурную лексику, которая в его исполнении превращалась в настоящее искусство.

Марк Наумович Бернес (1911-1969) – советский актёр кино и исполнитель песен. Народный артист РСФСР (1965). «Я не люблю сытых, благополучных песен. Если несчастный человек станет чуть счастливее, если вдруг услышит, что кто-то разделил его одиночество, – значит, с моей песней всё обстоит благополучно…» (Марк Бернес)

А еще в гости к Кобзону и Гурченко часто приходил бард и актер Владимир Высоцкий.

– Много встречались. Особенно часто встречались, когда я

был женат на Гурченко. Он неоднократно приходил к нам, и мы с ним, как почти все в те времена, любили сидеть у нас на кухне. Однажды пришел он очень расстроенный. Вышел фильм «Служили два товарища». В фильме должны были быть две его песни, песни вырезали. Володя пришел с гитарой. И стал на кухне петь нам эти песни… Дело было на Маяковке, на квартире Гурченко. Точнее, это была наша квартира, хотя оформлена была она на нее. Потому что когда мы встретились и начали жить с Гурченко, Ангелина Степанова, мать Шуры Фадеева, предыдущего мужа Гурченко, сказала: «Купите квартиру моему сыну. Не будет же он жить на улице». И я купил Шуре квартиру, хотя у меня тогда уже была и своя квартира на проспекте Мира…

Сойдясь, молодые стали жить в двухкомнатной квартире Гурченко, а свою жилплощадь на проспекте Мира Иосиф отдал приехавшим с Украины родственникам. В течение трех лет звездная чета состояла в гражданском браке, после чего решила узаконить свои отношения. Считается, что это решение было принято в январе 1969 года, во время их гастролей в Куйбышеве. Будто бы тогда в гостинице «Волга» (по другим сведениям – «Центральная») произошел инцидент, который раздосадовал певца: их не поселили в один номер, после чего Иосиф принял решение зарегистрировать брак.

Тайны своих взаимоотношений с Людмилой Гурченко Иосиф Давыдович приоткрыл во время общения с журналистом Николаем Добрюхой.

«Хотя ничего хорошего не принес мне первый брак, в 1967 году я решился на второй актерский брак и женился на… Людмиле Марковне Гурченко. И опять приключилась та же история. Только, конечно, Людмила Марковна намного серьезней женщина. Во всех смыслах. Женщина с характером Она, естественно, требовала ответственности перед семьей, перед домом. И остро реагировала на какие-то, так сказать, деликатные вещи, которые возникали по жизни…

Короче говоря, не сложилось… Не сложилось. Но, к сожалению… к огромному, не сложилось до такой степени, что по сей день мы никогда еще, так сказать, не поздоровались друг с другом, хотя и прожили три года с 67-го по 70-й… Может быть, если бы у нас появился общий ребенок, это изменило бы наши взаимоотношения, но… у нее была очаровательная дочь Мария, с которой у меня сразу сложились добрые отношения…»

– Люсю я всегда вспоминаю с большой благодарностью, потому что считаю, что за короткий период нашей совместной жизни я получил от нее много хорошего. Гурченко – человек

талантливый и, как женщина, извините за подробности, не похожа ни на кого. Она индивидуальна во всем… Но невозможно было нам вместе находиться, потому что, кроме влечения, кроме любви, существует жизнь.

Беседуя с журналисткой Ириной Зайчик, Иосиф Давыдович тоже коснулся темы взаимоотношений с советской звездой, ставшей его супругой[33].

«– Она очень талантливый человек, безумно! Все, к чему ни прикасается, ей подвластно. Но… она абсолютно некоммуникабельный человек, бескомпромиссный…

– У двух таких темпераментных и ярких личностей, наверное, кипели нешуточные страсти?

– Как-то Людмила Марковна мне сказала: «Ничего, я дождусь, когда ты станешь старый, немощный и всеми забытый. Вот тогда я тебе и понадоблюсь. И ты будешь мой!» Я ответил: «Не дождешься!»»

У Людмилы Марковны в этом вопросе, как говорят, своя правда…

«Как ни странно, но штамп в паспорте так и не спас семью от развода: прошло чуть меньше года – и супруги разлетелись в разные стороны. Почему? Сама Гурченко говорит на этот счет более чем откровенно: «Если спускаешься к машине, которую тебе подарил муж, и видишь там уличную проститутку, – разве может идти речь о ревности? Это просто грязь. В браке с Кобзоном ничего хорошего не было. Он умел сделать мне больно. Начинал подтрунивать: «Что это все снимаются, а тебя никто не зовет?» После этого брака я осталась в полном недоумении, и мне открылись такие человеческие пропасти, с которыми я до того не сталкивалась, и больше никому не позволю это с собой проделать!..»»

О любовных интрижках Иосифа на стороне ходило тогда много слухов; к примеру, впоследствии мэтр советской эстрады, беседуя с журналистом Н. Добрюхой, признался, как однажды слегка подвыпившая дочь генсека Галина Брежнева пыталась соблазнить его, но молодой Кобзон, живший тогда с Людмилой Гурченко, выдержал осаду.

Ф. Раззаков подметил такую странную деталь: если Людмила Гурченко вспоминала о трех годах совместной жизни с Кобзоном с плохо скрываемым раздражением, то певец, напротив, с явным удовольствием.

«Вот его слова: «Мне нравилось, что я обладал такой красивой, известной актрисой, как Гурченко. Я получал удовлетворение от того, что, вернувшись с гастролей и заработав там денег, мы ходили по ресторанам, праздно вели себя… Я

привозил ей подарки, цветы. Все это выглядело так красиво…

«…Если мой любимый человек мне изменяет, значит считает меня ничтожеством. А если я ничтожество, значит, и он тоже ничтожество, потому что меня выбрал!.. В таких случаях я просто уходила… Навсегда…» (Людмила Гурченко)

Мы ведь были, особенно в первое время, потрясающими любовниками! И секс у нас начинался везде, где мы только находили друг друга: в поле, в степи, коридоре, где угодно. Мы были очень увлечены друг другом…

Людмила Марковна – замечательная хозяйка и очень чистоплотная женщина. По дому умеет делать абсолютно все. По крайней мере, случая, чтобы на кухне стояла грязная посуда или в спальне была не прибрана постель, я не припомню…»

И снова мы можем подловить мэтра на противоречивых признаниях!

– Мама, естественно, всегда защищала интересы своего сына.

Ей не нравилось, как ее сынулю кормят. У Люси было одно дежурное блюдо – спуститься вниз в кулинарию, купить купаты и быстро их пожарить.

К слову о еде. Иосиф Давыдович признавался:

– Что касается еды, то завтрак, обед и ужин у меня все сразу. Завтракаю очень плотно и обязательно с первым горячим блюдом. Это может быть борщ или суп, или еще что-то такое. И на целый день. И так сутки за сутками.

И все же в их отношениях точно кипела нешуточная страсть, подпитываемая именно любовью. Может это как раз тот случай, когда говорят: *от любви до ненависти – один шаг?!*

Даже расставшись с актрисой, певец пытался все еще что-то доказать: ей, себе, окружающим. В 1970-м, расставшись с Людмилой Марковной, Кобзон покупает (по его словам ради пижонства) старый американский «бьюик».

– Мне хотелось показать ей свою независимость. И я купил автомобиль, который ломался через каждые сто метров. Зато внешне был красивый. Длинная такая коробка. Вот на ней я и разъезжал… А вообще не люблю я автомобили и не люблю сидеть за рулем. Просто была тогда такая необходимость… После Людмилы был какой-то тяжелый год… Не то… что поисков и раздумий, но какая-то депрессия была. Да. Тяжело мы с ней расставались…

Можно сказать, что Людмила Марковна легко и непринужденно выходила замуж. Но среди всех ее избранников самым ярким был, конечно же, Иосиф Кобзон. Вот как он охарактеризовал их сосуществование:

– И все же наш брак был для меня не тылом, а скорее фронтом. Мы сами обостряли наши отношения. Ее увлечения, на которые я не мог не реагировать, мои увлечения… Этот взаимный накал страстей неизбежно должен был привести к разрыву. Не менее бурному, чем вся наша совместная жизнь.

Накал не остыл, даже когда они расстались… даже через время… ведь сказала (прошипела – по его словам) она ему в лицо: «Ненавижу» – едва только он поздоровался с ней за кулисами… а он ответил: «Значит, любишь»…

К слову: последняя супруга И. Кобзона Нинель Дризина, с которой певец проживает уже долгие-долгие счастливые годы, однажды совершенно справедливо подметила:

– Выйти замуж – это еще ничего не значит. Нужно суметь сохранить брак. Это постоянный труд.

Глава 22. Константин Купервейс. «Я же мужик! А она спит с собакой»

В 1973 году в жизни Людмилы Гурченко произошло сразу несколько значимых событий: одно трагическое – умер ее отец, второе радостное – она встретила своего четвертого мужа, пианиста Константина Купервейса. На момент их знакомства ему было 23 года, и, несмотря на разницу в возрасте, которая составила 13 лет, Людмила и Константин вместе прожили долгих 18 лет. Говорят, его рабская преданность, в которой не было понятий «я» или «мы», а только: «она» – сыграла с ним злую шутку. В итоге пианист взбунтовался, и в канун нового, 1992 года, расстался со звездной супругой.

Константин Купервейс рассказывал: «Мне друзья часто потом говорили: «Опять твоя тебя в газете лягнула». Надо отметить, что когда мы были вместе, Люся своих бывших мужей здорово грязью поливала. Кобзона особенно. Я слышал, как он недоумевал, что Купервейс столько лет выдержал. А я выдержал, потому что хотел этого, и я Люсе за многое благодарен… Многие ведь разошлись мирно и даже продолжают общаться. Бывший муж – это не враг номер один!.. Ужасно жалко, что Люся не отдала мне ни одной фотографии. С двадцати трех до сорока одного меня как будто и не было…»

«Людмила Марковна, признайтесь, почему вы меняли мужей как перчатки?» – как-то спросил великую актрису журналист Е. Маркин. На что получил ответ:

– Я никогда никому не врала и не терпела, чтобы врали мне! Когда мужчина имеет одну жену, а живет со всеми… Есть дуры, которые терпят. Мне такие отношения неинтересны. Собирала манатки и уходила!

Но в случае с Купервейсом такого же расставания было.

Беседовавшая с журналисткой «7 дней» А. Пахомовой актриса Татьяна Бестаева, долгие годы дружившая с Люсей Гурченко, признавала, что в личной жизни актрисе было весьма трудно найти достойного мужчину.

«Если честно, с ней было довольно трудно жить мужчинам. Вроде бы она восхищалась своим возлюбленным, но тут же и требовала от него поклонения. Говорила, как он талантлив, но подспудно, сама того не замечая, превращала мужчину в обслуживающий персонал. А ведь не всем это подходит…

Людмила Гурченко и Константин Купервейс.

К этому времени и наше общение с Люсей сошло на нет. Я поступила в Театр имени Моссовета и уже не могла уделять ей много времени, а Люся привыкла, что я прихожу по первому ее звонку. Она стала ревновать меня к моим новым друзьям… Постепенно мы перестали общаться. Я поняла, что с Гурченко мало дружить – ей нужно служить!

Люся была как птица феникс. Из любого пепла возрождалась. Только когда она восстанавливалась, напрочь забывала прошлую жизнь. Ничего не оставалось ни в ее сердце, ни в уме. И она отрезала от себя друзей, бывших мужей… Заметьте, нет такого человека, который прошел бы с Люсей рука об руку всю жизнь. Что ж, я благодарна ей за те годы, что мы дружили. И принимаю ее такой, какая она есть. Талантливый человек никогда не может быть простым и понятным»[34].

Она же считала, что «Когда в жизни Гурченко появился Купервейс, Маше было уже 14 лет. Красивая стройная блондинка, достаточно развитая уже девушка. Мне кажется, Люся стала бояться, что Купервейс переключится с нее на дочь. Может быть, поэтому она не была против, когда дочь рано создала семью».

Многие СМИ смаковали ситуацию, когда выяснилось, что Гурченко заставляла своего мужа музыканта Константина Купервейса спать на раскладушке рядом с супружеской постелью, буквально у нее в ногах. Тогда как кровать актриса делила с собачкой. Эта тема служила поводом порыться в грязном семейном белье этой странной пары, где мужчина, заметьте –

гораздо младше жены – готов был не только жить-дружить, а – *служить жене во всех смыслах.*

Подруга Людмилы Гурченко актриса Инна Выходцева, к примеру, говорила, что Константин ей иногда жаловался: «Инна, я же мужик! А она спит с собакой».

Меж тем именно Инна больше всех иных подруг Людмилы Марковны сочувствовала ее супругу, да и симпатизировала ему явно больше остальных. Она признавалась:

– Из всех Люсиных мужей мне больше всего нравился Костя Купервейс – наверное, единственный, с кем она по-настоящему была счастлива. Видимо, судьба сжалилась над ней за все мытарства. Вот это была любовь! И наконец-то – абсолютно взаимная! Люся мне рассказывала, как они с Костей познакомились. Она приехала на пробы в Белоруссию и в вестибюле столкнулась с компанией музыкантов. С одним из них встретилась глазами и почувствовала, что пропала. Казалось бы, внешне Купервейс не представлял из себя ничего особенного, да и роста он небольшого. Но все это меркло перед его неотразимым обаянием! Я даже на себе иногда чувствовала этот Костин мужской «гипноз». Словом, Люся влюбилась – мгновенно, с первого взгляда.

Когда они познакомились, Константин работал пианистом и аранжировщиком в эстрадном оркестре под управлением Александра Горбатых и был женат. Став спутником Людмилы Гурченко, он сдружился с ее дочерью.

– Дочка Люси оказалась открытой, доброй девочкой, и мы быстро нашли общий язык. Сначала она звала меня «дядей Костей», потом просто по имени, а спустя полгода, когда мы втроем отправились в Ялту, где у Люси было несколько съемочных дней, я услышал: «Костя, а можно я буду называть тебя «папой»?».

Так в жизнь 24-летнего мужчины вошла та, которую он долгие годы звал «дочкой». А ведь тогда Маше было четырнадцать! Исполняя новые обязанности, новоявленный отец ходил на родительские собрания, проверял уроки и подбадривал в трудную минуту.

Много позже Константин признается:

– Уверен, судьба Маши сложилась бы совсем по-иному, если бы мать была к ней чуточку внимательней и снисходительней. Если бы у нее вообще находилось время для дочери. Но Люся считала себя в первую очередь актрисой. И во вторую, и в третью…

Ему удалось подружиться и с тещей, которая открыто сочувствовала молодому зятю, не раз втихаря предлагая ему

расстаться с ее знаменитой дочерью в силу эгоистичных устремлений последней.

Да и сама Люся не могла пожаловаться на мужа. Он делал, предугадывая ее желания, то, что не исполняли все ее прежние поклонники и мужья. К примеру, сделал ритуалом завтрак в постель.

– До тебя я только мечтала, чтобы мужчина так ко мне относился. Чтобы так любил. Иногда кажется: Бог, забрав папу, послал мне тебя…

Впервые, еще лежа в постели и получив поднос с завтраком, она поразилась такой заботе и расплакалась. А с годами, как это ни прискорбно, к подобной заботе привыкла, как к данности. И в этом была ее стратегическая женская ошибка. Но иначе она не была бы мадам Гурченко – единственной и неповторимой…

Первые проблемы в этой новой семье возникли из-за Люсиной тяги к вечной молодости. Людмила Марковна не могла смириться с течением лет, с морщинами и сединой… Став рабой косметологов и хирургов, она пережила десятки пластических операций, превращая свое лицо в маску манекена, когда невозможно практически ни улыбаться, ни моргать.

«Аплодисменты дают тебе крылья. Аплодисменты жидкие их убирают. Когда слышишь стук собственных каблуков – провал. Если я стучу и не слышу ничего – это прекрасно». (Людмила Гурченко)

Поговаривают, что поводом для развода с преданным Купервейсом стала интрижка Л. Гурченко с режиссером Леонидом Трушкиным.

– А что удивляться? Люся же была актрисой, настоящей, великой… Таким, как она, время от времени требуется допинг. А

между режиссером и актрисой часто пробегает искра. Помню, Люся и в Михалкова была влюблена, когда снималась у него в «Пяти вечерах», – сыпала подробностями актриса Инна Выходцева[35].

Сама же актриса однажды жестко и безапеляционно признала:

– Вы знаете, мой жизненный опыт привел меня к выводу, что все мужики – козлы!

Утверждают, что Людмила Марковна всех бывших мужей считала недостойными, предателями и не стеснялась в выражениях, когда упоминала их в интервью. И даже самый покладистый, самый тонкий из ее бывших – Костя Купервейс – получил свою порцию гнусностей. А ведь когда-то, на заре их отношений, его отец предупреждал о неизбежной фатальности: «Она сначала превратит тебя в кролика, а потом съест».

Однажды друзья музыканта возмущенно посоветовали прочесть очередное интервью звездной актрисы. Несмотря на то, что прошло 19 лет после их расставания, ее сердце пылало злобой. И тогда бывший супруг дал согласие на ответное интервью[36].

«Естественно, я тут же пошел и купил газету. Интервью называлось «Мои мужья – это отбросы и обмылки». Процитирую самый «яркий» отрывок: «Никто не смеет так поступать со мной… Он признавался мне в любви, а за моей спиной готовил свою будущую жизнь. Обмылок! Сейчас ему не хватает, чтобы вслед шептались: «Смотри, Купервейс пошел – муж Гурченко». Надо быть благодарным, что тебя вынули из дерьма, сделали из тебя человека, а ты взял и плюнул…»

Да-а, сильно. «Обмылком» меня Людмила Марковна еще не называла, да и извлеченным из «дерьма» – тоже. Девятнадцать лет прошло, а она все придумывает новые и новые эпитеты. Откуда такие «долгоиграющие» злоба и ярость?»

«Бывший» парировал ответными, куда более весомыми, обидами:

– Мне есть о чем жалеть. О том, что не реализовал свой талант музыканта и композитора, о том, что у меня нет и никогда не будет своих детей, а у моих родителей – внуков. Но за все эти девятнадцать лет я ни разу не пожалел о том, что ушел от звезды по имени Люся Гурченко.

В середине 1980-х, – признавал Купервейс – вместе со звездной болезнью к Людмиле Марковне придет раздражение всем и всеми: им, его родителями, собственными матерью и дочерью…

Она же в том интервью, которое так озадачило его, говорила:

– Мне казалось, что Костя Купервейс – идеальный, все вокруг умирали от зависти, как же мне с ним повезло! Я даже решилась венчаться. Мы встретились в 1973 году, когда умер мой папа. И я подумала, что мне послан человек свыше. Мы прожили 18 лет, а он ушел к продавщице. К продавщице! Нет ничего страшнее предательства – обдуманного, обаятельного, музыкального. У узнавших про это побелели лица…

– Сейчас я по-иному вспоминаю восемнадцать с половиной лет, прожитых с Люсей, – утверждает музыкант. – Сколько души было отдано ей, все было подчинено ей, ее карьере, ее жизни. Она создала свои лучшие роли в кино, спела лучшие песни, написала лучшую книгу «Мое взрослое детство», которую я знаю наизусть. Были замечательные вечера, и дни, и недели, и месяцы, и годы… И никто не собирается этого зачеркивать.

В самом деле, на их совместную жизнь пришелся расцвет таланта Людмилы Марковны.

К примеру, фильм 1983 года «Вокзал для двоих» лидировал в прокате и в опросах зрителей, и тогда же Людмиле Гурченко присвоили звание народной артистки СССР. Есть мнение, что сделал это лично Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов, которому так понравился «Вокзал для двоих», что он вручил актрисе звание без положенных предварительных формальностей.

А вслед за этим значимым событием ей принесли телеграмму от режиссера Владимира Меньшова, который, поздравляя актрису с заслуженным званием, приглашал приехать в Медвежьегорск, где снимал фильм «Любовь и голуби». Ей была обещана весьма интересная роль, причем без всяких проб. А вскоре вслед за героинями полюбившегося фильма вся страна подшучивала друг над другом с характерными интонациями:

– Сучка ты крашеная!

– Почему же крашеная? Это мой натуральный цвет.

…К великому счастью самого Купервейса, после тяжкой разлуки *с женщиной его жизни*, он встретил другую, добрую, милую, нежную. Которой он был дорог просто потому, что был именно таким, каким был…

И все же…

«Иногда мне грезится единственный и тот же кошмарный дрём. В квартире все как в свое время. Даже на столе карельской березы стоит любимая Люсина ваза из зеленого уранового стекла, а в ней роза. В доме суматоха. Мама Люси хлопочет на кухне, Люся прихорашивается у зеркала и мне кричит: «Костя, быстрее,

мы опаздываем!» А я смотрю на часы и с ужасом думаю: «Как же я скажу ей, что уже давнехонько живу с Наташей?!» Просыпаюсь в холодном поту и с облегчением вижу рядом свою любимую жену…»[37]

Кадр из кинофильма «Любовь и голуби».

Зато о ее жизни без него хорошо сказал Анатолий Эйрамджан, кинорежиссёр, сценарист, актёр и писатель из Баку:

– После расставания с Купервейсом из творчества Гурченко ушло что-то очень важное. И вернуть это важное ей не удалось, даже заставляя музыкантов играть «как Костя».

Глава 23. Сергей Сенин. 20 лет со звездой в режиме terra incognita

После развода с Купервейсом Гурченко познакомилась с молодым бизнесменом Сергеем Сениным, и вышла за него замуж.

Именно Сергей определил характер взаимоотношений Людмилы Гурченко с мужчинами. Он сказал, что актриса никогда не искала определенного мужчину – она всю жизнь искала только отца. Потому и все ее мужья прозываемы были ею исключительно «папами». В том числе и молодой муж Купервейс, и очередной молодой Сенин (их разница в возрасте составляла 25 лет!). Несмотря на это, Сергей Сенин и Людмила Гурченко прожили вместе двадцать лет. И все эти годы он, как по шаблону, всегда называл ее «дочкой».

Вот ведь и актриса Инна Выходцева подтвердила:

– Иногда я, прожившая всю жизнь со своим Левой, удивлялась: зачем Люся столько раз выходит замуж? Но ей непросто было найти своего человека. При этом каждый новый мужчина норовил затащить ее в загс. Люся объясняла: «Не всегда получается отказаться. Хотя была бы моя воля – я бы ограничилась гражданскими браками». Гражданских браков у нее, кстати, тоже было немало – не имеет смысла даже все перечислять. Что уж говорить – мужчины Гурченко любили! Интересно, что она всех своих возлюбленных называла «папами». Может, потому, что скучала по своему отцу, к которому была очень привязана. Ну или это у нее такая была харьковская манера… Но Люся и режиссеров, у которых снималась, тоже «папами» называла. И Михалкова, и Кончаловского… А они ее между собой – Козой. Говорили: «Ну что, Коза приехала на грим? Коза одета? Сейчас дубль с Козой…» Это с тех пор, как она снялась в роли Козы в фильме «Мама».

Когда ей вечером 30 марта 2011 года стало очень плохо, она тихо попросит своего супруга Сергея: «Папа, вызывай «скорую»…» Но «скорую» она уже не дождется…

Незадолго перед этим – 14 февраля 2011 года – Гурченко поскользнулась у своего дома и сломала бедро. Актрису госпитализировали, на следующий день ей была сделана операция, а в начале марта уже выписали домой. Но 30 марта состояние актрисы ухудшилось.

Бизнесмен Сергей Сенин, как и пианист Купервейс, долгие годы искренне и преданно служил своей любимой. «Это был его

выбор, выбор сильного самодостаточного мужчины – служить женщине, которую он боготворил с восемнадцати лет…» – сказала известная журналистка Кира Прошутинская.

О Сенине известно немногое, да и не любит он выставляться напоказ; вообще их жизнь со звездой для большинства была terra incognita. Известно, к примеру, что он – выходец из Одессы, окончил Одесский инженерно-строительный институт с красным дипломом, поступил в аспирантуру. Женился на Галине, которая работала экономистом на киностудии. В их годы жизни в общежитии Одесской киностудии, где у Галины была своя комната, родилась их дочь Арина (сейчас мать с дочерью проживают в Израиле).

Знакомство бизнесмена с актрисой произошло уже после отъезда его близких в Израиль, – в 1990 году на съемочной площадке фильма «Сексказка» по Набокову, который он продюсировал. Фильм снимался в Литве, в Вильнюсе. Он и прилетел туда, а по дороге на студию купил цветы для актрисы Гурченко, которую в первый момент встречи не узнал, приняв за просто несказанно красивую женщину… Они прожили вместе шесть лет, прежде чем зарегистрировали брак.

О знакомстве со звездой, Сенин рассказал уже после ее ухода в вечность и после лет, прожитых им «по инерции», без нее. На встречу его уговорила Кира Прошутинская. Вот что можно почерпнуть из ее материала[38]:

«Сергей затушил очередную сигарету, и я вдруг увидела на его руке красивое кольцо.

– Откуда оно, Сережа? – спросила неожиданно для себя, без всякого перехода, бестактно.

– Люся подарила, – сказал он, взглянув на кольцо. – Сапфир в белом золоте. Она купила его в Нью-Йорке, в хорошем магазине. Ей всегда хотелось, чтобы у меня было нечто такое. Вообще все, что есть во мне приличного, – это Люсина заслуга. Потому что когда мы встретились, я был полным идиотом. Встреча с ней – это безумное везение, Кира! То, что мы с Люсей не просто пересеклись в жизни, а прожили огромный отрезок времени, – это же не могло быть случайным? Да, я сознательно жил ее жизнью, иначе – зачем с ней жить? До нее у меня была продюсерская фирма, я делал картины, за которые мне не стыдно и которые давали вполне осязаемый финансовый успех. Я – реальный человек. Но с Люсей я был готов делать все не задумываясь, принесет это какую-то прибыль или нет».

Людмила Гурченко и Сергей Сенин. «Пожалуйста, верьте в себя, любите, ничего не бойтесь, будьте свободными, рискуйте. Понимаете, жизнь такая штука, что вроде бы ты вот молодой, молодой, молодой, а потом бац – и конец. Оглядываешься и думаешь о том, как много всего не сделал потому что боялся, стеснялся, струсил. Не надо ничего бояться. Рискуйте. Пусть даже вы ошибётесь. Это жизнь. И главное, конечно, любите друг друга. Всегда, каждую минуту». (Людмила Гурченко)

Именно этот мужчина, ставший в жизни кинодивы ее последним оплотом, стремился потом к тому, чтобы элитная квартира Гурченко не ушла с молотка, а стала бы музеем, достойным памяти ВЕЛИКОЙ АКТРИСЫ.

Конечно, как верно подметила Е. Мишаненкова, с 1985 года для Л. Гурченко началась история выживания; «Да, впереди были еще «Виват, гардемарины», «Моя морячка», «Старые клячи» и многое другое. Но «потолок» был уже достигнут в фильмах «Вокзал для двоих» и «Любовь и голуби». Людмила Гурченко вдруг оказалась в положении не так давно сыгранной Эмилии из «Рецепта ее молодости» – вроде бы талант есть, а развивать его уже невозможно, не позволяет мир, в котором ей приходится жить».

За годы совместной жизни с последним супругом Гурченко получила еще немало призов и наград, среди которых – орден «За заслуги перед Отечеством» II степени. А в 1995 году вручили приз «Золотой билет» – по опросам зрителей она была признана лучшей актрисой за всю историю советского и российского кино.

В феврале 2011 года она еще приняла участие в съёмках фильма «Легенда. Людмила Гурченко»…

…Последние годы жизни Людмилы Гурченко почти все публикации в СМИ о личной жизни звезды сводились в основном к ее непростым взаимоотношениям с дочерью Марией (актриса судилась с ней за квартиру матери; были также тяжбы за другое имущество и машину) и манипуляциям с внешностью (актриса сделала рекордное количество пластических операций и разнообразных косметических процедур).

Но схватка с Временем всегда бесполезна, даже если Ты – *Живая Легенда*…

Великая актриса российского кинематографа умерла 30 марта 2011 года.

Несмотря на солидный список ухажеров, законных мужей, друзей и любовников, Гурченко никогда не считала себя ветреной.

– Любовь у меня всегда была одна – большая, искренняя, чувственная, преданная. Вот только объекты менялись.

Но даже в этом ироничном признании мы находим подвох: взаимозаменяемыми объектами ее «большой и преданной любви» были не люди, не мужчины, а названия картин и спектаклей… где она если не сыграет главную роль, то хотя бы мелькнет – яркая и узнаваемая всеми…

notes

Примечания

1

http://belvol.livejournal.com/170878.html

2

http://www.segodnya.ua/regions/kharkov/ecli-by-kharkov-byl-ctolitsej.html

3

http://belvol.livejournal.com/165690.html

http://velib.com/read_book/
mishanenkova_ekaterina_aleksandrovna/ljudmila_gurchenko/prolog/

5

Цитируется по книге Л. Гурченко «Мое взрослое детство».

Там же.

7

Имеется в виду четвертый муж Людмилы Гурченко Константин Купервейс. Долгих 18 лет этот мужчина, младше супруги на 13 лет, был рядом с великой актрисой.

8

Цитируется по книге Л. Гурченко «Люся, стоп!»

9

Там же.

10

Цитируется по книге Л. Гурченко «Аплодисменты».

11

Опубликован в газете «Московский комсомолец» от 1 апреля 2011 г.

12

«Фанфан-тюльпан» (фр. Fanfan La Tulipe) – французский фильм плаща и шпаги, завоевавший приз Каннского кинофестиваля. Вышел на экраны в 1952 г. По сюжету, молодой красавец Фанфан идет в армию, чтобы избежать насильственной женитьбы и осуществить предсказание цыганки, нагадавшей ему славу воина и невесту королевской крови. – Примеч. ред.

13

К примеру, https://ru.wikipedia.org/wiki/Пырьев,_Иван_Александрович; http://www.kino-teatr.ru/kino/director/sov/21425/bio/ и др.

http://www.aif.ru/culture/movie/
ochen_skuchnoe_kino_karnavalnuyu_noch_hoteli_zabyt_kak_strashnyy_son

http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=1124

16

http://www.aif.ru/culture/movie/ochen_skuchnoe_kino_karnavalnuyu_noch_hoteli_zabyt_kak_strashnyy_son

17

WMJ.RU http://www.wmj.ru/moda/moda-i-zvezdy/ikony-stilya-enciklopediya/lyudmila-gurchenko/

18

Цитируется по книге Л. Гурченко «Люся, стоп!»

19

Имеются в виду коньячные звезды на этикетке.

http://www.aif.ru/culture/person/
legenda_po_imeni_lyusya_vse_tayny_chastnoy_zhizni_lyudmily_gurchenko

https://ru.wikipedia.org/wiki/Ордынский,_Василий_Сергеевич

http://www.aif.ru/culture/person/
legenda_po_imeni_lyusya_vse_tayny_chastnoy_zhizni_lyudmily_gurchenko

http://www.rg.ru/2014/11/04/gurchenko-site.html

Более подробно см. здесь: https://ru.wikipedia.org/wiki/Балтийское_небо

25

http://7days.ru/stars/privatelife/podruga-gurchenko-muzh-lyusyu-strashno-revnoval-odnazhdy-dazhe-vystrelil-v-nee/15.htm#ixzz3yqAKNzoR

26

http://7days.ru/stars/privatelife/podruga-gurchenko-kogda-u-lyusi-rodilsya-obychnyy-rebenok-ona-byla-strashno-razocharovana/3.htm#ixzz3yqF7qJ00

27

http://www.rg.ru/2014/11/04/gurchenko-site.html; http://www.aif.ru/culture/person/legenda_po_imeni_lyusya_vse_tayny_chastnoy_zhizni_lyudmily_gurchenko

http://totul.md/ru/expertitem/838.html

https://ru.wikipedia.org/wiki/Кваша,_Игорь_Владимирович

http://www.jewish.ru/culture/events/2008/02/news994258704.php

31

http://7days.ru/news/lyudmila-gurchenko-ne-khotela-zhit-posle-ukhoda-iz-sovremennika.htm

http://www.eg.ru/daily/otbor/46375/

http://7days.ru/caravan/2008/8/iosif-i-nelli-kobzon-brak-po-raschetu/16.htm

http://7days.ru/stars/privatelife/podruga-gurchenko-kogda-u-lyusi-rodilsya-obychnyy-rebenok-ona-byla-strashno-razocharovana/4.htm#ixzz3ypIzCgcW

http://7days.ru/stars/privatelife/podruga-gurchenko-muzh-lyusyu-strashno-revnoval-odnazhdy-dazhe-vystrelil-v-nee/21.htm

http://7days.ru/caravan-collection/2011/2/konstantin-kuperveys-zhizn-so-zvezdoy/3.htm

http://persones.ru/biography-24560.html

http://7days.ru/caravan-collection/2013/8/kira-proshutinskaya-o-gurchenko-muzh-spasal-ee-ot-ustalosti-i-otchayaniya/12.htm#ixzz3ypj4oxAD